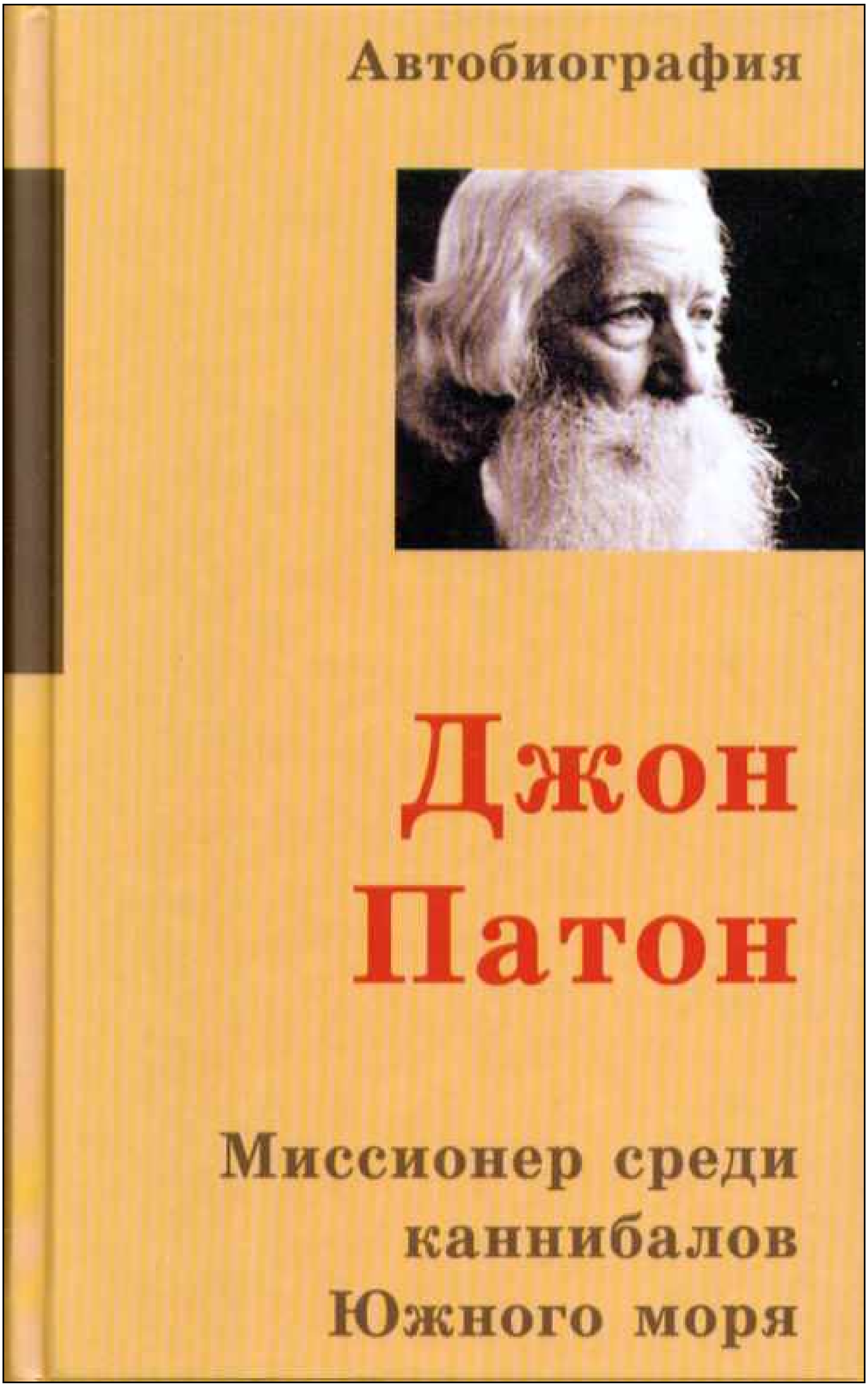
Джон Патон Миссионер среди каннибалов Южного моря

Джон Патон Миссионер среди каннибалов Южного моря

Автобиография

Предисловие

В 1891 году первое английское издание чрезвычайно известной истории жизни миссионера среди каннибалов Джона Патона было переведено с небольшими сокращениями на немецкий язык.

Экзотическое миссионерское поле в Южном море вызвало большой интерес: смелость и стойкость живой веры Патона послужили для многих образцом и мощным толчком к желанию самим идти на миссионерские поля. Для юных читателей была подготовлена книга «Приключения», в которой переданы подлинные жизненные переживания Патона. Для детей это была первая встреча с язычниками чужих стран.

Чтобы сделать книгу «Миссионерская жизнь из первых рук» читаемой, необходимо было перевести на современный язык оригинал столетней давности. Там, где текст был слишком длинным, слова Патона коротко пересказаны. Эти пассажи – чтобы не исказить оригинал – даны как биографические дополнения.

Но характер истории жизни Патона остался автобиографическим. Это волнующее повествование о великом милосердии Бога, Который никогда не постыдит того, кто возложил все упование на Него.

Новые Гебриды

В 1772 году капитан Кук, открыватель восточного побережья Австралии, выехал из Плимута в свою вторую экспедицию в район Тихого океана.

Совсем молодой немец, Георг Форстер, отправился вместе с ним в качестве научного сотрудника. Он описал открытие Танны, одного из южных островов Новых Гебридов – так Кук назвал эту группу островов.

Форстер был в восторге от богатой фауны и флоры островов Южного моря. Он писал об этом в своих трудах, хотя и опасался, что вызовет жажду наживы его «культурных» современников. И на самом деле: с островами Меланезии было открыто одновременно и богатство этих островов: сандаловое дерево и… люди!

Когда первые миссионеры избрали Новые Гебриды полем своей работы, они тут же наткнулись на пороки тех сомнительных посланников цивилизации, которые беспощадно грабили народ и страну ради своей выгоды. Жадность многих белых стала для населения еще одним бичом вместе со всеми мерзостями каннибализма, который был выражением их извращенного религиозного культа.

В это напряженное время пришли сюда первые миссионеры, и среди них был шотландец по имени Джон Патон…

Часть первая

МОЛОДЫЕ ГОДЫ

Глава 1

Семья

Шотландия – родина ковенантов, которые в годы Реформации отошли от католической церкви и образовали свое братство. По обычаям реформаторов они собирались для молитвы и чтения Слова Божьего, совершали Вечерю Господню. За протестантские убеждения многим пришлось заплатить своим состоянием, а некоторым – и жизнью. Наследником верных ковенантов стал Джон Гибсон Патон (он всю жизнь придавал этому большое значение!), родившийся 24 мая 1824 года на юге Шотландии в доме арендованного имения Бреад, около Думфриса, сын чулочника Джеймса Патона.

Когда Джону было 5 лет, родители переселились в Торторвод – небольшое процветающее селение. В хорошо налаженном сельском обществе жили вместе строители, крупные и мелкие арендаторы, ткачи, сапожники, бондари, резчики деревянной обуви, швеи и кузнецы, которых спасал от голода только тяжелый труд. Это были ни от кого не зависимые люди, позволяющие себе иметь собственное мнение о власти и церкви. В Торторводе родители жили сорок лет, здесь у них родилось еще восемь детей. Всего в семье было пять сыновей и шесть дочерей.

Небольшой домик, соломенную крышу которого нужно было обновлять почти каждый год, был построен из четырех пар ореховых стволов. За четыреста лет от ненастной погоды и печного дыма балки дома стали коричневыми и так затвердели, что даже гвозди в них уже нельзя было забить.

«В нашем доме было три комнаты. Одна из них служила одновременно кухней, столовой и спальней. В ней стояли две большие кровати с занавесками. Вторая комната на другом конце дома была отцовской мастерской, в которой стояло пять или шесть станков. Третья комната, находящаяся в середине дома, была маленькой. Там было место для одной кровати, маленького столика и одного стула. Узкое окошко давало очень мало света. Это было святилище дома.

Мы видели, как наш отец несколько раз в день заходил туда, обычно после завтрака, обеда и ужина. Мы слышали, как он закрывал дверь, и, хотя об этом никогда не говорилось, мы догадывались, что наш папа там молится. Иногда мы слышали серьезный и взволнованный голос молящегося, как будто наша жизнь была в опасности. Мы научились проходить мимо этой комнаты на цыпочках, чтобы не мешать отцу. Никто из чужих людей не догадывался, отчего лицо отца всегда озарялось светом счастья и приветливости. А мы знали причину этого – это была близость Божья, которую он всегда ощущал в своей жизни. Нигде больше я не мог так почувствовать близость Божью, видеть ее явное влияние на человека, как это было тогда в нашем бедном домике».

В своих мыслях сын все снова и снова будет возвращаться к сценам раннего детства и слышать эхо этих молитв. Любое сомнение исчезнет при мысли: «Отец разговаривал с Богом – почему же и я не могу это делать?»

Его мать, Жанет Жардина Рогерзон, была радостной, терпеливой и работящей женой. «Сорок три года она вела хозяйство и воспитывала одиннадцать детей в страхе Божьем. После всего пережитого я с огромным восхищением думаю о ней». Совсем молодой девушкой она пришла в дом старенького дяди, чтобы помочь ему и его жене в радости прожить последние годы жизни. Пожилых людей называли вокруг не иначе, как

«старый Адам и старая Ева». Домик, в котором они жили, находился далеко от соседнего села, и девушке совсем не с кем было общаться. Зато каждый день она могла гулять в прекрасном лесу.

В этот же лес ранним утром приходил молодой чулочник. Он брал с собой книгу, как будто собирался там учиться. Однажды девушка прокралась за ним и стала внимательно слушать, как он читал и повторял незнакомые стихи. Ее любопытство перешло в уважение, когда она увидела, что молодой человек встает на колени и молится. Молодые люди не общались друг с другом: она пряталась в кустах, а он ничего не подозревал о тайной слушательнице, которая часто следила за ним.

Однажды девушка, подкравшись, повесила на ветку его широкую шотландскую шляпу, которую он снимал во время молитвы. Углубленный в молитву, молодой Джеймс ничего не заметил, а девушка в укрытии весело наблюдала, как он искал свою шляпу.

На следующий день она повторила эту игру, но испугалась, увидев, как юноша долго стоял с шляпой в руках, серьезно раздумывая о том, что здесь произошло. Молодой девушке стало стыдно, и на следующий день, когда Джеймс пришел на свое обычное место, он нашел на ветке записку: «Та, которая брала вашу шляпу, стыдится, что делала это. Она очень уважает вас и просит молиться за нее, чтобы она стала такой же хорошей христианкой, как вы».

Джеймс долго рассматривал эту записку. Он забыл о своих занятиях и думал, досадуя на свою недогадливость, кто бы мог написать эти слова. Ему и в голову не приходило, что над ним мог подшутить кто-то из людей. Он думал, что имеет дело с ангелами. Когда он поднял голову, то взгляд его упал на домик Адама и Евы, стоящий в прогалине. В это время он увидел молодую девушку, которая вышла из дома и с песней на устах и с ведром в руках торопливо направилась на дойку. Тут его озарило, что автором записки является племянница Адама и Евы. Хотя он никогда не разговаривал с ней, но со всех сторон слышал много похвал в ее адрес. В эти утренние часы он учил «Библейские сонеты» Ральфа Эрскина, которые помнил наизусть даже на смертном одре.

За Господом Джеймс последовал, когда ему было семнадцать-восемнадцать лет. Этому послужили особые переживания. Он был совершенно необычным самостоятельным молодым христианином, который сделал свой выбор только после тщательного исследования различных церквей и их учения. Своих родителей он убедил в том, что читать Библию и молиться нужно ежедневно – утром и вечером, одного воскресного собрания – недостаточно. Отец – старый солдат – охотно согласился, когда Джеймс вызвался сам руководить семейным собранием. С восемнадцати лет и до самой смерти, то есть шестьдесят лет, Джеймс сохранил привычку общения с Богом в молитве. Для него не существовало никаких причин, чтобы не иметь такого общения. Ни спешка, ни работа или торговля, ни приход друзей или гостей, ни страх и заботы, ни радости или скорби не мешали ему. Для многих людей он послужил большим благословением.

В молодости Джеймс дал слово, что если у него будут сыновья, он посвятит их Богу, если Господь захочет употребить их. (Трое из пяти его сыновей пошли этим путем!)

«Каждый из нас был очень рад, возможности сопровождать отца в церковь. Четыре мили были для нас удовольствием. В городе мы всякий раз могли увидеть что-то интересное. Некоторые благочестивые мужчины и женщины присоединялись к отцу, и мы, молодые, получали представление о том, что значит христианский разговор. Взрослые шли в церковь, надеясь на встречу с Богом, а возвращаясь домой, усердно рассуждали о Слове жизни, полученном ими».

Христианство открывалось детям в «духовной свежести и радости». Оно не было для них «сухим разговором?, но «касалось струн души» и привлекало их.

Воскресные вечера были посвящены особым семейным собраниям. Рассуждая о Слове Божьем, взрослые и дети могли получить ответы на свои вопросы, подтверждая их местами из Библии. Так в детях закладывался метод все большего и большего познания любви Бога, Который за них отдал на страдания и смерть Своего Сына.

«Позднее многие из этих вопросов и ответов получали более глубокий смысл и понимание, но никто из нас никогда не мог упрекнуть родителей и пожелать себе другого воспитания. Конечно, если бы родители были только с виду благочестивы, честны и

приветливы (или еще хуже – лицемерны и лживы!), то результаты были бы совсем другие!»

Из-за маленьких детей мать не могла часто бывать на собраниях, так как нужно было очень далеко идти пешком. В воскресенье вечером отец рассказывал ей все, о чем говорилось на собрании. «Он поощрял нас помогать ему в пересказе слышанного и очень радовался, когда мы стали делать краткие записи проповедей и при возвращении дополняли его рассказ. Поощрение отца вызывало усердие в нас – пересказывать проповеди другим! Часто при этом отец приводил тот или иной подходящий жизненный пример».

Если кого-либо из детей нужно было наказать за какой-то серьезный проступок, то мы видели, как папа закрывался в своей комнатке, а мама говорила нам, что он рассказывает об этом проступке Господу. Это было чрезвычайно тяжко, «так как моя совесть принимала наказание как от самого Бога».

Будучи уже пожилым, Джеймс Патон смог заняться тем, о чем мечтал с самой молодости. Двенадцать лет он трудился там, где жил, как миссионер, служитель Евангелия, посещая дома, какие только мог. Его звали к умирающим и скорбящим, его с нетерпением ждали старые и больные и радостно приветствовали дети. «Он сиял от радости, рассказывая, какое великое множество Библий и других духовных книг он продал. Он пел псалмы больным и молился у постели умирающего».

Его жена, «маленькая Дженни», умерла в 1865 году. Через три года, на 78-м году жизни, ушел к Господу и он сам.

Глава 2

Сын – детство и юность

В Шотландии в то время были очень необычные школы, в которых дети из бедных и богатых семей вместе изучали Библию, грамматику, историю и географию. Способные мальчики из беднейших домов учились здесь латыни, математике и греческому языку, готовясь в университет. Младший брат Джона Патона, Джеймс, оставил такую школу в 14 лет, чтобы посещать университет в Глазго. В то время, когда Джон ходил в школу, ею руководил способный педагог, у которого был один недостаток: он был слишком строгим, а иногда ужасно злился, что выводило его из равновесия.

«И все же я знаю, что он был иногда добрым и мягким. Он, видно, заметил, что я не так хорошо одет, как мои товарищи. Мои успехи в учебе радовали его, поэтому он решил сделать мне сюрприз. Как-то вечером, когда мой отец горячо молился на семейном собрании, тихо отворилась и так же тихо закрылась входная дверь. Как только закончилась молитва, я подбежал к двери и у порога нашел пакет с красивым костюмом. Мама сказала, что, кто бы его ни дал, это Бог послал его мне, и я должен с благодарностью принять этот подарок из Его рук.

Когда на следующее утро я появился в школе в новой одежде, учитель сказал, что костюм мне очень идет. Я доверчиво рассказал ему, как получил его и что мне сказала мама. Он, улыбаясь, ответил: "Джон, если тебе снова что-то понадобится, скажи своему отцу, пусть он помолится об этом, и, может быть, Бог снова поможет". Прошли годы, прежде чем я узнал, что учитель приходил к нам во время молитвы отца».

И все же этот учитель был виноват в том, что Джон прежде времени оставил школу. «Однажды, когда он несправедливо наказал меня, мама уговорила меня вернуться в школу. Как только он увидел меня, то тут же бросился на меня и так жестоко избил, что от боли и ужаса я убежал домой. Позднее, когда его гнев утих, он пришел к моим родителям, просил прощения и хотел снова взять меня с собой. Но бесполезно – я не мог решиться на это. Так закончилась моя учеба в школе.

Хотя мне едва исполнилось двенадцать лет, я начал учиться профессии отца. Мы работали с шести часов утра до десяти вечера, отдыхая час в обед и по полчаса во время завтрака и ужина. В эти немногие свободные минуты я брался за учебники,

особенно повторял латынь и греческий, потому что моим самым большим желанием было стать миссионером или священнослужителем».

Для будущего служения это время не было потерянным. Мальчик узнал о миссионерах, которые трудились среди диких племен, а также о том, что очень полезно «разбираться в машинах и станках и знать, как ухаживать за ними». А с другой стороны – жизнь отца для него была Божьей школой.

«Когда мы всей семьей стояли на коленях вокруг отца и он от всего сердца молился о покаянии язычников или приносил Господу личные и домашние нужды, нам казалось, что живой Спаситель стоял рядом с нами, и мы научились любить Его, как нашего личного Друга».

В результате этого в сердце Джона появилось горячее желание – нести свет Евангелия в языческую тьму.

Пример матери также оказал огромное влияние на его внутренний мир. «Наша семья, как и другие, занималась сельским хозяйством. Один год был очень неурожайным. Мы собрали совсем мало картофеля, пшеницы, овса и были в большой нужде. Папа пошел с готовым товаром в Хавик. Ему трудно было продать свои изделия, поэтому он в тот день не смог вернуться домой. Тем временем все наши запасы пищи пришли к концу. Вечером мама собрала нас и попросила, чтобы мы пошли спать без ужина. Она сказала, что обо всем рассказала Богу, просив Его помочь, и что утром Он несомненно пошлет просимое.

На следующий день рано утром перевозчик грузов из Локерби привез подарок от отца, который и не подозревал о нашем бедственном положении». Мешок картофеля, мешок муки нового урожая и круг сыра могли утолить голод большой семьи.

«Моя мать, увидев наше удивление от такого чудного ответа на молитву, собрала нас и от всего сердца благодарила Бога за Его милость, а потом сказала: "Всем сердцем любите вашего Небесного Отца. С твердой верой приносите в молитве к Нему все, в чем вы нуждаетесь, и Он даст, если это будет во благо вам и принесет славу Ему"».

Набирая практический и духовный опыт, Джон никогда не забывал о своей цели. Он понемногу откладывал деньги, полученные от отца за работу, чтобы ему хватило на шесть недель жизни в Думфрисе, где он мог посещать академию.

«Там у меня снова появилась жажда к учебе и я решил поменять профессию. Первое место работы я нашел в солдатской строительной бригаде, которая в то время проводила измерения для составления топографической карты нашего графства.

В обеденный перерыв, когда другие играли в футбол и другие игры, я углублялся в мои книги. Наш лейтенант заметил это из окна своего кабинета. Однажды он позвал меня и спросил, что я изучаю. Я рассказал ему о своем положении, о своих желаниях. Он посоветовался со своими сотрудниками и снова позвал меня. В их присутствии он предложил мне учиться за государственный счет, если я заключу договор о службе на семь лет. Я вежливо и сердечно поблагодарил его и сказал, что могу связать себя договором только на три-четыре года, но не на семь лет.

Он возбужденно спросил: "Что? Вы не хотите принять предложение, которым гордились бы даже сыновья джентльменов?"

Я сказал: "Моя жизнь принадлежит другому Господину, ради Него я не могу терять семь лет". – "Кому же вы служите?" – резко спросил он. – "Господу Иисусу Христу, и я хочу как можно быстрее проповедовать Его Евангелие".

Он сердито шагал взад и вперед по комнате, затем позвал казначея и сказал мне: "Примите мое предложение, или я сейчас же рассчитаю вас".

Я ответил: "Мне будет очень жаль, если вы это сделаете. Но если я свяжу себя на семь лет, то не достигну своей цели в жизни. Я очень благодарен вам, но не могу принять ваше доброе предложение".

Гнев лишил его способности понять мое тяжелое положение. Он немедленно отдал приказ, и я тут же получил расчет и ушел».

Оттуда Джон пошел в Локерби. Там требовались рабочие для уборки урожая, и здесь он нашел работу.

«Когда я вышел на работу в первый день, ко мне подошел фермер и приказал связать сноп. После того как я выполнил приказание, этот сильный мужчина схватил мой сноп – и

он развалился.

Вместо того чтобы поругать меня, он показал мне, как нужно делать эту работу. Второй мой сноп выдержал его удар, а третий он бросил далеко в поле и, когда поднял его целым, сказал: "Так, мой мальчик! А теперь – вперед!"»

В дни, когда из-за непогоды нельзя было работать, Джон нарисовал план сада с клумбами для жены фермера. Когда план был одобрен хозяевами, он сам с удовольствием выполнил эту работу, так как с детства помогал матери ухаживать за садом. «Это время мне тоже послужило на пользу, когда пришлось в чужой земле строить миссионерские дома и сажать огороды и сады без посторонней помощи».

Перед тем как пойти на полевые работы, Джон договорился о месте работы в Глазго. Одна церковь искала молодого человека, который мог бы вести духовную работу в районе церкви: раздавать трактаты и заботиться о тех, кто не посещает собрания. При этом ему была дана возможность целый год посещать семинар, чтобы выучиться на учителя.

В определенный день Джон Патон должен был прибыть в Глазго. Первую часть пути ему нужно было пройти пешком, а дальше – ехать на поезде. Почтовая карета была недоступной роскошью для молодого человека, ищущего работу. В маленьком узелке поместились все его вещи и Библия, завернутая в носовой платок.

Провожая сына, отец прошел с ним некоторую часть пути. Молитва и впечатления этой разлуки глубоко врезались в его память: «Советы отца и его слезы, его беседа о духовных вопросах еще и сегодня свежи в моей памяти, как будто это было только вчера. Еще и сегодня на глаза наворачиваются слезы, когда я вспоминаю этот час разлуки.

Последний отрезок пути мы шли молча. Мой отец держал шляпу в руках, его длинные светлые локоны, которые позже стали белыми, падали на плечи. Его губы двигались в тихой молитве за меня, глаза были полны слез. Мы остановились на месте, где должны были расстаться. Он крепко держал мою руку, молча смотрел мне в глаза, а затем торжественно и с любовью сказал: "Сын мой, да благословит тебя Бог! Бог твоих отцов да сопроводит тебя и сохранит от всякого зла!" Не в силах больше говорить, он снова стал тихо молиться. Со слезами мы обняли друг друга и расстались. Я побежал что было силы, и когда обернулся на повороте дороги, отец все еще стоял на том месте, где я оставил его. Последний раз я помахал ему и шагнул на лесную дорогу.

Но мое сердце было переполнено, я не мог идти дальше. Я свернул с дороги, упал на траву и заплакал. Когда я встал, то залез на дерево, чтобы посмотреть, ушел отец или нет. В это мгновение я увидел, что он тоже плачет... Долго еще он стоял и смотрел в ту сторону, куда я ушел».

Сын пошел дальше с одним желанием: с Божьей помощью вести такую жизнь, чтобы никогда не бесчестить и не печалить родителей, которых Бог подарил ему. Этот час разлуки остался в памяти Джона, помогая ему держаться дальше от грехов этого мира и поощряя его в учебе.

Джон с еще одним юношей начал учиться в Глазго. Так как все студенты обогнали их в учебе, им обоим пришлось много работать с раннего утра допоздна. Не проучившись и года, из-за большой нагрузки и слабого питания они заболели. Когда Джон начал кашлять кровью, врач строго запретил ему всякие занятия, и он вынужден был вернуться домой. Это было для него тяжелым ударом и испытанием. Его товарищ уже никогда не смог поправить свое здоровье. Джон же после короткого отдыха и заботливого материнского ухода быстро поднялся на ноги и смог продолжать работать и учиться.

Окончив годичный учительский семинар, он получил место учителя в маленькой школе Гирван. После того как ему удалось скопить немного денег, он возвратился в Глазго и поступил в университет. И на этот раз его ожидали трудности.

«К сожалению, моих сбережений не хватило на весь зимний семестр. Я занял деньги одному бедному студенту, но он не смог отдать мне долг. Ничего не оставалось делать, как бросить учебу и искать работу. Я написал родителям, что оставляю Глазго, чтобы заработать деньги на учебу. Когда я со слезами на глазах перечитывал это письмо, я сказал себе, что не могу отослать его, потому что оно сильно опечалит их. Я оставил

письмо лежать на столе, закрыл дверь и убежал. Попытался продать некоторые свои книги, чтобы продолжить учебу. Я стоял перед магазином и с печалью думал, сколько же мне дадут за эти книги, сознавая, что они мне самому очень нужны».

Книги в тот день не были проданы, потому что для бедного студента открылась другая дверь. «Мой Бог знал все шаги мои и направлял меня. Мой взгляд упал на объявление на окне, которое гласило: "Требуется учитель в школу, остальное можно узнать у пастора". Я быстро доехал до школы, поговорил с пастором и получил место работы. Вернувшись, я заплатил хозяйке за квартиру и порвал письмо к родителям. В тот же день я написал другое – полное упования и надежды, а на следующее утро переступил порог школы».

Пастор сразу предупредил меня о запущенности школы. Дети рабочих с фабрики и угольных шахт так сильно мешали на занятиях, что три предшественника Джона Патона оставили школу. Один стал нервнобольным, у другого тоже пострадало здоровье, третьему стало ясно, что он не сможет решить проблем этой школы. «Пастор положил мне на стол толстую палку и сказал: "Почаще используйте ее, или вы никогда не будете иметь порядка!" Я положил палку в ящик стола и сказал: "Я использую ее в крайнем случае!"»

В первую неделю было мало учеников – до восемнадцати днем и двадцать вечером. Писарь с фабрики приходил на вечерние курсы, как он говорил, чтобы научиться вести бухгалтерские книги, но больше для того, чтобы защитить меня от грубости учеников.

Во вторую неделю на вечерние занятия пришли парень с девушкой. Я скоро заметил, что они пришли только для того, чтобы мешать занятиям. Они громко разговаривали между собой, смеялись, и работать было невозможно. И чем больше я просил тишины и порядка, тем хуже вели себя эти двое, отвлекая немногих присутствующих. Наконец я приказал молодому человеку замолчать или оставить школу. Я объяснил, что добьюсь порядка чего бы мне это ни стоило. Он засмеялся и приготовился к борьбе. Я спокойно закрыл дверь, положил ключ в карман, достал палку из ящика стола и предупредил всех, чтобы вели себя спокойно. Это была настоящая борьба. Он неуверенно махал кулаками, я быстрыми движениями уклонялся от его ударов и наносил ему удар за ударом, пока он не устал и, побежденный, не сел на свое место. Я велел ему взять книгу, что он сделал неохотно, но молча.

Затем я попросил довести до сведения всех учащихся, что я приложу все старание, чтобы помочь продвинуться в учебе тем, кто действительно хочет учиться. Тем же, кто хочет только мешать, советую оставаться дома, потому что я решил во что бы то ни стало быть победителем и поддерживать порядок. Затем я заверил, что никогда не употреблю эту палку и с моей стороны будет достаточно добра и снисхождения, потому что больше хочу действовать любовью, а не страхом.

Этот молодой человек очень хорошо понимал, что поступает плохо, и только моя твердость способствовала тому, что я смог победить его, хотя физически он был намного крепче меня. Я сказал, что если он будет нормально вести себя, я буду относиться к нему так, как будто ничего не случилось. Гробовое молчание было ответом на мои слова, и все серьезно занялись своими книгами.

На следующее утро нарушили порядок двое ребят. Мои слова не действовали. Я крепко тряхнул их за воротник и поставил перед классом. Затем я потребовал от учеников самим вынести им приговор. Они решили, что эти парни виновны и подлежат суровому наказанию. Я был согласен с приговором, но сказал, что на первый раз прощаю им. Оба виновника попросили прощения и обещали быть послушными и внимательными. Они сдержали свое слово и стали моими лучшими учениками. И в вечернем классе стало тише, так как нарушители порядка не приходили в школу, потому что поняли, что я не шучу.

С тех пор в школе был порядок. Число учеников-наставников так увеличилось, что мне пришлось организовать еще один класс. Приходили женщины и девушки, чтобы научиться читать и считать. Палка была окончательно забыта».

Но и эти занятия продолжались недолго. Для многочисленной и хорошо функционирующей школы школьный комитет решил поставить более образованного учителя. Так они и сделали, не беря во внимание заслуги Джона. И ему пришлось снова отдать свое будущее в руки Божьи.

Глава 3

В городской миссии Глазго

Надежда Джона, что Бог поведет его правильным путем, не была постыжена. Еще до начала работы в школе Джон отправил письмо в городскую миссию Глазго о своем желании стать миссионером. В последний день своей работы в школе Джон получил письмо из миссии. Там уже знали о нем и о том, что заканчивается его работа в школе. Неожиданно для себя, после испытания, он получил место миссионера в бедном районе города. И теперь все пережитые трудности последних лет предстали перед Джоном совсем в другом свете – они были лучшей подготовкой для новой работы.

«В этом районе еще никогда не было миссионера, и поэтому начало обещало быть нелегким. Сразу же на следующий день я должен был начать посещения Грин-стрит и Калтона. После многих напутствий и добрых советов один сотрудник миссии в молитве Господу попросил благословения на мою работу, которая должна совершаться во имя Его и по повелению Его».

Работа в городской миссии также принесла большую пользу для будущего служения. «Вспоминая это время, я вижу, что оно очень помогло моему духовному росту. Мы учились общаться с людьми, которые нуждались в помощи, но сознавали это в очень редких случаях, поэтому было трудно найти с ними контакт. Район на самом деле был запущенным...»

Люди в этом районе, переселившись из села в беднейшую часть города, потеряли социальные корни и всякую связь с церковью. Живя в маленьких, бедных, грязных домах, многие беспробудно пили и погрязали в пороках. Здесь и хотел трудиться Джон Патон.

«Здесь были такие, которые хвалились неверием, ленивцы, алкоголики, воры. Многие потеряли всякий стыд и явно грешили. Я должен был четыре часа в день делать посещения, любым способом искать контакта с ними, наставлять их и проводить с ними молитвенные часы. В этом районе не было ни одного дома с большим помещением для проведения таких собраний. Приходилось использовать сеновал, находящийся над сараем одного торговца скотом.

После целого года тяжелой работы шесть-семь человек, которые раньше не хотели посещать церковь, стали приходить по воскресеньям на собрание. В один из будних дней столько же собиралось вечером в комнате бедной трудолюбивой женщины, муж которой очень плохо обращался с ней. Он был хорошим рабочим, но сильно пьянствовал, уносил и продавал из дома все, что мог. В приступе ярости он ужасно избивал бедную женщину за то, что она слишком мало зарабатывала, продавая уголь. Со слезами и в сердечной молитве она все переносила, стараясь свою единственную дочь воспитать в страхе Божьем.

По милости Божьей после наших собраний у этого мужчины появилось желание изменить свою жизнь. Он полностью отказался от выпивки и каждое воскресенье стал ходить с семьей в церковь. Постепенно он заинтересовался нашим трудом. Он убеждал своих друзей вступить в общество трезвенников и приводил их в свой дом, где проводились собрания. Его жена, пережив столько горя, могла теперь утешать и ободрять в скорби других людей и много помогала мне. Так с каждым днем росла моя надежда на успех».

Видимые результаты казались очень скудными, и сотрудники миссии решили перевести Патона в другой район, где жили более благополучные люди. Но он попросил еще полгода, так как был уверен, что доброе семя наконец взойдет и принесет плоды. Миссия согласилась.

«На следующем собрании я сказал присутствующим, что если нам не удастся привлечь на наше собрание больше людей, то меня переведут в другой район. Каждый из присутствующих тут же обещал привести в следующий раз еще одного. С тех пор наши собрания стали многолюднее. Интерес к собраниям возрастал, к тому же люди очень хотели, чтобы я остался с ними, и число слушателей увеличилось вскоре в два раза.

Оба собрания стали слишком большими. Кроме собрания, мы стали проводить еще разбор Слова Божьего и спевки, а также час беседы с теми, кто снова решился участвовать в Вечере Господней, а также организовали "Общество трезвенников"».

Но хозяин сеновала попросил нас освободить помещение, так как сам хотел использовать его. Мужчины по собственной инициативе нашли помещение – снова сеновал и сделали снаружи лестницу, чтобы приходящим на собрание не нужно было идти через сарай.

«Об этом одобрительно рассказывали в районе, и это вызвало всеобщий интерес к нашей миссионерской работе. Но все же и это помещение было временным – пока оно снова не понадобится хозяину. Именно в это время стал продаваться комплекс домов, содержащий маленькую церковь, школу и домик пастора». Церковь, образовавшая миссию на Грин-стрит, взяла на себя эти расходы. «Эти дома были расположены в центре района, что было очень удобно, и церковь отдали для наших собраний. В других домах миссия организовала школу для бедных детей. Их обучали хорошие учителя, и женщины из церкви заботились о книгах, одежде и хорошем питании для детей».

Несколько десятилетий эти дома служили благословением для бедных жителей Глазго. «Эти добрые перемены дали мне возможность по-новому организовать всю работу. В воскресенье, в 7 часов утра, собирался самый серьезный и усердный класс на разбор Слова Божьего. Их собиралось от семидесяти до ста – самых бедных юношей и девушек. На собрания и на работу они носили одну и ту же одежду, у них не было головных уборов, многие ходили босиком. Я с радостью наблюдал, что после посещения собраний одежда у людей постепенно становилась лучше, чище и опрятней, на ногах появлялась обувь. Вскоре они уже могли посещать наше дневное собрание, а позднее не стеснялись ходить и в церковь».

У этих молодых людей появилось чувство ответственности. Со временем некоторые из них по воскресеньям в шесть часов утра ходили по домам и будили более слабых в вере, безразличных, охладевших, новичков, чтобы напомнить им о разборе Слова Божьего. Перемена жизни со временем улучшила и их материальное положение, но они все же одевали на собрание простую одежду, чтобы не возвышаться над более бедными товарищами.

Почти все вечера недели были заполнены разбором Библии, молитвенными часами, беседами о жизни христианина. Многие находили отсюда путь в церковь. Один вечер был посвящен спевке, другой – обществу трезвенников, где бывшие алкоголики свидетельствовали, читали Слово Божье, пели. Патон понял, что алкоголику может помочь только полный отказ от алкоголя. И действительно, эта «терапия» обоюдной помощи имела большой успех.

«Таким образом с помощью Божьей многие стали живыми христианами и благословением для других. Позднее восемь молодых людей посвятили себя служению в церкви, используя те небольшие знания в латыни и греческом, которые я смог им дать».

Кроме собраний и посещений, у молодого Патона появилось еще одно рабочее поле. «Пятьсот-шестьсот человек постоянно посещали вечерние собрания, и большинство из них были бедны. Но многие с Божьей помощью освободились от плохих привычек, улучшили свое материальное положение и стали переселяться в более благополучные районы города. Я посещал их и там, чтобы не дать им остыть, пока они не присоединились к церкви, вблизи которой жили. После этого я был спокоен, зная, что они находятся под надежной защитой и опекой».

Вместо четырех Джон работал по меньшей мере по восемь часов в день, хотя около десяти молодых мужчин и вдвое больше молодых женщин помогали ему, посещая больных и раздавая трактаты. Каждую семью посещали два раза в месяц. Сотрудники делились друг с другом впечатлениями и нуждами и молились о них, а особые случаи разбирали на совместных общениях. Появилась возможность облегчить положение остро нуждающихся, так как некоторые предприниматели предлагали Патону место работы для его подопечных. Во многих семьях улучшалось материальное положение, потому что они больше не тратили деньги на выпивку. «За все время работы в городской миссии, хотя и было очень тяжело, я все же продолжал учебу в университете

Глазго и прослушал вместе с богословскими и медицинские лекции. Кроме одного семестра, во время которого мое здоровье сильно ухудшилось, я полных десять лет трудился, чтобы получить нужные знания. Хотя я и не получил всех знаний, к которым стремился, так как основание, заложенное в детстве, было очень слабым, все же во всех моих стараниях я имел благословение, ведь мой Господь и Учитель всегда был близок ко мне, чего порой не хватало многим способным студентам».

Глава 4

Решение

Работа на Грин-стрит приносила Джону много радости. Было очевидно, что Бог обильно благословляет ее. Но в последние годы учебы в нем все больше росло убеждение, что этот труд – только подготовка, промежуточная веха для будущей работы. До сих пор он еще никому не говорил о том, что хочет принести Евангелие тем, кто живет во тьме идолопоклонства – народам Южного моря.

Ему еще не совсем ясно было, куда зовет его Бог, но ежедневные молитвы были наполнены желанием – приобретать души для Господа на островах Южного моря. Имея перед собой такую цель, Джон посещал лекции на медицинские темы, чтобы получить необходимые знания в этой области и сдать экзамен. Но случилось так, что для миссионерской работы на Новых Гебридах (группа островов в Южном море) искали людей, которые были бы готовы помочь работающему там миссионеру Джону Инглису. После настойчивого призыва прошло два года, но никто не отозвался. Последняя отчаянная попытка найти кандидата была предпринята братским советом церкви путем жеребьевки.

«Я с живым интересом слушал обсуждения, а также наблюдал за ходом необычного поиска. Еще сегодня я вижу всю серьезность выбирающих и слышу гробовое молчание в ожидании братьев, которые ушли с записками. Когда они объявили, что Бог таким образом не хочет дать ответ, у меня на глазах появились слезы. Казалось, облако печали покрыло собрание, которое еще раз в молитве просило Бога помочь. Внутри меня все громче и громче звучал голос: "Встань и предложи себя!" Импульс к ответу: "Вот я! Пошлите меня!" – был потрясающим. Но все же я боялся принять за волю Божью свое горячее желание. Поэтому я решил несколько дней серьезно поразмышлять об этом вопросе, испытать его со всех сторон и снова и снова просить Бога, чтобы Он разрешил мне делать то, что хочет Он».

Настало время испытания. Неужели Джон должен оставить процветающее дело на Грин-стрит? Да, он не был незаменимым, эту работу смогут продолжить другие труженики. Он удостоверился, что бедняки в этом районе хорошо понимают Библию и в их распоряжении душепопечители. А язычники Южного моря? Неужели они останутся жить во тьме и нищете только потому, что они никогда не слышали Благой Вести о том, что Божья благодать может примирить их с Богом?

«Никто не отзывается на призыв идти к ним, но есть много способных работников, которые охотно продолжат мою работу. К тому же я кое-чего достиг в моих медицинских познаниях, хотя и не доучился до конца, и они поддержат меня в стремлении к цели. Итак, мое убеждение, что Бог зовет меня, становилось все тверже и тверже».

Один из сокурсников Джона, зажженный его инициативой, тоже решил предложить свою кандидатуру для миссионерской работы на Новых Гебридах. «Доктор Батес из церковного совета посетил нас на следующее утро, обстоятельно побеседовал об этом деле и помолился с нами. Мы должны были еще один год учебы посвятить медицине, а также получить некоторые познания в торговом деле, познакомиться с разными работами ремесленников, то есть всесторонне развить наши способности».

Это решение Джона вызвало протест почти всех друзей. Разве его работа в городе, где он так нужен, не процветает? Разве Бог не благословил эту работу? Ведь

номинальное христианство тоже нуждается в миссионерах! Неужели он променяет успешную работу в Глазго на бесплодное служение среди каннибалов Южного моря?

«Я отвечал, что мое решение твердо. Хотя я очень люблю своих бедняков, но чувствую, что могу оставить их ради другой цели, зная, что Бог даст им хороших пастырей. Мою жизнь среди каннибалов я ставлю под защиту Того, Кто чудесно сохранил меня от тифа и холеры в жилищах бедных. Я не беспокоюсь за это служение, так как все предоставил Господу и ищу лишь Его славы в жизни иль в смерти.

При условии моего согласия остаться на Грин-стрит, мне предложили дом и дали право самому определить себе жалованье, которое должно быть выше, чем обещанное мне в качестве миссионера».

Но и это не поколебало Джона в принятом решении. «Большей проблемой была привязанность моих бедных, которые снова и снова умоляли меня остаться. Это побуждало меня к молитве в присутствии моего Господа. Но все громче и громче голос говорил во мне: "Спокойно предоставь начатое Господу! Иди и научи все народы! Се, Я с вами во все дни!" Эти слова звучали для меня, как приказ командира солдату.

Часто мне приходилось слышать; "И дома у нас есть язычники! Будем вначале искать и спасать то, что лежит и погибает перед нашей дверью". За многие годы я не раз слышал это мнение. Те, кто так говорил, меньше всего заботились о язычниках перед дверью или на другом конце земли. Я знал, что эти люди тратят много времени на футбол или театр, но не готовы отдать хотя бы часть его на евангелизацию язычников – своих или чужих. У меня было большое сострадание к таким "плохим домостроителям даров Божьих", и их мнение не могло иметь для меня решающего значения.

Мои родители писали: "Мы ничем не хотим мешать тебе, чтобы дать возможность Богу действовать в тебе, и не хотим требовать чего-то, что не по воле Его. Теперь же, когда ты принял твердое решение, мы можем сказать тебе, почему мы благодарим Бога за Его водительство. Ты знаешь, что твой отец всем сердцем надеялся стать священнослужителем, но обстоятельства не позволили ему. Когда Бог подарил нам тебя, мы посвятили тебя Ему. Мы ежедневно молились, чтобы Бог приготовил тебя к труду миссионера для язычников, если на это будет Его святая воля. Теперь, когда ты решился, мы от всего сердца просим, чтобы Господь принял тебя, сохранил и защитил, и дал возможность приобрести для Него многие души "».

Оказывается, с первых дней рождения жизнь Джона Патона была посвящена Господу, хотя сам он ничего не знал об этом. Теперь, оглядываясь назад, Джон даже в мелочах своей жизни видел руку Божью. «Теперь у меня не было ни малейшего колебания. Я понял, что молитвы родителей и их участие постоянно сопровождали меня в работе и учебе, когда больше ничем не могли помочь мне. Я вынужден был жить в простоте, и это было хорошей школой для моего предстоящего служения».

Для миссионерской работы в городе, которую оставлял Джон Патон, нашлись хорошие труженики. Господь позаботился о том, чтобы он без забот мог приступить к своим новым обязанностям. Его брат Вальтер тут же оставил успешные торговые дела и принял служение на Грин-стрит. Когда он позже оставил эту работу, чтобы трудиться в церкви как душепопечитель, то передал служение другому, очень благословенному миссионеру.

Господин жатвы заботится и о работниках, и о деле Своем!

Часть вторая

НОВЫЕ ГЕБРИДЫ

Глава 5

Прибытие и первые впечатления

1 декабря 1857 года Джон Патон и его друг Копеланд были утверждены миссионерами. Перед отъездом они четыре месяца ездили по церквам, чтобы люди познакомились с ними и имели личный интерес к этому делу.

23 марта 1858 года их обоих рукоположили в Глазго на миссионерское служение, а 16 апреля они отплыли. Патон оставлял Шотландию на пароходе «Клута» не один – рядом с ним была его молодая жена Мари Анн Робзон, Имущество молодых поместилось в пятидесяти ящиках. Пробыв в дороге четыре с половиной месяца, совершив пересадку в Мельбурне, на пароходе «Заге» они прибыли в Анетиум на Новые Гебриды.

«Пароход бросил якорь у острова. Через некоторое время пришла шлюпка торговца, чтобы спросить, что нам нужно. Мы послали записку находящемуся на острове миссионеру доктору Гедди, который рано утром прибыл за нами на своей лодке. С ним прибыли маленькая шхуна "Джон Кнокс" и небольшой пароход "Колумбия" с хорошим штатом местных матросов. Скоро все наши ящики были перенесены. Оба судна были тяжело нагружены, а лодка, которая должна была доставить нас на землю, осталась пустой.

Доктор Гедди, мистер Матисон, моя жена и я стояли между ящиками на борту "Джона Кнокса" и крепко держались за поручни. При отчаливании парохода "Заге" стрела его крана сломала мачту нашей маленькой шхуны. Она бы упала на мою жену и покалечила ее, если бы я не успел почти невозможным образом, как показалось всем, утащить ее в сторону. Кусок мачты упал недалеко от мистера Матисона, не задев его. Сильно перегруженная шхуна стала неуправляемой. Так как мы находились в десяти английских милях от земли, положение наше было очень опасным. Несмотря на это, "Заге" снялся с якоря и отплыл, оставив нас в беде.

Нас понесло к острову Танна, населенному каннибалами, которые, несомненно, могли напасть на нас и ограбить. Наша шхуна была сцеплена канатом с лодкой доктора Гедди, а мистер Копеланд вместе с матросами усиленно работали на "Колумбии", чтобы доставить груз в Анетиум. Дул пассатный ветер, но море было довольно-таки спокойным. Несмотря на все усилия, нас уносило все дальше от земли…

Доктор Инглис, слышавший о прибытии парохода, увидел с пристани наше беспомощное положение и с несколькими лодками пришел к нам на помощь. Шхуну канатами привязали к лодкам, благодаря чему она наконец стала продвигаться к берегу. 30 августа в шесть часов вечера после многочасовой работы под палящим тропическим солнцем мы сошли на берег острова Анетиум. Со дня отплытия из шотландского порта мы были в дороге четыре месяца и четырнадцать дней.

Нас приветливо встретили жены миссионеров и местные христиане, что нас очень обрадовало. В совместной молитве мы выразили великую благодарность Богу, Который вывел нас из большой опасности и привел в это тихое место в сердце Новых Гебридов.

Нас с любовью приняли на станции доктора Инглиса. Он был занят пристройкой дома, и я сразу получил представление о том, как правильно строить миссионерский дом. Вечером собрались сотрудники миссии, чтобы посоветоваться, на каком из многих островов начать работу. Было вынесено решение, что семья Матисон из Новой Шотландии (Канада) поселится на южной стороне острова Танна, в Квамере, а я с женой – на том же острове, только с восточной стороны, в порту Резолюция. Мистер Копеланд будет работать на обеих станциях – там, где в нем больше всего будут нуждаться.

Доктор Инглис и верные люди из местных жителей сопровождали нас в Квамеру на остров Танна. Мы купили землю для миссионерского дома и церкви, заложили фундамент и начали строительство, а затем оставили там семью Матисон. То же самое мы сделали в порту Резолюция: купили землю и начали строить дом. Известь мы получали путем сжигания коралловых блоков, крыша должна была состоять из сахарного тростника, который местные жители специально обрабатывали. Мы платили как за работу, так и за землю. К несчастью, мы поздно поняли, что построили свои дома слишком близко к морю и поэтому были подвержены быстрому заболеванию лихорадкой, которая очень опасна для европейцев.

На обеих станциях жители были очень неспокойны. Войны с дальними племенами, частично с соседними селами и даже с ближайшими соседями постоянно держали их в

страхе. Вожди как в Квамере, так и в порту Резолюция охотно продали нам участок земли. Им казалось, что будет неплохо, если миссионеры будут жить среди них. Ножи, топоры, сети, одежда и одеяла, которые они получали вместо оплаты, делали их приветливыми. Но они надеялись путем грабежа получить больше, поэтому не обещали нам защиты. Все, чего мы смогли достичь, – они согласились, ничего не предпринимать против нас, хотя набегам племен, живущим внутри острова, помешать не смогут. Такие соглашения не имели никакого значения».

Состоялось первое знакомство Патона с островитянами. Обещания были всегда противоречивы: они или вообще не исполняли их, или исполняли только частично. На таннезийцев нельзя было надеяться, во всякое время с их стороны можно было ожидать нападения. «Они были готовы на любую подлость или жестокость, если это было выгодно им. Мои первые впечатления привели меня в уныние».

Прошло немало времени, пока отвращение перешло в сочувствие, и Патон стал так же охотно работать среди таннезийцев, как раньше среди бедных в Глазго. Разрисованная нагота, несправедливость и каннибализм местного народа были тяжелым испытанием. Но обнадеживал успех миссионерской работы на соседнем острове Анетиум, где работали доктора Гедди и Инглис.

Пока жены миссионеров работали на острове Анетиум среди женского населения, их мужья строили миссионерские станции на острове Танна. «Для таннезийцев доктор Инглис и я были объектом любопытства и страха. Они толпами приходили смотреть на наше строительство и без конца говорили между собой с открытым восхищением.

Группы вооруженных туземцев следовали одна за другой, они уходили и приходили, доставляя нам большое беспокойство. Учителя из Анетиума успокаивали нас, что никто не будет мешать нашей работе, что жители порта Резолюция сами не начнут войну, они возьмутся за оружие только тогда, когда на них кто-то нападет.

Но вот как-то между двумя соседними племенами возникла ссора. Покричав друг на друга, чужаки пошли домой, а наши соседи стрельбой стали преследовать их. Оружейные выстрелы и ужасный крик дикарей в ближнем лесу говорили о смертельной борьбе. Ужас и страх отражался на лицах наших соседей. Во всех направлениях пробегали вооруженные люди с перьями в волосах и с разрисованными лицами, у некоторых одна щека была красной, другая – черной, лоб – белый, а подбородок – синий!

Некоторые женщины с детьми искали убежища, другие, казалось, не видели опасности, в которой пребывали их родные, как будто те ушли на праздник. Они стояли у берега и, смеясь, жевали тростник. Когда после обеда шум войны приблизился, доктор Инглис сказал: "Стены Иерусалима были построены в неспокойное время, чем же лучше миссионерский дом в Танне? Но давайте сегодня прекратим работу и будем молиться за бедных язычников".

Мы зашли в хижину и от всего сердца молились. Постепенно становилось все тише и тише, и казалось, что враги отброшены. Поздно вечером вернулись жители соседних сел, и мы услышали, что пять или шесть убитых были поджарены и съедены. Это пиршество состоялось недалеко от горячего источника, находящегося на расстоянии всего одной мили от нашего дома! Мы узнали это от мальчика, служившего нам поваром, которого взял с собой доктор Инглис. Он каждый вечер ходил к горячему источнику за водой, чтобы заваривать чай. На этот раз он пришел с пустым чайником и сказал: "Мисси, это злая земля. Люди творят темные дела. Они съели своих врагов, а кровь пустили бежать в источник! Все красно, я не могу вам сегодня сделать чай! Что мне делать?"

Доктор Инглис сказал, чтобы он поискал другой воды, а сегодня, как это частенько бывало, мы будем пить кокосовое молоко. Казалось, что мальчик успокоился, но все же мы ясно видели, что, несмотря на долгое воспитание в миссии в Анетиуме, для него убийство и съедение врагов было знакомым и естественным, а вот испорченная вода была очень большим злом! Как сильно влияют на наши взгляды обстоятельства жизни и окружение! Если бы я родился и вырос здесь, то, вероятно, все воспринимал бы так же.

На следующий вечер, когда мы рассуждали о своей работе, из деревни вдруг послышался ужасный, продолжительный крик. На наш вопрос, что случилось, нам

сказали, что один из раненых только что умер, а кричала его жена, которую задушили, чтобы она в другом мире могла служить ему. Оба тела погребли в море.

Мы были потрясены тем, что это случилось так близко от нас, а мы ничего не знали и не могли предотвратить это зло. Не проходило и дня без новых событий, которые открывали нам, в какой темноте живет этот несчастный народ. Как мы желали говорить с ними об Иисусе Христе и любви Божьей! Мы прилежно запоминали каждое слово их наречия, чтобы, узнав его значение, как можно быстрее рассказать им о богатстве Божьей благодати и помочь освободиться от грехов.

Когда дом был уже почти готов, доктор Инглис и я поручили изготовление извести и распилку леса таннезийцам, пообещав им за это ножи и материал. А сами поехали назад на Анетиум, чтобы до наступления дождей перевезти на Танну мою жену и вещи».

Глава 6

Жизнь и смерть на Танне

Взгляд назад

«Оглядываясь назад, я хочу рассказать, что было предпринято для распространения Евангелия на этих островах до 1858 года. Самыми первыми миссионерами на Новых Гебридах были Джон Вильямс и его молодой спутник Харрис, прибывшие на остров Эрроманго 30 ноября 1839 года. Но как только они ступили на землю, дикари убили их и съели. На этой земле пролилась кровь мучеников, поэтому она должна полностью принадлежать Господу. Там, где Его вестники отдали жизнь ради Него, должно быть проповедано о кресте Голгофы.

В 1842 году Лондонское миссионерское общество послало на Новые Гебриды миссионеров Турнера и Нисбет. Они выбрали остров Танна, потому что он ближе всех к Эрроманго. Семь месяцев пробыли они на острове, но в конце концов поняли, что ярость таннезийцев и их жажду убийства невозможно удержать. После очередных угроз убийства оба миссионера попытались бежать на маленькой лодке. Они наверняка погибли бы, но волны выбросили их на берег. На другое утро мимо проплывал пароход, который неожиданно повернул к острову. Бог послал им спасение, на которое они не надеялись, так как чужие корабли никогда не приближались к этим островам.

Работа опять была прервана. Господь использовал Турнера иным образом. Миссионер обучил в Самоа много хороших учителей из местних жителей, а также работал над переводом Библии, многие издания которой достигли жителей островов Южного моря.

Затем была попытка послать на острова Новых Гебридов выученных Турнером туземцев. Но некоторым не подходил климат, а другие так страдали от жестокости местных жителей, что не смогли остаться там.

Когда в 1848 году Джон Гедди с женой и в 1852 году Джон Инглис начали свою работу на острове Анетиум – самом южном, – нигде на Новых Гебридах христианство еще не было принято. Лондонское миссионерское общество послало Т.Повелл в помощь доктору Гедди. И здесь, в Анетиуме, чудесным образом нашлись люди, которые с самого начала проявили интерес к этому делу и оказали миссионерам большую поддержку. Прошло несколько лет, и три с половиной тысячи островитян уничтожили своих идолов, оставили языческие обряды и обратились ко Христу.

Они медленно оставляли свои языческие привычки, но когда сделали это, то уверенно и быстро стали возрастать в христианском познании. Через некоторое время в каждом доме стали проводить домашние собрания, верно придерживаясь этого обычая. Они молились за пищу, ничем не нарушался мир и порядок. И наконец миссионеры пережили большую радость – они увидели в руках молодых христиан полную Библию на их родном языке! Миссионеры вместе с мистером Копеландом с большим усердием переводили ее. Напечатало ее Британское и Иностранное библейское общество. Как

это могло совершиться?
Когда анетимийцы получили правильное представление о Слове Божьем, то их самым большим желанием было иметь Священное Писание на своем языке, на котором не было написано еще ни одной страницы! Пока миссионеры занимались трудным переводом, местные жители работали над тем, чтобы собрать деньги для печатания – 1.200 фунтов стерлингов. Пятнадцать лет они приносили весь урожай Maranthenarta (стрелочный корень, корни и плоды которого перемалывают в белую муку, содержащую много углеводов, и применяют как укрепляющее средство) миссионерам, которые отправляли его в Австралию и Шотландию, где друзья новых христиан продавали его по хорошей цене, а деньги собирали. Когда первые экземпляры Библий были посланы на остров и розданы жаждущим душам, то выяснилось, что вся сумма заработана анетимийцами!»

В этом взгляде назад многое становится ясным в развитии миссионерской работы на острове Анетиум. Нелегко было поддерживающим миссию на родине собрать 1.200 фунтов стерлингов, но насколько труднее это было анетимийцам! Нужны были большие средства, бесчисленное количество рук и тяжелый труд островитян, чтобы за пятнадцать лет набрать необходимую сумму, и потому они особенно дорожили тем, чего добились с таким трудом. Они видели, что миссионеры во многом отказывали себе, чтобы продвигалась работа по переводу. Им самим пришлось многим пожертвовать, но они понимали и высоко ценили огромное значение и чудесное действие Слова Божьего.

Насколько легче Священное Писание достается нам, живущим в христианизированных странах, но как легко мы порой оставляем Слово Божье, тогда как только оно одно может открыть силу, изменяющую нас, и научить нас ценить его так, как ценили христиане Анетиума.

Прибытие на Танну

Миссионерская шхуна «Джон Кнокс» была непригодна для перевозки людей, потому супруги Патон и доктор Копеланд прибыли на остров Танна в ноябре 1858 года на торговом судне.

«Все местные жители пришли на берег и с удивлением смотрели, что мы делаем. Мы не понимали их и не могли им сказать ни слова. Мы смотрели на них, улыбались и приветливо кивали им. Это была наша первая встреча с ними. Один из дикарей поднял какой-то предмет, принадлежащий нам, и сказал: "Нунски нари эну?" Я решил, что он сказал: "Что это такое?" Я взял кусочек дерева, показал на него и спросил: "Нунски нари эну?" Они засмеялись и посмотрели друга на друга.

Потом они сказали мне слово, которым назвали кусочек дерева, и я увидел, что они поняли мой вопрос. Теперь я мог посредством этих трех слов узнать название многих предметов на их языке. Я старательно записал эти слова, подбирая буквы по слуху и стараясь как можно точнее выразить незнакомые мне звуки.

Как-то ко мне пришли двое мужчин, из которых один был мне незнаком. Он показал пальцем на меня и сказал: "Зе нангин?" Я подумал, что он хочет знать мое имя, и также показал пальцем на него и повторил его слова. Они засмеялись и назвали свои имена. Теперь мы могли узнавать имена людей и предметов. Мы все записывали, громко повторяли, приучая свой слух к незнакомым звукам. Используя каждую встречу с дикарями, мы вскоре записали целые предложения и абзацы. Впервые их слова записывались на бумагу. Я приглашал к себе более развитых, разговаривал с ними, чтобы увеличить запас слов, и платил им за это. Вначале было много непонимания и разочарований с их стороны, но все это исчезло, когда мы продвинулись вперед в учебе. Позднее у наших примитивных учителей появился даже интерес к нашим успехам, и они охотно помогали нам.

Среди тех, кто помогал нам больше всех, были два пожилых вождя, Новар и Ноука, которые своим пониманием превосходили других. Но оба они были под руководством воинственного верховного вождя Миаки – это было своего рода демоническое

господство над многими селениями и племенами. Он и его брат были общепризнанными предводителями во всех войнах и стычках. Они хвалились кровью убитых врагов и имели власть над большим числом людей, которые, не рассуждая, исполняли их повеления и шли на любое преступление».

Неудивительно, что люди на острове Танна жили в атмосфере страха и демонизма. Их вожди были для них идолами, имеющими власть над жизнью и смертью. Таннезийцы приносили им подарки, чтобы умилостивить их или через них навредить личному врагу. Больше всех таннезийцы боялись волшебника Нахака: он заклинал остатки пищи, и тем, кто ел их, они приносили вред. Культовыми предметами были идольские картины из камня и дерева, волшебные средства и фетиш. Это была религия страха: нужно было постоянно задабривать разъяренных злых духов, чтобы они всегда были в хорошем настроении.

«Я хочу высказать здесь свое мнение по вопросу: есть ли народы, которые жили бы без всякого поклонения кому-либо или чему-либо? Казалось бы, что если где-то они и есть, то именно здесь, на этих отдаленных от цивилизованного мира островах. Но наоборот, эти острова переполнены идолами! Не зная истинного Бога, они ищут Его, спотыкаясь во тьме. Они не в состоянии жить без поклонения какому-либо виду божества и почти все сделали предметом своего поклонения. Деревья и рощи, скалы и камни, источники и реки, насекомые и животные, вулканы – словом, все существа и все предметы стали для них идолами».

Медленно продвигаясь вперед в изучении языка и имея уже хороший словарный запас, Патон начал знакомить местных жителей с всемогущим, добрым Богом и Его единственным Сыном, Иисусом Христом. До сознания таннезийцев очень трудно доходило понимание таких незнакомых истин, как греховность человека, любовь Божья и принятие вечного спасения во Христе, но опыт миссии на острове Анетиум доказывал, что эта цель достижима.

Когда Джон стал лучше владеть языком таннезийцев, он выяснил, что и они (как и большинство народов) имеют в своей религии точки соприкосновения с Евангелием – тень истины, которая потерялась через грех в старые времена.

«Таннезийцы называли небо словом "анеай". Позднее мы узнали, что таким же словом названо селение на острове, которое было расположено на самом высоком и очень красивом месте. Лучший кусочек земли представлял для язычников небо. Также у них было пророчество, что после смерти они перейдут в другую страну – Ханаан. То, что они вообще имели анеай (небо) и надеялись на обещанную землю, естественным образом открыло их сердда для нашей вести о вере и надежде. Они стремились найти сильные божества и привлечь их для нашей вести о вере и надежде. Они стремились найти сильные божества и привлечь их на свою сторону. Это также содействовало тому, что они с интересом слушали наш рассказ о живом Боге и Сыне Его, Иисусе Христе. Но когда мы пошли дальше и сказали, что если они хотят служить этому всемогущему Богу, то должны оставить своих идолов, свои языческие привычки, они с гневом восстали против нас, жестоко преследовали каждого, кто приветливо относился к нам, и нам пришлось пережить много ужасного, о чем я расскажу позже».

Не весть о существовании Бога и Сына Его Иисуса Христа вызвала вражду людей на острове Танна. Вражду вызвал призыв отдаться этому Богу и оставить старые божества.

Пока доктор Инглис ездил на родину, чтобы содействовать печатанию Нового Завета на языке анетиумийцев, на Анетиуме его замещал доктор Копеланд, коллега Патона.

Смертельная малярия

«Мой первый дом на Танне был построен на месте, выбранном мистерами Турнером и Нисбетом. Оно казалось очень удобным, так как было недалеко от побережья – не нужно было далеко нести грузы, которые привозили пароходы. Мы также думали, что близость моря принесет нам прохладу. Но вскоре оказалось, что эта местность –

настоящий инкубатор для перемещающейся лихорадки и малярии. Намного лучше было строить дом на возвышенном месте, где пассатные ветры постоянно очищают воздух.

За домом возвышался холм на четыреста футов, который служил преградой ветру. Без этого холма воздух был бы здоровее! Вокруг стояли прекрасные, дающие много тени деревья, приносящие хлебные плоды и кокосовые орехи. Их прохлада притянула нас и повлияла на выбор места. Но потом оказалось, что они препятствовали проникновению света и воздуха, в которых мы так нуждались. Немного ниже, напротив моря, было большое болото, поэтому малярия у нас не прекращалась».

Спустя пять месяцев малярия сделала Джона Патона вдовцом. 12 февраля у них родился сын Роберт. Радость о рождении сына сменилась страхом и заботой, так как у Мари Анн случился сильный малярийный приступ. Силы прежде здоровой женщины быстро таяли. Симптомы воспаления легких говорили о безнадежном состоянии. Не прошло и трех недель после рождения ребенка, как Мари Анн умерла. И меньше чем через три недели Патон стоял перед гробом своего сына.

Последние слова умирающей Мари Анн были такими: «О, если бы моя милая мама была здесь! Она такая хорошая мать! Драгоценность среди матерей!» Увидев, что недалеко стоит мистер Копеланд, она сказала: «Мистер Копеланд, не думайте, что я жалею, что оставила свою мать и приехала сюда. Если бы мне сегодня нужно было решиться на это, я бы без рассуждений сделала это, да, от всего сердца! Но иногда очень болезненно чувствуешь разлуку...». Потом она положила свою руку в руку Джона и сказала: «Джон Копеланд как-то писал, что молодые христиане, движимые первой любовью, думают, что могут принести любую жертву для Иисуса. Но он не уверен в том, что они сделают это, пока не будут испытаны. Я,– добавила она убедительно, – верю, что они это могут!» «Оглушенный ужасной потерей в самом начале своего служения, я пережил тяжелые времена, когда все снова и снова лежал обессиленный лихорадкой и малярией. Но никогда я не чувствовал себя оставленным – вечно милостивый Бог всегда был со мной. Он укреплял меня в тяжелой необходимости – предать любимых земле, что мне пришлось делать самому, хотя, казалось, что мое сердце не выдержит. Я выбрал место погребения как можно ближе к дому, и в последующие годы среди смертельных опасностей оно стало для меня местом покоя, где я искал моего Бога, где я в молитве и слезах просил за спасение жителей той страны, в которой похоронил своих близких. Без Христа и без общения с Ним я бы сошел с ума у этой одинокой могилы».

Глава 7

Сообщения о работе

Многие христиане на родине молитвенно поддерживали миссионерскую работу на Новых Гебридах. Копеланд и Патон посылали им сообщения, рассказывающие о многочисленных опасностях, которым каждое мгновение подвергались миссионеры на Танне. В этих сообщениях многое повторяется, и они слишком подробны, но дают полную картину всех переживаний и нужд работников.

«Мы нашли на острове Танна голых, разрисованных диких людей, исполненных суеверия и зла. Они чрезвычайно невежественны, развращены; слепо следуя своим обычаям, не имеют никакого расположения к своей семье. Жители порта Резолюция не стали лучше от общения с белыми людьми, наоборот – стали еще хуже, быстро переняв их скверные привычки и пороки. Мне очень стыдно за тех людей, которые приехали на эти дальние острова для торговли сандаловым деревом. Они притесняют местных жителей, обманывают, грабят, а если те оказывают малейшее сопротивление, тут же убивают их. Редко проходит пара месяцев без таких происшествий, и потому естественно, что туземцы враждебны ко всем белым, мстят им и хотят, чтобы вообще никто из них не приезжал на их остров. Надеюсь, наше влияние будет благотворным в этом направлении.

Здесь я хочу упомянуть об одном растении, которое приносит людям большое

благословение. Я тоже посадил его, хотя у меня его украли, прежде чем я успел снять урожай. Это диоскорея, которая очень похожа на наш картофель. Она достигает больших размеров. Когда я позднее сажал ее на острове Анива и снял урожай, то повез два клубня в Мельбурн. Один весил 72 фунта (1 фунт – 500г), а другой – 42 фунта, и они не были самыми большими.

Мы скоро перестали вызывать любопытство туземцев, как это было вначале. Вместо этого они начали показывать свое лукавство и жадность. Вожди, которые вначале охотно продали нам землю, сговорились и за договорную плату предоставили нам только половину участка. Когда мы начали строить забор, то они стали запрещать нам, пригрозив нашим помощникам из Анетиума и нам смертью, если мы продолжим эту работу. Мы оставили ее, чтобы исключить всякую причину для ссоры.

Затем они разделили между собой хлебные деревья и потребовали, чтобы мы отвечали за них своей жизнью, так как они затребовали неимоверную цену, которую мы не в силах были заплатить. За каждое повреждение нам грозило наказание.

Люди с каждым днем наглели все больше, так что уже в то время мы могли каждое мгновение лишиться жизни. В это время в порт прибыл пароход. Я купил у капитана те вещи, которые они потребовали в уплату за эти деревья. После этого какое-то время казалось, что они теперь довольны. Это была, собственно, третья плата за купленную землю. Мы понимали, что эти уступки с нашей стороны опасны и делают их еще более алчными. Но предоставленные сами себе, мы должны были терпеть и мириться с этим, чтобы сохранить свою жизнь, насколько это было возможно согласовать с честью христианина.

Вскоре наступила сильная засуха, которая причинила большой ущерб диоскорее и бананам. Естественно, мы были виноваты в этом несчастье! Со всех концов островитяне собрались на совет и решили, что если в ближайшее время не пойдет дождь, они убьют нас. Это решение принес нам на следующее утро Ноука в сопровождении военного вождя Миаки. Островитяне добавили, что и Ноука должен умереть, так как он защищает нас. "Просите вашего Бога о дожде и не выходите из дома. Если начнется война, вам грозит большая опасность, а с вами – и нам". С этими словами они оставили нас.

Но вся любезность и готовность защищать нас были лишь маской! Эти двое вождей были в глазах всего народа, а может, и в их собственных, "властителями солнца и дождя", и такие события были им как раз на руку, чтобы снять с себя гнев народа и направить его на нас. И как всегда, своими разговорами с нами они все больше и больше раздражали своих подданных.

Вечно Милосердный послал нам помощь. Когда мы собрались в воскресенье на богослужение, начался дождь, да такой сильный, что исполнились все наши желания. Островитяне снова собрались и решили оставить нас в живых, так как наши молитвы к нашему Богу принесли им спасение.

Но вследствие сильных дождей среди жителей вспыхнула эпидемия лихорадки, начались и другие болезни, и опять их причиной были мы. Дожди сопровождались ураганными ветрами, которые и раньше очень часто обрушивались на острова. Это еще больше усиливало их гнев на миссионеров, и опасность снова увеличилась. Жизнь среди суеверного и невежественного народа, который о каждом событии судит, руководствуясь своими предрассудками и страстями, полна печальных переживаний.

6 января 1860 года из-за сильного шторма в порту потерпел аварию большой пароход – его швырнуло на скалы. Капитан корабля, его жена и все матросы очень скверно и бессовестно вели себя на острове, а вся вина снова пала на нас, так как мы тоже были белые. Местные жители не могли противостать хорошо вооруженным людям. Везде и всюду они громко говорили, что отомстят за их бесчинства миссионерам.

Многие племена почти постоянно были между собой в длительной вражде. Так как каждый вождь делал то, что нравилось ему, а не соседу, то все вопросы снова и снова приходилось решать с помощью оружия. Война внутри острова переходила то в порт, то совсем близко к нам. Несмотря на то, что они воевали с дикой яростью, было не так уж много убитых, но зато много раненых.

На своих ужасных победных пиршествах они съедали себе подобных и сопровождали

это идольскими обрядами. Мне уже не раз говорили, что после такой ужасной трапезы жадность каннибалов достигает огромных размеров, и что если в данный момент нет побежденных врагов или жертвы для их божества, то, чтобы насытиться, они раскрывают гробы недавно умерших. Два таких случая произошли почти сразу после нашего прибытия на остров.

Однажды Ноука серьезно заболел. Чтобы спасти его, согласно их ужасному обычаю, пожертвовали трех женщин. Хотя таннезийцы и пытались скрыть это от нас, потому что мы строго запретили им это делать, мы узнали об этом и о многих подобных случаях, хотя, конечно, большинство из них остались скрытыми от нас.

Участь женщин, стариков и детей

«На всех островах Новых Гебридов, особенно на Танне, жены являются рабынями мужчин, которые топчут их ногами. Жена должна делать всю работу, она должна носить самые большие тяжести, в то время как муж с винтовкой или с дубиной и копьем идет за ней. Если она чем-то разгневает мужа, то он ужасно избивает ее. Если она умирает под его кулаками или вскоре после избиения, никто не обращает на это внимания и никому не придет в голову заступиться за нее или помочь ей.

О детях так мало заботятся, что мне кажется чудом, что они не все умирают. Ребенок, научившийся ходить, предоставляется сам себе. В результате у детей нет любви к родителям, они жестоки к старикам, которые не могут больше работать. Старые люди терпят голод и нужду, если от них не избавляются еще более конкретным образом.

Воспитание мальчика состоит в том, чтобы его стрела и копье всегда попадали в цель, чтобы дубина и томагавк в его руках были грозным оружием. Если он имеет ружье и револьвер, то его учат пользоваться ими. Он сопровождает отца и брата во всех войнах и учится всем жестокостям и порокам, чтобы стать полноправным членом племени.

Девочки должны вместе с матерями работать на полях, заготавливать материал для ограждения полей. Кроме того, они были предметом издевательства со стороны мужчин и мальчиков, которые били их и всячески измывались над ними.

Печально, низко и бесславно положение женщины там, где не проповедуют Христа или где безразлично относятся к Нему. Только Христос, как Его открывает нам Библия, меняет к лучшему образ мыслей народа, только во Христе женщина из рабыни становится подругой и помощницей мужу».

У таннезийцев свой тип деления недели, но воскресенья у них, конечно, нет. После того как мы год провели на острове, около десяти вождей посещали утренние богослужения и приводили с собой столько же людей. По окончании служения они проводили день так же, как и любой другой. Но на некоторых северных островах язычники имеют один особенный день, и я сам убедился в этом. Два раза мы бросали там якорь, но никто не показался, так как у них было свое "воскресенье". Только на следующее утро они пришли к нам.

Некоторые таннезийцы немного говорили по-английски. Это были самые негодные люди, которые даже в словах переняли нечестивый образ мыслей торговцев сандаловым деревом. А торговцы были кровно заинтересованы в том, чтобы местные жители как можно дольше оставались невежественными: так им было легче грабить их. И поэтому они также были настроены против нас и для них не составляло труда вызвать вражду против нас в недоверчивых людях.

После богослужения мы посещали соседние деревни, чтобы познакомиться с жителями и помочь им в их нужде. Сблизиться с ними можно было, только изучив их язык. Вскоре мы стали различать, что здесь разговаривают на двух, очень непохожих между собой диалектах. Для изучения мы выбрали тот, на котором разговаривали вокруг нас и который понимали на всем острове. Усердно изучая язык, с Божьей помощью мы вскоре уже могли говорить с людьми о грехе и спасении через Иисуса Христа.

Со временем обе станции получили в помощь двенадцать учителей из Анетиума. Естественно, у них не было ни образования, ни книг, потому что этот язык не имел еще ни одной буквы. Учителя были коренными жителями соседнего острова и быстрее знакомились с людьми. Их задача заключалась в том, чтобы показать пример другой жизни. Обычно такие учителя служат новоприбывшим миссионерам в качестве переводчиков.

Но на Танне и им пришлось учить язык. Здесь не только на каждом острове свое наречие, но, как например на Танне, жители севера не понимают жителей юга, что сильно затрудняло нашу работу.

Как-то пришло сообщение, что на острове Эрроманго убили троих белых – торговцев сандаловым деревом и многих местных жителей, которые работали на них. Все вокруг говорили об этом, и вожди собрались, чтобы посоветоваться. На таких встречах они пили каву, которая вначале действует на человека, как водка, а затем – как опиум. Волнуясь от полученного сообщения, они пили больше, чем обычно, и к вечеру все лежали одурманенные на земле. Когда стемнело, пришли враги и убили одного беспомощно лежащего. Тут же началась война между племенами.

На следующее утро военный вождь Миаки приказал бить тревогу на одной из больших морских раковин – знак того, чтобы все подчиненные тут же собрались. Собравшись, они бросились на врагов, их отбросили назад в село, затем они снова пошли вперед и в конце выразили свою ярость в громких переговорах, которые были слышны у нас. После этого наступила тишина. Вражеские вожди пришли ко мне с просьбой перевязать раненых. Сделав это, я очень просил их примириться между собой, и казалось, они охотно послушались. Когда же через некоторое время я на две недели уехал в Анетиум, опять началась война, в которой многие были убиты.

Примерно в то время, когда я потерял свою жену, заболел мой сотрудник мистер Матисон. Он был в очень плохом состоянии, и его нужно было переправить в Анетиум. Это происшествие опять возбудило в туземцах враждебное отношение к нам из-за их суеверных понятий о болезни и смерти. Из-за их возбуждения мы имели все основания бояться за наши могилы, которые должны были охранять. К несчастью, в это время заболел и умер один из учителей, ухаживавший за больным миссионером. Незадолго перед этим он был у меня и, когда умирал, просил передать мне: "Я больше не увижу своего любимого мисси! Скажите ему, что я умираю счастливый, так как я очень люблю Иисуса и иду к Нему".

Островитяне приходили ко мне и возбужденно спрашивали о причине несчастья. Простые объяснения не помогали, тогда я перевернул копье и спросил: может, вы сами во всем виновны? И удивительно, этот вопрос озадачил их, и они ушли. На своих сборищах они обсуждали это дело, затем пришли ко мне и сказали: "Мы не обвиняем вас, но вы и нас не должны обвинять. Мы думаем, что кто-то из племени, живущего в лесу, нашел кусок пищи, которую мы ели. Он дал его злому духу в вулкане, и тот производит все несчастья".

Другой вождь так оправдывал себя: "Карапанамун, или Анруман, злой дух Танны, которого мы все боимся и которому поклоняемся, причиняет это зло. Он знает, что если мы последуем вашему Богу и будем поклоняться Ему, мы не будем больше бояться его и не будем приносить ему лучшее из всего, как это делали раньше мы и наши отцы. Он сердит на вас и на нас".

Последовало короткое время покоя, после чего нас посетил Новат, вождь высшего ранга из Анетиума, которого жители Танны очень почитали. Когда после возвращения домой он вскоре умер, таннезийцы снова разгневались на нас и везде объявляли, что, если мы не оставим остров, они убьют нас. Эта весть достигла Анетиума, и оттуда приехал брат Новата, чтобы успокоить людей. Через два дня он тоже заболел, не успев ничего выяснить! Теперь налицо были доказательства, что виновники несчастья – мы! На другой стороне острова все здоровы, и только там, где живем мы, люди умирают.

Собрание следовало за собранием, был даже заключен союз с враждебными племенами, который нужно было отметить праздником, требующим человеческих жертв. Ища защиты, в миссионерский дом снова пришли женщины. Но дать им защиту было вне нашей власти. Мы только могли умолять мужчин-преследователей о милости

для испуганных несчастных женщин.

Наш конец был предрешен на многих собраниях. Задумано было также убить европейца, который недавно поселился на Танне и торговал, но чтобы никто не остался в живых и не открыл это дело. Но Бог Сам вложил милосердие в сердца язычников – старый вождь Новар, на земле которого мы жили, и Аркурат, его первый помощник, предупредили нас и не только расстроили все планы, но открыто противостали решению других, хотя из-за этого Новар со своим помощником должны были разделить нашу участь.

И снова они собирались, говорили гневные речи, как вдруг один военный вождь, который до сих пор молчал, встал и, размахнувшись своей дубиной, бросил ее на землю и воскликнул: "Кто хочет убить мисси, тот должен вначале убить меня! Кто убьет учителей, тот должен сначала убить меня и моих людей, потому что мы защитим их собой!" Когда еще один видный вождь присоединился к нему, на собрание напал страх, и оно закончилось.

Это заявление было для нас очень неожиданным, так как оба вождя жили далеко от нас, внутри острова, были высоко чтимыми волшебниками и видели в нас злейших врагов. Правда, я перевязывал раны брату первого вождя, и он выздоровел. Но я не придаю этому слишком большого значения. Это был Господь, Который вступился за нас, Которого мы просили в сердечных молитвах, стоя на коленях, когда решалась наша судьба.

Постепенно все успокоилось, только бедные женщины сильно страдали от всего этого. В гневе мужчины страшно избивали их за всякую мелочь. Я при каждой возможности говорил об этом и сильно осуждал, но, как в насмешку, сразу после этого один мужчина избил свою жену прямо перед моим домом. За мое вмешательство я был наказал тем, что на следующий день он пришел с вооруженной бандой убить меня. Я вышел навстречу и снова сказал ему о том, как он несправедлив, и очень обрадовался, когда он успокоился. Он ушел, пообещав, что будет обращаться с женой по-человечески.

Надеясь на Господа, я приложил все старания, чтобы прекратить избиение женщин и умерщвление вдов. Постепенно я убедил десять вождей, которые запретили делать это в своих племенах, а также дали женщинам отдых в воскресенье. К сожалению, авторитет вождей был непререкаемым, только если это касалось войны, а во всех остальных вопросах мне нельзя было ожидать от них слишком многого. Один из вождей откровенно сказал мне; "Если мы не будем бить женщин, они не будут работать! Они слушаются только тогда, когда чувствуют нашу силу. Если ничего не помогает, мы режем двух или трех, и тогда другие успокаиваются!"

Все доказательства, что это жестоко и что бедные женщины не в силах работать весь день, не помогали. На все мои просьбы, хотя бы попробовать обращаться с ними по-хорошему, был один и тот же ответ: "Таннезийские женщины не понимают добра!" Чтобы показать им пример, я пошел с учителями и их женами в лес за дровами. Мы сами несли самые тяжелые вязанки дров, а женщинам оставили только то, что им было нетрудно нести. Встречающимся я объяснял, что христиане так обращаются со своими женами и сестрами, и за это они любят их и охотно выполняют ту работу, для которой предназначены. Это помогло больше, чем все слова. Хотелось, чтобы они увидели, что наше учение о Господе делает людей добрыми и счастливыми.

Когда снова вспыхнула война, мне удалось убедить двадцать вождей заключить союз между собой и пообещать, что никто из них не будет начинать войны и что они будут воевать только для защиты. В это время мужчины каждый вечер регулярно приходили ко мне, чтобы учиться. Днем они стыдились и боялись переступать порог миссионерского дома. Но когда дверь и окна были накрепко закрыты, они часами сидели, задавая вопросы о нашей религии. Один пожилой мужчина сказал мне: "Я бы охотно стал авсуаки, то есть христианином, если бы все не смеялись надо мной! Этого я не могу перенести!"

"Совсем немного недостает..." Но прежде чем осудить, подумаем, сколько тех, которые живут и умирают в христианских странах, но не продвинулись дальше, чем он!

Когда умерла жена одного вождя, он решил устроить ей христианские похороны. Купив белый материал, в который нужно было завернуть тело, он пришел ко мне, чтобы

попросить ленту, которой не было у торговца. Я предложил ему помолиться при погребении, но он отклонил это и сказал, что тогда никто не придет. Он хочет, чтобы все таннезийцы присутствовали на этих первых похоронах. Но старому Новару, который уже давно был близок ко мне, он разрешил помолиться у гроба. Удивительное чувство наполнило меня при этом: язычник, вера которого еще совсем слаба, представления которого еще так часто омрачались суевериями, призвал у гроба язычницы живого истинного Бога!

Больше всего притягивало таннезийцев учение Библии о воскресении. В этом не было сомнения, так как они задавали много изумленных вопросов об этом. То уныние, то надежда наполняли наши сердца. Где только могли, мы рассказывали людям о Божьей любви и о Господе, Который милостив ко всем и дарит спасение тем, кто любит Иисуса и верит в Него.

Но это было тяжелой работой из-за притворства, обмана, воровства – пороков, которые были почти у всех. Падал ли на землю нож, ножницы или что-то подобное, таннезиец, твердо глядя мне в глаза, ставил на него ногу, пальцы которой имеют такую же подвижность, что и пальцы на руке. Как большим пальцем на руке, такие люди держат предмет большим пальцем на ноге. С невинным лицом они уходили домой с этой вещью. Другие прятали ворованные вещи в бесчисленных косичках густых волос. А некоторые открыто уносили то, что им понравилось в моем доме. У большинства из них воровство не считалось преступлением, осуждалось лишь неумелое действие, ведущее к его открытию.

Однажды после обильного дождя все в доме стало влажным, мы вывесили на улицу постель для просушки и охраняли ее. Вдруг появился запыхавшийся от быстрого бега Миаки и воскликнул: "Мисси, пойдем быстрей, мне нужен совет!" Он забежал в дом, я последовал за ним, но не успел он и слова сказать, как женщины позвали меня. Когда я вышел, то увидел, как люди Миаки скрылись в лесу. Мои одеяла и постель исчезли! Все это длилось одну-две минуты. Людей было так много, что охраняющие ничего не могли сделать. Миаки на одно мгновение стыдливо опустил глаза, затем с яростью бросил дубину и воскликнул: "Я сейчас накажу их! Они должны все принести назад!"

Видимо, он ждал, что я запрещу ему это, так как я всегда старался привести воюющих к покою. Я сказал, что если он хочет, чтобы я ему поверил, то его люди должны вернуть так необходимые нам вещи. Он оставил меня, естественно, только затем, чтобы получить часть награбленного. Так как он долгое время не показывался, я надеялся увидеть в нем хотя бы искорку совести. Когда позже я спросил его, Миаки утверждал, что не нашел ничего. Конечно, это была ложь, которая в глазах этих несчастных людей считается доброй чертой характера.

Однажды очень темной ночью я услышал, как одна банда воровала моих кур и коз, молоком которых я главным образом питался. Я купил их у островитян за ножи, топоры и коленкор. Не думаю, что им так уж важна была эта добыча. Скорее всего, они надеялись, что в этой кромешной тьме я выйду на улицу, и тогда можно будет безнаказанно убить меня.

В доме не было камина, хотя в период дождей было бы неплохо иметь огонь в доме. Недалеко стоял другой домик, в котором на печке готовили пищу и была вся посуда. Из этого домика однажды все унесли. Не помогли никакие уговоры вождя вернуть все назад! Чтобы не умереть с голоду, мне нужен был хотя бы чайник, и я предложил за него одеяло. Никто другой, как Миаки принес его, и все же не хватало крышки! Миаки сказал, что она находится на другой стороне острова и ее невозможно взять, так как то племя не подчиняется ему. Я был рад и открытому чайнику, а для себя отметил, как наша жизнь зависит от таких мелочей.

Мы не могли защитить себя, поэтому молчали и охотно сносили все ради Господа. Мы не теряли надежды, что эти несчастные увидят в нас друзей и помощников, как только нам удастся научить их познать и полюбить Иисуса. Несмотря на нашу жертвенность, было много тяжелых испытаний».

Военный корабль

«Как-то утром прибежали люди и сказали: "Мисси, мисси, горящий корабль! Может, Бог пришел к нам через море? Пламени не видно, а дым как из вулкана! Что это? Злой дух или горящий корабль?" Все были в большом страхе. Я ответил: "Я не могу сразу пойти, так как должен одеть свою лучшую одежду. Это, наверно, один из больших кораблей моей королевы Виктории. Я должен с большим почетом встретить капитана. Он будет спрашивать, как вы обращаетесь со мной, обворовываете ли вы меня, а может, хотите убить, или мы друзья".

Мои слова вызвали оживленный разговор и много вопросов, а вожди убедительно просили ничего не рассказывать. "Если капитан спросит меня, я должен сказать правду". – "Он будет спрашивать?" – "Я думаю, да!" – "Мисси, ничего не говори ему! Вы должны все получить назад, и никто не будет у вас что-то брать".

И все убежали, чтобы через короткое время возвратиться с множеством вещей. Они обеспокоенно спрашивали, все ли пропавшие вещи возвращены, чего я, естественно, не мог знать. Но я радовался волшебной силе, которую производил военный корабль на вождей, которые раньше не могли найти ни одного вора. Я повелел все принесенное занести в дом. "Я не вижу крышку от чайника",– сказал я, бросив взгляд на кучу. "Мисси, завтра вы будете иметь ее, она на другой стороне острова! Но не говорите это чужому человеку!" – "Я рад, что вы столько принесли, – сказал я. – Если вы, трое вождей – Ноука, Миаки и Новар – не убежите от него, то он не накажет вас. А если вы и ваши люди спрячетесь, то он спросит, почему вы боитесь, и я должен буду ему сказать. Итак, останьтесь со мной и в будущем ни у кого не воруйте!"

"Мы в большом страхе, но останемся, мисси". Еще сегодня я чувствую радость, когда в то прекрасное утро корабль "Корделия" зашел в наш порт. Капитан Верной в сопровождении своих офицеров приехал с двумя лодками, полными матросов. Он был полон участия, так как уже в Австралии слышал о плохом обращении с нами таннезийцев.

Как только лодки приблизились к берегу настолько, чтобы можно было различить униформу, Миаки убежал и через некоторое время появился в старом красном английском пиджаке, который он, видимо, купил у какого-то торговца. Хотя пиджак был ему немного узок, он все же застегнул его. Его безобразно разрисованное лицо и бессчетное количество косичек выражали дикую свободу, а в костюме он представлял грязное ничтожество. Миаки подошел когда я уже здоровался с капитаном и его сопровождающими. Он чувствовал себя первым в этом кругу и начал с достоинством осматривать приезжих, которые, глядя на него, еле удерживались от смеха.

"Кто это?" – спросил капитан. "Это Миаки, наш первый предводитель в войне", – представил я и шепнул, что он понимает по-английски, и именно столько, чтобы привести к опасным недоразумениям. "Какое отвратительное творение!" – пробормотал капитан слова, которых не было в словаре Миаки.

Через некоторое время Миаки сказал; "Мисси, так как этого большого вождя, которого послала королева Виктория, не все смогут увидеть, то попроси у него разрешения воткнуть копье в землю у его ног. Там, где кончается голова, мы сделаем насечку и пошлем копье по всему острову, чтобы все видели, какой он высокий". Капитан согласился, и все обрадовались. Тысячи островитян видели это копье, и долгое время "вождь и его корабль" служили темой разговоров.

Предложенная капитаном Верноном помощь не могла помочь мне в борьбе против жестоких привычек и суеверий. Все же по его желанию были созваны все вожди. На следующее утро пришло около двадцати из них в полном вооружении. Когда они сели в моем доме вокруг капитана, было видно, что большинство из них сильно переживают. Капитан около часа давал им добрые советы и предупреждал их о том, что наша жизнь должна быть в полной безопасности.

Потом он пригласил всех поехать на пароход "Корделия". Он сам показал им большие пушки и как они, словно игрушки, легко катятся по рельсам. Когда мы собрались на палубе, капитан приказал сделать два выстрела. Большое расстояние, на которое упали

ядра и огромный фонтан воды, а также сильный шум выстрела увеличили страх и ужас людей. Когда же он приказал выстрелить в группу кокосовых пальм и их ветки сломались как спички, они все стали умолять, чтобы их отвезли на землю. После того как каждый получил маленький подарок, их отпустили. Впечатления от увиденного были очень живо переданы другим, и не один миф о "пламенном боге моря" и о "вожде белой королевы" остался в сознании жителей.

В это же время пароход Лондонского миссионерского общества привез некоторых миссионеров, которые посетили меня и хотели взять с собой, чтобы я немного поправил здоровье. Но страх, что местные жители больше не пустят меня на остров, если я покажу им спину, заставил меня отклонить эту просьбу. Этот пароход также привез из Анетиума лес для строительства молитвенного дома, и из-за этой работы я тоже не хотел уезжать.

Вскоре я уже не мог рассчитывать на влияние посещения капитана Вернона и миссионеров. Впечатления стерлись очень быстро. Но хотя мы иногда падали духом в достижении цели, мы все же знали, что Божья благодать достаточна, чтобы осветить эти темные сердца, и это придавало нам мужества».

Переселение

«Четырнадцать раз малярия укладывала меня в постель, болезнь сопровождалась ужасными приступами, после которых я долго болел. Врачи в письмах не раз советовали мне поселиться повыше, и я понимал, что это нужно сделать как можно быстрее. Я купил холм, у подножия которого стоял мой дом. На вершине было достаточно места для церкви и миссионерской станции. Он был вышиной от трехсот до четырехсот футов. На одной стороне холм был отделен от моря узкой полоской земли, что давало здоровый прохладный воздух, свободный от ядовитых болотных испарений.

У меня уже был опыт, и на этот раз я был очень осторожен при покупке. Я созвал всех мужчин села и дал возможность каждому в отдельности высказать свои требования по отношению к этой площади. Я заплатил всем в большом собрании, чтобы потом никто не мог сказать, что он не получил плату. У одного торговца я купил палубные планки и хотел построить домик с двумя комнатами и кладовкой. Как только в нем можно будет жить, я хотел разобрать старый дом и использовать материалы для нового.

Во время этих приготовлений я снова заболел лихорадкой и намного сильнее, чем раньше. Когда приступы кончились, я очень медленно стал поправляться и мне казалось, что я никогда больше не буду работоспособным. Мой верный учитель Авраам и его жена помогали мне подняться на гору, где был здоровый воздух. Я больше полз, чем шел, и все же не смог добраться до вершины. Я упал, и у меня было такое чувство, что наступил мой последний час. Попрощавшись с верными помощниками, я предал свою душу Господу.

Когда после долгого глубокого обморока я пришел в себя, они отнесли меня на вершину холма, приготовили мне лежанку из веток кокосовой пальмы и поставили крышу в виде зонта из густых веток, чтобы защитить от знойного солнца. Потом принесли мне кокосовое молоко и другую пищу. Через несколько дней сознание возвратилось и больше не уходило. Пассатные ветры, свободно обдувающие холм, укрепили меня и послужили к более быстрому выздоровлению, чем я ожидал. Местные жители думали, что я уже не поднимусь, и так как каждый опасался за свое здоровье, то никто за все время болезни ко мне не пришел.

Когда я снова начал строительство, старый Авраам и его жена были мне помощью и спасением. Моих сил хватало только на то, чтобы складывать балки и доски. Я не был способен отнести их наверх, и они делали это за меня. Все это время я спал под ветками зонта, потому что возвращение в нездоровый дом было вредным для меня. И все же моя жизнь зависела от того, успею ли я построить новый дом до начала дождей. То, что сделал в это время для меня Авраам, который, как и его братья на Анетиуме, был раньше каннибалом, превыше всякой похвалы. Он работал с полной отдачей, и я

все доверил ему. Он полностью жертвовал собой. Он поистине стал новым человеком во Христе, который во всякой нужде, во всех опасностях и в моменты тяжелой болезни, когда я был так слаб и не мог молиться, молился за меня, и его молитвы укрепляли меня и наполняли благоговением, как когда-то молитвы моего отца.

Глава 8

Миссионерские сообщения с Танны

«Моя мирная группа (двадцать вождей) некоторое время верно держали свое обещание – не начинали войны. Но когда на обратном пути после мирного посещения племен внутри острова восемь из них были убиты, они объявили войну. Молодые люди нашего села были так обрадованы, как у нас дома их сверстники, когда готовились к какой-то игре.

Соседи посоветовали мне на время удалиться. Ожидаемые враги передали мне, чтобы я спокойно оставался, они ничего не имеют против меня. Мой дом будет лучше защищен от пожара и грабежа, если я буду там. Я решил сделать попытку заключить мир и пошел с Авраамом и другим учителем к вражеским племенам. Мы шли через оставленные села и поля. Мои спутники были в унынии. Я также был озабочен, каким будет исход. В глубоком молчании и с непрестанной молитвой к Богу о помощи мы шли вперед.

Долго мы никого не могли найти, и вдруг наткнулись на толпу врагов. Увидев нас, они схватились за оружие. Я молился всей душой, притянул обоих учителей к себе и как можно громче крикнул: "Я приветствую вас всех, мужчины Танны! Не бойтесь, я ваш друг! Я люблю вас всех и пришел, чтобы рассказать вам, что Бог хочет, чтобы вы сделали!"

Мы, как всегда, были безоружны. Один старый вождь пошел мне навстречу, взял за руку и привел в середину толпы со словами: "Садитесь со мной и расскажите мне. Скоро у всех остальных пройдет страх". Некоторые, объятые смертельным страхом, убежали в ближайший лес. Другие прыгали в дикой радости и восклицали: "Мисси пришел! Мисси здесь!" Волнение росло с минуты на минуту. Отвратительно разрисованные мужчины и юноши с многочисленными косичками и воткнутыми в них большими перьями теснились со всех сторон. Женщины с детьми выглядывали из-за кустов, чтобы тут же исчезнуть. После часового рассуждения вождь согласился на примирение. Большинство поддержало его. Мне разрешили помолиться с ними за них и рассказать им о Спасителе.

Когда мы собрались домой, они принесли нам в подарок двух кур, кокосовые орехи и тростник с пожеланием, чтобы мы как можно скорее снова пришли к ним. Было обещано, что с этого дня с их стороны никто не тронет нас. Я также дал подарки: рубашки, куски красного ситца и рыболовные крючки, которые им очень нравятся.

В это время наше отсутствие было обнаружено и наш план раскрыт. Наши соседи думали, что эти дикие племена наверняка убьют нас. Когда они увидели нас здоровыми и даже с подарками в руках, они не поверили своим глазам. Во всяком случае, это было неслыханным происшествием. Мир длился более четырех недель – исключительно долгий покой, что было хорошо для диоскореи и тростника, урожай которых был в последние годы небольшим.

Очень трудно было бороться с предрассудками и привычками местных жителей, но намного тяжелее было выступать против дел и действий человека, которого я мог с глубоким чувством стыда признать земляком. К примеру, мистер Винчестер, капитан и хозяин торгового судна, разрушал всю мою работу. Он продавал людям старые ружья, порох, пули и брал за это птицу, кокосовые орехи, свиней и т. п., которых он сам отвозил или сбывал на другие пароходы.

В прошлый свой приезд он продал мало военных товаров. Тогда он начал дарить порох, пули и давать на время мушкеты. Он прямо-таки подстрекал портовых жителей к войне, только чтобы сбыть свои товары! Как только началась вражда и были использованы подаренные предметы, его торговля стала процветать. За стакан пороха,

за три-четыре пули или десять капсюль он брал большую свинью! Бедные язычники в своей ярости отдавали все, что он хотел, лишь бы продолжать войну.

Я вновь указал несчастному на его грехи и какой вред он приносит христианству и цивилизации. Он засмеялся мне в лицо и дерзко сказал: "Мир не подходит для моего бизнеса!" Это был взгляд в бездну человеческой жадности и зла. Естественно, против него я был бессилен и ничего не мог сделать.

Когда началась эта война, пришел Миаки и забрал из моего дома своего брата Рарипа. Этот добрый восемнадцатилетний юноша очень привязался ко мне и жил у меня уже несколько недель. "Мисси, я ненавижу войну! – говорил он мне. – Я хочу остаться у вас, потому что убивать людей несправедливо ".

Рарип противился Миаки и не хотел идти с ним. Я просил за него, но ничего не помогало. Миаки силой увлек его в бушующее сражение. Одна из первых вражеских пуль попала в юношу, которого Миаки удерживал возле себя. Он умер на руках брата сразу же после того, как оставил меня!

Когда я поспешил к мертвому телу, уже многие собрались вокруг него, дикими жестами выражая печаль о смерти брата вождя. Женщины и девушки, которые сидели на земле, а некоторые и лежали, рвали на себе волосы, черной краской разрисовывали себе лицо, грудь и руки. Они громко плакали, ранили себя осколками разбитых бутылок, бросались на землю и вопили. Мужчины с размаху бились головой о деревья, рассекали себе кожу ножами, так что кровь лилась ручьями, и тоже кричали. Я с глубоким огорчением смотрел на эти знаки горя, в которых они не могли найти никакого утешения.

Я принес полотно и ленту, чтобы завернуть тело Рарипа и приготовить к погребению. Было видно, что местным жителям было приятно видеть, что я любил умершего, так как все просили, чтобы я похоронил его по-христиански. Я прочитал из Слова Божьего и горячо помолился, понимая, что не смогу забыть все происходящее. Когда же, когда же таннезийцы будут иметь то, что теперь наполняло меня, – утешающую веру в бессмертие и вечную жизнь, подаренную по милости Иисусом Христом!

Война была продолжительной, потери были очень большими. Месть народа развернулась против торговца: "Ты толкаешь нас к войне! Ты обманываешь нас и других. Рарип умер, и многие другие. Своей жизнью ты должен поплатиться за это", – сказали они ему.

Винчестер был доволен, пока в его дом приносили птицу, свиней, – совесть не осуждала его за убитых людей. Но теперь он пришел ко мне с женой, дрожащий, в трепете – искать убежища. Конечно, я сказал ему, что мы не хотим иметь ничего общего с его грязными делами. Он организовал себе охрану из жителей других островов, с которыми он обращался, как с рабами, но забрал у них все оружие, так как боялся, что они могут обратить его против него. Затем он попросил меня ежедневно посылать моих учителей для охраны его жены, когда он будет спать. Он обещал дорого заплатить за охрану его жизни. Оба учителя боялись и не хотели идти, приказывать им я не хотел и не мог. Так он и жил – в страхе, вооруженный до зубов, каждое мгновение ожидая нападения коренных жителей. Ночью он спал на своем пароходе, стоящем на якоре далеко в бухте, и, как только прибыл морской пароход, бежал со своей добычей.

Начатая при его пособничестве война длилась больше трех месяцев. Затем мне посчастливилось через подарки обеим сторонам получить обещание сложить оружие. Но полностью угасить желание мести, мне не удалось. Пришлось довольствоваться достигнутым.

Во время этих сражений я каждое воскресенье ходил в лагерь и проводил там богослужения, на которых многие почтительно присутствовали. Но все уговоры о мире были бесплодными. Когда я однажды хотел пойти во вражеский стан, мои соседи удержали меня и сказали: "Мисси, молись только за нас! Ваш Бог сделает нас сильными. Вы не должны молиться с врагами, чтобы Он не помогал также и им!" С тех пор я вменил себе в обязанность посещать обе стороны и учить их, что Бог повелевает всем сохранять мир.

В это время примерно сорок человек сопровождали Новара на богослужение, на котором они очень внимательно слушали. Новар сам был полон радости, и, казалось, познание и любовь возрастают в нем. Но все же и он не всегда был постоянен, был

изменчив и сомневался, лучшее ли он избрал.

То здесь, то там происходили события, которые поднимали наш авторитет, потому что некоторым мы приносили пользу. Например, во время рыбалки одного волшебника укусила рыба, следствием чего была гангрена и смерть. Когда я пришел в село, все были заняты ужасной церемонией, которая предшествовала умерщвлению двух его жен. Мне удалось путем просьб и объяснений спасти приговоренных к смерти. Каждый такой случай, когда они соглашались не исполнять свои ужасные обычаи, ободрял меня и вселял надежду, что со временем они совсем исчезнут.

Как-то рано утром я увидел, что мои дом окружен вооруженными людьми. Их предводитель коротко и ясно сообщил мне, что они пришли убить меня. Я видел, что полностью нахожусь в их власти. О какой-то защите не могло быть и речи. Я склонился на колени и в горячей молитве передал свое тело и душу Иисусу, как я думал – в последний раз, а затем вышел к мужчинам. Спокойно я объяснил им, как плохо они поступают со мной и что никого из них я никогда не огорчал. Я также указал им на последствия моего убийства. Вдруг предводитель сказал: "Вы правы! Мы плохо поступали с вами! Теперь мы хотим бороться за вас и убивать всех, кто презирает вас ". Мне пришлось силой удерживать руку вождя, чтобы он никого не убил из-за меня, так как Иисус учит нас любить своих врагов и делать им доброе. Многие убежали во время нашего разговора. Оставшиеся пообещали оставаться приветливыми к нам. Но вскоре их общее собрание решило предоставить нам выбор: или не говорить им о Христе, или они нас убьют. Мы можем обмениваться товарами и оставаться, так как им нравится жить с нами, но я не должен рассказывать им о нашем Боге. Я ответил, что живу здесь не ради выгоды, но из любви к ним, из жалости к их бедным душам. Тогда выступил вождь, живший когда-то в Сиднее и говоривший по-английски. Он сказал следующее: "Мисси, наши отцы любили злого духа, которого вы называете дьяволом и поклонялись ему. Мы желали делать то же самое, так как любим путь наших отцов. Мисси Турнер пришел и нарушил наше поклонение, но наши отцы победили его, и он бежал. Они победили и Пету, учителя из Самоа, а незнакомца, который был перед вами, мы убили. Мы также убили учителей из Анетиума и сожгли их дома. После каждого такого случая на Танне было хорошо. Мы жили, как наши отцы, и смерть, и болезни оставили нас. Теперь мои люди собираются убить вас, так как мы не хотим знать ваших обычаев и вашего Бога!"

Затем он позвал некоторых из своих людей, поставил рядом (это были те, кто побывали в Австралии) и злобно продолжал: "Люди в Сиднее тоже принадлежат вашей Великобритании. Они так же хорошо, как вы, знают, что верно и что неверно, но все мы видели, что они в воскресенье варят, работают и развлекаются, как в любой другой день. Вы говорите, чтобы мы не работали в воскресенье. Но вы сами кипятите воду для чая, как и всю неделю. Мы видели в Сиднее: люди делают то, что вы называете плохим, а нам нравится это. Вы – один, а их много. Значит, они правы, вы не правы! Вы распространяете ложь о вашем Боге и Его воле!"

К сожалению, мне пришлось согласиться, что большинство людей не исполняют волю Божью и используют воскресенье для развлечений! Но я также сказал, что тысячи послушны Ему в этом и поистине служат Ему.

В этом народе с таким изменчивым настроением часто случалось, что те, кто приходил ко мне с готовым приговором убийства, включались в разговор о высших материях и внимательно слушали, как я рассказывал о благословении, которое приносит Библия во все страны, и в конце тихо слушали мою молитву. Но буквально через несколько дней, когда многие островитяне собрались у меня, один из них с яростью поднял дубину над моей головой. Вождь Казерумини выбил ее у него из рук и спас меня от смерти. Жизнь среди таких опасностей все больше приближала меня к Господу. Я никогда не знал, в какое мгновение вновь вспыхнет ненависть, которая может лишить меня жизни. Я ежедневно учился класть свою слабую руку в пронзенную руку Того, Кто правит миром, и покой, мир и отрада наполняли мое сердце несмотря ни на что.

На следующий день один вождь с ружьем следовал за мной везде и повсюду, при работе в доме и на улице. Часто он поднимал ружье для выстрела, но сила Божья

удерживала его руку. Я приветливо говорил с ним, делая при этом свою работу, как будто его не было здесь, твердо убежденный в том, что Бог дал мне это служение и сохранит меня, пока я не выполню положенную мне часть. Чудесное спасение сильно укрепляло мою веру и готовило меня к будущим опасностям.

Без твердой уверенности присутствия и силы нашего Спасителя я бы наверняка потерял рассудок и погиб бы. Его слова: "Се, Я с вами до скончания века" стали для меня настолько непреложными, что я бы едва устрашился, если бы увидел, что Господь смотрит на меня с высоты, как видел Его Стефан. Я, как Павел, чувствовал несущую меня любовь Христову и часто повторял с ним: "Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе". Поистине я никогда не чувствовал Господа так близко, как в моменты, когда дубина, ружье или копье были направлены на меня.

Как-то ночью я три раза просыпался от шумных попыток одного вождя, стремившегося со своими людьми ворваться в дом. Хотя они были вооружены винтовками, им не хватало смелости, потому что они чувствовали, что поступают несправедливо. Они возвратились домой ни с чем и на следующий день говорили везде, что не стоит идти против меня с копьями. Лучше всего поджечь дом и, когда мы побежим, убить нас дубинками. Но и здесь нам помог Господь. Этот план стал известен одному учителю и, когда они заметили, что мы охраняем дом, то поняли, что их намерения раскрылись. Это на некоторое время лишило их веры в себя, и, явно пристыженные моей приветливостью, они стали немного спокойнее.

Как-то утром Намури, учитель, был тяжело ранен кавой (камнем убийства). Нападающий был священником. Упавшего Намури он бил еще и дубиной. Истекая кровью, оглушенный учитель, шатаясь, вбежал в мой дом. Преследователи почти настигли его, но остановились, увидев меня. Медленно заживали его тяжелые раны. Когда он, наконец, почти окреп, то тут же пожелал вернуться в селение и продолжать работу. Я просил его поберечь себя и еще немного подождать, пока не уляжется гнев людей. Добрый Намури ответил мне: "Мисси, когда я вижу, как эти несчастные жаждут моей крови, то я вижу в них себя. Я не один раз сильно хотел убить первого миссионера, который пришел к нам. Если бы он боялся приближаться к нам, то я еще и сегодня был бы язычником. Но он не переставал учить нас, и по милости Божьей я через него стал христианином. Этот же Бог силен просветить и бедных таннезийцев, чтобы они служили и поклонялись Ему. Мисси, я не могу оставаться вдали от них! Но спать я хочу в миссионерском доме. А днем я должен работать". Удерживать такого человека я не мог. Он возвратился вниз к людям, и какое-то время все было хорошо.

Островитяне больше стали интересоваться нашей работой, и именно это снова разозлило языческого священника. Как-то утром, когда Намури молился с людьми, священник подскочил к нему, стукнул его несколько раз дубинкой и оставил лежать, думая, что он мертв. Все присутствующие убежали, чтобы их не обвинили в убийстве, и так Намури долго лежал без всякой помощи. Когда он пришел в себя, то кое-как добрался до меня и сказал: "Мисси, я умираю. Они убьют и вас! Бегите, спасайте свою жизнь!" Я перевязал ему раны, утешил его и помолился с ним. Он был совершенно спокоен. Ни словом не жаловался на сильные боли, но все повторял: "За Иисуса! Ради моего Иисуса!"

Свою молитву: "Господь Иисус, прости им, потому что они не знают, что делают! О, не забирай с Танны всех Твоих служителей! Господь, приведи всех таннезийцев к тому, чтобы они любили Тебя и следовали за Тобой!" – он повторял так часто, пока не сделал последний вздох. Для него Иисус был все во всем. У него не было страха смерти. Он умер с твердой надеждой скоро быть у Господа. В глазах мира он был маленьким, ничего не значащим человеком, но я знал, что добрый служитель Господа пал в борьбе ради Него. Я сделал ему гроб и со слезами и молитвой предал его тело земле недалеко от нашего дома.

На следующий день пришли вожди с предложением, сохранить мою жизнь в безопасности, если я подарю каждому из них кусок материи, ножи и топоры. Я, естественно, отказал им, так как знал, что никто не может гарантировать мне безопасности до тех пор, пока все они не будут служить Господу.

Снова мне удалось спасти от смерти женщин, мужья которых умерли. Но подобные

случаи еще происходили, а на мои наставления я получил такой ответ: "Наши отцы не делали этого. Мы научились этому обычаю в Анетиуме. Так как его там отменили, то и мы можем это сделать, не огорчая своих отцов".

На этой стороне острова были только горячие источники. В жаркие дни воду нужно было несколько дней остужать, чтобы можно было пить. Мне удалось на глубине двенадцати футов найти холодную воду. Я выложил стены колодца камнями, которые мне пришлось издалека везти в лодке. Для островитян это было настоящим чудом, что дождь идет снизу вверх! Теперь все брали воду из моего колодца. Это была хорошая вода, без всякой примеси соли, хотя ее уровень поднимался во время прилива и при отливе опускался.

Я стал больше времени уделять строительству дома, который должен был служить школой и церковью. Я купил балки в Анетиуме на деньги, которые прислала мне из Глазго бывшая ученица. После долгого труда молитвенный дом был наконец-то готов – хотя и очень примитивный, но такой нужный в тропиках! В жарком тропическом климате не страшно, если в окнах нет стекол.

Но таннезийцы не были рады, что мы укреплялись. На первое богослужение пришло только пять мужчин, трое женщин и трое детей. И мне пришлось продолжать ходить в деревни и проводить там собрания под тенью кокосовых пальм.

Незабываемым событием для меня было печатание первой таннезийской брошюры. Томас Бинни из Глазго подарил мне маленький печатный пресс и литеры (буквы). Набору и печати я учился на родине, и все же для меня эта работа оказалась тяжелей, чем строительство дома. Я очень медленно продвигался вперед, но со временем дело ускорилось. Большой трудностью было правильно расположить страницы, чтобы собрать их в книгу. Когда я, наконец, понял структуру книги и сделал первый печатный лист, был час ночи.

В тихой ночи я издал громкий радостный возглас, бросил свою кепку в воздух, как шаловливый мальчик, и как ребенок прыгал вокруг пресса, пока серьезно не спросил себя: "Разве так нужно выражать свою радость? Разве не более подходяще для миссионера – склониться на колени перед Господом и благодарить за первый отрывок Его святого Слова, который впервые напечатан на этом языке?" И я молился о дальнейшем благословении и благодарил Того, Кто помог мне. Но у таннезийцев был суеверный страх к книгам, особенно к Божьей книге, который нужно было преодолеть.

Вскоре после этого в порт Резолюция зашел американский корабль "Камдеи Пакет". Капитан корабля попросил меня провести на борту богослужение. Общение с капитаном Алланом и его командой было для меня источником воды в пустыне. Все без исключения были искренними христианами, любящими Господа, – маленькая церковь в единстве духа. Они хотели дать мне запасы пищи, но у них был только рыбий жир, который я не мог использовать. Чтобы оказать мне какую-то любовь, капитан попросил корабельного плотника отремонтировать мою лодку. Об оплате они и слышать не хотели, так как сделали это из истинно братской любви».

Рост опасностей

«Вскоре после этого посещения появились новые опасности. Однажды, когда я работал на улице, вдруг появился военный вождь с группой вооруженных людей. Какое-то время они наблюдали за мной, не заговаривая, затем все подняли ружья, целясь мне в голову. Убежать было невозможно! Если бы я заговорил, это увеличило бы опасность. Я очень ясно помню, что у меня исчезло зрение. Я начал усердно молиться Богу, чтобы Он защитил меня или взял в Свое Царство. Когда мои глаза снова могли видеть, я попытался продолжить работу, как будто вокруг никого не было.

В этот момент, как никогда прежде, для меня стали живыми слова: "И чего ни попросите во имя Мое, Я то сделаю", – и я понял, что спасен! Не говоря ни слова, они все отошли немного назад, опять подняли ружья, мимикой подбадривая друг друга сделать первый выстрел. Но мой Бог удержал их. Они ушли, а я остался с новым

упованием во всем и всегда доверять Ему. Но опасности приходили со всех сторон. Вскоре снова было покушение на мою жизнь, после чего мне пришлось стать более осторожным, и я несколько дней оставался дома, потому что верил и сегодня еще твердо уверен в том, что мы можем ожидать защиты от Бога только в том случае, если сами используем для этой цели все разрешенные и возможные средства.

Снова в наш порт зашел большой корабль. Он принадлежал французу, принцу из Джен Бойве. Он вынужден был бежать, когда на трон вступил Наполеон III, стал американским гражданином и предпринял путешествие на своем корабле, с целью найти и изучить страны, которые представляют какую-то ценность, чтобы туда заходили корабли.

Француз предлагал мне, и даже убеждал, отвезти меня в безопасное место: в Анетиум или в Сидней. Но я не мог решиться на это, так как боялся, что туземцы больше не пустят меня на остров, если я оставлю его. Я решил все же использовать присутствие европейцев в порту, и с помощью учителей и нескольких таннезийцев, хорошо относившихся ко мне, разобрать свой первый домик и перенести его на холм.

Когда мы при этом сжигали крышу из сахарного тростника, француз подумал, что таннезийцы выполнили свою угрозу и сжигают мой первый домик. Он приказал зарядить свои пушки и поспешил на остров с несколькими лодками, полными матросов, чтобы защитить меня. Мне было жаль, что я не известил этого доброго человека о своих планах. Но он только посмеялся от души и дал приказ маршировать перед таннезийцами. Затем позвал всех близко живущих вождей, хотя я совсем не просил его об этом, и объяснил им, что если они причинят мне какой-то вред, он вернется и разрушит пушками все их селения. Они обещали этому жизнерадостному господину все исполнить. И все же он повторил мне свою просьбу – уехать с ним. Видно, он посчитал меня за мечтателя, когда я, поблагодарив, отказался.

Какой резкий контраст между сердечным отношением этих мужчин и поведением другого, о котором я хочу рассказать. Мне просто стыдно признаться, что он, как и я, англичанин. Служа в Сиднее у одного торговца сандаловым деревом, он попытался обманом забрать нашу лодку, которая была очень необходима нам. Он сказал мне, что мистер Копеланд якобы велел мне отдать ему лодку. Так как я знал, что никто не мог дать ему такое поручение, я не отдал ему лодку.

Этот бессовестный человек пошел к лодочному домику, взяв с собой нескольких таннезийцев, нанятых им за табак, чтобы они помогли ему взломать дверь и вытащить лодку. Когда я последовал за ним на берег, он страшно ругался, толкал меня и даже хотел ударить. Когда я сказал людям: "Вы помогаете этому человеку воровать мою лодку. Вы знаете, что она принадлежит мне", – они убежали. Позднее ему все же удалось с помощью далеко живущих туземцев взять лодку и спустить ее на воду. Через некоторое время лодку, ставшую негодной, он приказал спустить на воду, и ее волнами выбросило на мель, откуда мы с большим трудом переправили ее на остров.

Если алчные торговцы так обращаются с миссионером, британским гражданином, то можно себе представить, как они обращаются с местными жителями. Пока было сандаловое дерево, они вымогали его у жителей, а когда те перестали отдавать его за низкую цену, они стали прибегать к убийствам и грабежу. Торговцы заработали на сандаловом дереве тысячи и тысячи фунтов стерлингов. Но сколько пролито невинной крови за эти нечестные деньги, а сколько горя они принесли этим людям разными греховными привычками! В ссорах и в пьяном угаре белые убивали друг друга. Я не могу вспомнить ни одного из них, кому деньги принесли бы благословение. Все погибли в своих грехах. И даже самим владельцам кораблей награбленное богатство принесло одни проклятия.

Когда сандаловое дерево кончилось, компания по торговле рабочей силой "Канака" начала превращать острова в свои колонии, что привело тысячи островитян в их зависимость, которая почти не отличалась от рабства, вследствие чего население островов сильно поредело. В лучшем случае собиратели сандалового дерева несли с собой болезни и смерть. В худшем случае эти бесчеловечные люди заставляли бедных людей работать на таких работах, которых те не понимали, или убивали их по всякому поводу. Целью этих людей было: "Пусть погибают туземцы, чтобы эти острова могли занять белые!"

Поэтому было совершенно естественно, что бедные, объятые страхом люди, боялись и ненавидели всех белых, и не делали никакой разницы между нами. Мы хотели лучшего для них, а для торговцев даже их жизнь ничего не стоила, поэтому неудивительно, что таннезийцы не упускали ни одной возможности навредить своим мучителям.

Торговец рабочей силой, который уже долгое время жил в порту Резолюция, имел в погребе под домом запасы табака, пороха, пуль и винтовок. К нему можно было проникнуть только через дверь-ловушку. Злые собаки и вооруженные слуги охраняли его день и ночь, так что он чувствовал себя в абсолютной безопасности. Хитрые таннезийцы вырыли под землей туннель к этому погребу и полностью обчистили его.

Мое сердце обливалось кровью при мысли, какими прекрасными и способными людьми могли бы стать местные жители благодаря Библии, а вместо этого над ними издеваются, деморализуют и уничтожают их.

Когда таннезийцы увидели, что торговец, мой земляк, жестоко обращается со мной, своровал у меня цепь и лодку и остался без наказания, то поняли, что и они могут так же поступать со мной! Я могу уверенно сказать, что большая часть вины за закрытие миссионерской станции на Танне лежит на торговцах, которые вызвали вражду народа против всех белых.

Вождь Новар оставался верным мне, ему я больше всех мог доверять. Он всегда приходил на собрание, сопровождал на богослужения в другие деревни и не раз ограждал меня от опасностей. Новар договорился с другими вождями сделать большой праздник для славы Божьей, потому что только Ему они все хотели поклоняться.

Это было самое большое собрание, которое я видел на Танне. Когда все собрались, многие вожди пришли за мной и учителями. Четырнадцать вождей один за другим говорили к народу, предлагая, чтобы никто больше не был убит через Нахака, так как волшебство – это обман. Их священники не должны больше утверждать, что они могут посылать или не давать ветер и дождь, урожайные и неурожайные годы, болезни и смерть. Все присутствующие должны служить Богу, как их учил миссионер, а изгнанные племена пусть возвратятся и живут среди них.

Эти речи не вызывали ни малейшего отклика среди массы людей. Без сомнения, мужчины говорили серьезно, и если бы нашелся среди них тот, кто мог бы повести их за собой, то произошли бы значительные перемены. Но у таннезийцев ненадежный, колеблющийся характер. По любому поводу они держат длинные речи, большинство которых не приносят никакой пользы. Было видно, что под противоположным воздействием они так же быстро вернутся к своим старым идолам.

Речам предшествовал ряд языческих церемоний, которые приводили меня в ужас. Они обходили кругом огромную кучу запасов пищи. Мужчины, выстроившись в два ряда, вначале молчали, затем склонились на колени и снова встали, издавая ужасные звуки, крики и стоны. После того как все это повторили три раза – каждый раз со все увеличивающимся, почти яростным возбуждением, последовало безумное пение, все трясли руками, а Новар сказал еще одну речь. Затем начали раздавать пищу, которую вожди брали для своих подопечных.

В это время Новар и Нерванги, руководители всего праздника, подошли к нам, и первый сказал: "Мы сделали этот праздник, чтобы побудить вождей и народ прекратить войну, стать друзьями и поклониться вашему Богу. Мы хотим, чтобы вы остались у нас и учили добрым нравам. В доказательство нашей честности и любви мы приносим вам эту пищу".

Я ответил, обращаясь ко всему собранию, что я рад их решению и обещанию. Я сердечно и убедительно просил их крепко держать свое слово и исполнять его, и они пожнут благословения для себя и своих детей. Потом я пошел в середину круга, положил узел красной материи и несколько кусков белой, рыболовные крючки и ножи, а также данную нам пищу. Я попросил вождей все разделить по племенам и сказал, что это знак моей любви ко всем.

Когда они убеждали меня взять пищу, мне пришлось сказать им, что я очень благодарен за их доброе расположение ко мне, но я не могу есть эту пищу, так как они посвятили ее своим идолам и злому духу Карапанамун. Я объяснил, что на свою пищу христиане просят благословения только у живого Бога, Который не терпит рядом с

Собой другого бога. Я пожелал им, чтобы они тоже молились этому Богу и поблагодарил их за доброе расположение ко мне, за пищу, которую они предлагали мне. Казалось, что они успокоились.

Последовали танцы под хлопанье ладош и пение, которые проводились в строгом порядке. Исполнили также сцену сражения, при которой группа мужчин из ближнего леса напала на село. И затем настал конец праздника. Все упаковывали пищу, чтобы взять ее с собой, так как таннезийцы не едят с людьми другого племени. В конце стали обмениваться одеждами – не перьями или украшениями, но искусно сделанными поясами и даже одеждой, сшитой из европейской ткани. Наблюдая за этим, можно было подумать, что эти люди очень дружелюбны между собой. Так оно и было, но только на время праздника! Старые распри не были забыты! Чувство мести не было убито в этих сердцах и неминуемо должно было привести к новым войнам.

В шести селах на побережье жили учителя из Анетиума. Примерно столько же сел желали принять учителей, как только они приедут. Эти села должны были связать две главные миссионерские станции на Танне. Учителя в прошлом тоже были каннибалами, но я могу искренне засвидетельствовать, что они верно служили Господу. Я часто посещал их, ободрял и помогал в их труде. Но как только наступала тревога, беспорядки, они вынуждены были бежать ко мне, так как здесь было безопаснее.

Трудности своего положения они переносили с большим терпением, действительно отвергая себя. Никто сам по себе не смог бы достичь таких результатов. Это могла сделать только благодать Божья во Христе. Хотя в отдельных опасных ситуациях они иногда впадали в старые языческие привычки – гнев и нетерпение, все же они были до глубины сердца возрожденными людьми и всеми силами охотно служили своему Господу и Учителю. Ярче всех горел новый дух в Аврааме и Ковари.

Однажды на рассвете, когда я проснулся от грохота выстрелов вблизи порта, один из этих учителей пришел ко мне с ужасной вестью, что шесть или семь людей были убиты ради праздника, который должен состояться по случаю окончившейся войны и принятия изгнанного ранее племени. Когда я сбежал вниз, то услышал, что предводители решили в большом собрании, что нужно шесть-семь человек принести в жертву, но утаили их имена. Эта опасность нависла над всеми, и в страхе казалась каждому неизбежным роком, который нужно бодро перенести. Перед восходом солнца перед каждым домом жертвы был поставлен убийца. Услышав выстрелы, люди выбежали из своих хижин и были убиты, как предназначенные к жертве. Мертвые тела на короткое время подвешивали за руки на "святом дереве" – как жертвы их богам! Позднее со многими церемониями их несли на берег и там охраняли.

Хорошо относившиеся к нам таннезийцы рассказывали, что мы также должны стать жертвами этого праздника. Я собрал всех учителей с их женами к себе и закрыл двери. До самого обеда вооруженные люди ходили вокруг станции. Они несколько раз испытывали на прочность окна и двери и шептались между собой. Может, их удерживало от взлома двери то, что в моем доме был револьвер и двуствольная винтовка, которыми я и не думал воспользоваться – ведь я приехал сюда спасать, а не разрушать, и мне было бы намного легче самому умереть, чем убить кого-то. Наше спасение находилось в более надежных руках.

Большую часть этого дня мы провели на коленях в искренней молитве и знали – что бы ни случилось, Господь все обратит к Своей славе и для нашего истинного спасения. К вечеру враги ушли, чтобы съесть свою страшную человеческую жертву и кровью скрепить мирный союз, который, естественно, через короткое время был снова погребен в крови. Нам же пришлось еще долгое время быть очень осторожными. Где бы мы ни были, нас преследовали вооруженные люди, желая убить. Но Господь не допустил этого. Его сильная защита была всегда с нами!

Через некоторое время, когда из-за старой ссоры вновь разразилась война, я каждый день ходил в лагерь и убеждал их примириться, а также просил Бога оказать им милость и просветить их. Три языческих священника открыто объясняли мне, что они не могут и не хотят ничего слышать о моем Боге. Они сами сильны и могут убить меня волшебством, если они получат кусочек пищи, которую я ел. Последнее является существенным условием их "черного искусства". Местные жители никогда не оставляют

никаких остатков пищи. Никто не выбрасывал даже кусочка кожуры от бананов из страха, что он может попасть в руки священника и убить его. Так как это суеверие часто является причиной ссор и всех войн на Танне, то я решил нанести ему удар и, прося Бога о помощи, принял вызов.

Одна женщина держала в руках веточку куонкуоре (фрукты, напоминающие наши сливы). Я попросил ее дать мне несколько штук. Она протянула мне веточку со словами: "Пожалуйста, возьмите сколько хотите". Я сорвал три плода, откусил от каждого по кусочку и съел, а остатки отдал трем "мудрым мужам" со словами: "Вы все видели, что я ел от этих плодов. Я утверждаю, что ваши священники, хотя и получат эти кусочки, не смогут убить меня без стрелы, копья, дубины или ружья, так как у них нет власти ни над моей жизнью, ни над вашей".

Все присутствующие, казалось, застыли от ужаса. Они уже видели меня мертвым! Обычно эта церемония проводится без свидетелей, так как местные жители убегают из страха, как европейцы бегут от чумы. И сейчас они убежали с возгласами; "Прочь, мисси! Мисси, прочь!" Но я остался, чтобы наблюдать.

С многочисленными церемониями они завернули эти остатки в листья "святого дерева", стоящего вблизи, и придали им форму наших свечей. Затем разожгли под деревом "священный костер", с бормотанием зажгли эти свечи и дули на них, чтобы они лучше горели. Потом бросили их через голову, кидая взгляды на меня, чтобы удостовериться, что их волшебство начало действовать. Мне казалось, что они сами верят своей лжи, так как их лица были очень серьезны. В этот момент я особенно желал разогнать эту ночь суеверия и воскликнул: "Поторопитесь же! Пусть ваши боги помогут вам! Я не мертв, я чувствую себя хорошо!"

После долгих стараний они объяснили, что нуждаются в совете и помощи большего числа священников. "Мы хотим убить мисси до его воскресенья!" – "Очень хорошо! – воскликнул я.– Я приглашаю всех ваших священников убить меня через волшебство! Если на следующее воскресенье я приду здоровым в ваше село и помолюсь там моему Богу, то вам придется всем согласиться, что ваши боги ничего не могут мне сделать и что я – под защитой истинного живого Бога".

Эта неделя во всей местности прошла в большом волнении. Отовсюду призвали волшебников, трубили в большие раковины, и это говорило о том, что они делают свое черное дело. То и дело приходили служители идолов, объятые страхом, чтобы посмотреть, жив ли я еще. Когда в воскресенье я приветствовал огромную толпу людей, стояла гробовая тишина. Я сказал: "Друзья, я приветствую всех вас! Я пришел рассказать вам о своем могучем Боге и помолиться за вас".

Три "посвященных мужа" открыто признали, что они испытали волшебство со всех сторон, а на мои вопросы, почему же они не достигли цели, сказали, что я тоже посвященный человек и так как мой Бог сильнее, то Он смог защитить меня от их богов.

"Это истинно так! – воскликнул я. – Мой Бог сильнее всех ваших богов! Он защитил меня и помог мне. Он – единственный истинный и живой Бог, Который может слышать молитвы Своих детей и исполнять их! Ваши боги не слышат. Мой Бог хочет исполнить и ваши просьбы, если вы отдадите Ему ваше сердце и жизнь и Ему одному будете служить! Это мой Бог, и Он хочет быть вашим Богом и Защитником, если вы хотите слушать Его слово и следовать Его голосу!"

Я сел на камень, попросил всех сесть и стал рассказывать им о Господе. Два волшебника остались вблизи меня, чтобы слушать. Третий, высшего ранга между ними, большой, видный мужчина, выхватил свое копье, покрутил им над головой и поднял его на меня. На это я сказал: "Конечно, он может оружием убить меня, но ведь он взялся убить меня волшебством и твердо пообещал не применять оружие. Если вы разрешите ему сейчас убить меня, то вы убьете того, кто является вашим другом и хочет вам только добра. Я знаю, что это разгневает моего Бога, и Он накажет вас".

Мужчина яростно бегал вокруг и ругал присутствующих за то, что они слушают меня. Я снова спокойно сел. Оба священника и все люди тесно обступили меня, так что он не мог бросить в меня копье. Чтобы избежать кровопролития, я мягко попросил не воевать из-за меня и предложил уйти с учителями домой.

Мы благополучно вернулись домой, но еще долго этот рассерженный мужчина

ежедневно появлялся возле меня, где бы я ни был. Несчетное число раз поднимал он на меня свое голиафское оружие, но Бог держал его руку, и он не бросил его в меня! Без сомнения, этот случай поколебал у многих веру в волшебство. Но искоренить его полностью на этом острове нельзя было даже у возрожденных.

Конечно, я не могу причислить к ним этих двух «посвященных мужчин», но они и впредь хорошо относились ко мне, даже попросили направить в свои деревни учителей и разрешили некоторым молодым людям посещать нашу школу. Оба священника и некоторые другие начали в это время носить одежду и ревностно заступались за меня. Хотя они еще не были христианами, но были уже недалеко от Царства Божьего. Некоторые начали молиться со своими семьями и направляли свои просьбы к Тому, Кто мог услышать их. Группа таких христиан сопровождала меня от села к селу, они имели видимую радость в учении Слова Божьего.

Снова началась война. Наши соседи сожгли лес, чтобы легче было защитить себя от внезапных нападений. И все же враг неожиданно напал на них во время совещания, и многие жители порта пали убитыми. Сражения велись с ужасной яростью, и снова мне пришлось долго посещать людей только в лагере или на поле боя. Они очень охотно принимали меня, когда я проводил у них богослужения. Они назначали на это время перемирие и приводили меня в свой лагерь. Хорошо вооруженные, они шли впереди и сзади меня и были приветливы со мной. Но они были недовольны тем, что я посещал и их врагов, желая, чтобы я молился только за них. И я снова должен был объяснять, что Бог – Отец всех и что Он хочет, чтобы я учил всех. Только с помощью обоих прежних священников мне удалось прийти к врагам. Хотя мне не удалось сразу примирить их, но все же они меньше стали воевать и вскоре заключили мир, который, к сожалению, был лишь короткой передышкой в войне.

На второй миссионерской станции на юго-западе острова работали супруги Матисон. Оба были хрупкого телосложения и имели склонность к туберкулезу, но все же усердно трудились. Они попросили меня передать им немного муки, так как уже давно у них не было европейских продуктов и никакого попечения извне. Из-за войны к ним нельзя было добраться по суше, а водный путь закрыли шторм и высокие волны. Я попросил Новара и Манумана нанять несколько сильных мужчин, чтобы они на своей крепкой лодке довезли меня до места.

Они согласились, и мы отплыли. Я заполнил мукой довольно большой сосуд, закрыл его плотной крышкой, привязал ее и прикрепил этот ценный груз в середине лодки. Все, что нам нужно было, мы крепко привязали к своим телам. Только большая нужда могла заставить нас пуститься в такой опасный путь. Островитяне привыкли к морю и к тому же были хорошими пловцами, чего я не мог сказать о себе.

Объезжая остров, мы должны были держаться подальше от высоких волн, которые бились о коралловые рифы, и вскоре были совершенно мокрыми от бушующего прибоя. Нам оставалось где-то две мили до миссионерской станции Квамера, когда мои спутники объяснили, что они не могут дальше ехать. Они хорошо потрудились, и мне пришлось согласиться сойти на берег вблизи того места, где не было военных действий и где жили их друзья. Мне же казалось, что именно в этом месте прибой ужаснее, чем в других местах, и я попытался уговорить их проехать дальше, сказав, что лодка может разбиться о коралловые рифы, мы все потеряем и кто-нибудь из нас может утонуть. Но несмотря ни на что, они повернули лодку к берегу. Гребя веслами, они старались держаться на одном месте, внимательно наблюдая за волнами. Наконец старший из них воскликнул: "Мисси, держись! Вон идет маленькая волна, она должна принести нас к берегу!"

Я умолял Бога сохранить всех нас! Вот волна оказалась под нами. Все гребцы ударили веслами, лодка, как чайка, взлетела вверх, и волной ее бросило к берегу. В следующее мгновение волна достигла рифа и обратным ходом с сильным шумом накрыла нашу лодку. Почти все прыгнули в воду, чтобы где вплавь, где вброд достичь берега. Я тоже последовал их примеру, один из мужчин подхватил меня, и волной нас обоих выбросило на берег. Тут же многие из них бросились в воду, поймали лодку и вместе с Мануманом благополучно вытащили ее на берег.

Я в сердечной молитве поблагодарил Господа за наше спасение, а также людей за их

верную помощь. Затем я попросил одного жителя села, заплатив ему, чтобы он отнес муку и другие продукты на миссионерскую станцию. Я присоединился к нему, а мои спутники решили остаться у друзей, пока море не успокоится, чтобы благополучно добраться домой.

С большой радостью и благодарностью приняли меня супруги Матисон, так как они были в большой нужде. Поспав несколько часов, я стал готовиться к возвращению, так как боялся, что при моем долгом отсутствии таннезийцы разрушат мой дом. Я прошел совсем немного, когда зашло солнце. На станции никто не согласился проводить меня. Даже жители местных сел, мимо которых я проходил, отказывались идти со мной, так как, проходя по местам, где жили воюющие племена, мы рисковали быть убитыми. Я рассчитывал на Божью защиту и на трусость жителей, которые оставляют село ночью только большими группами. Я знал, что, когда я ступлю на вражескую территорию, уже совсем стемнеет, и надеялся никого не встретить, обходя села стороной. Вначале я держался берега и прятался в кустах, когда слышал голоса, и шел дальше по берегу, когда они затихали.

Почти бегом преодолел я половину пути. И тут кончился пологий берег, который был так удобен для меня. Дальше берег был крутым и обрывистым. Так как мне нельзя было заходить далеко на остров, то у меня не оставалось другого выхода, как продолжить свой путь по скалистому берегу. Но и там, вверху, были села, и мне приходилось больше ползком искать свой путь в темноте.

Далеко внизу, как и утром, бушевало море. Отвесные скалы возвышались над ним. Любой неверный шаг – и я бы погиб. Но получилось еще хуже: вдруг неожиданно передо мной появилась пропасть. Я знал, что подошел к реке, которая впадает в этом месте в море. Здесь никак нельзя было пройти, и мне пришлось повернуть вглубь острова и пойти вдоль по реке до знакомого места, где я мог перейти ее вброд. В темноте я, видимо, не заметил это место и подошел совсем близко к очень опасному селу. Там горели костры и были слышны голоса. Ждать утра, чтобы найти хороший спуск, было бы верной смертью.

Мне пришлось снова ползти к берегу – я знал там еще одно место, где можно было скатиться вниз. Когда я, по своим расчетам, достиг этого места, то, кидая вниз камни, пробовал проверить, действительно ли это так. Затем я бросил вниз зонтик, но не услышал, чтобы он ударился об воду или землю. Но я был почти уверен, что нахожусь на нужном месте. Если начался отлив, то я должен упасть на сухой берег, по которому вскоре могу прийти домой.

Помолившись о защите Божьей, я привязал одежду к себе так, чтобы при спуске нигде не зацепиться, лег на спину, держась за ветку, как можно выше поднял голову и медленно стал отпускать ветку. Судорожно вытянув руки перед собой, я пытался держать свои ноги прямо, Меня охватило сильное чувство головокружения. Казалось, будто я лечу по воздуху, и эти малые секунды тянулись очень долго. Но я не встретил никаких препятствий, пока мои ноги не коснулись воды. Был как раз сильный отлив, и я, без значительных повреждений, быстро встал на ноги, даже нашел свой зонтик и смог быстро выйти на сухой берег, где продолжение пути было не таким трудным.

Именно эта глубокая темнота была в Божьих руках моим спасением. На всем пути я не встретил ни одной души, пока не пришел в наше село, но именно там ожидала меня опасность. Когда я приблизился, они подумали, что это один из врагов, и хотели стрелять. Мой возглас: "Я мисси! Не стреляйте! Я приветствую вас всех!" – вовремя удержал их.

С какой благодарностью я славил Господа за защиту и как крепко я после этого спал дома, можно себе представить. Когда на следующее утро я рассказал местным жителям о своем путешествии, они сказали: "Любой из нас убился бы при таком спуске! Только ваш Бог силен сохранить!" С волнением в сердце я сказал: "Да, вы правы, друзья! И этот Бог хочет и вам помогать и охранять вас, если вы только захотите быть послушными Ему и верить в Него!"

Действительно, та ночь была испытанием моей веры. Только будучи уверенным в том, что я нахожусь на Его служении, под Его постоянной охраной и что Он тем или иным образом приведет все к хорошему концу, я смог совершить это путешествие. Да, слова

Павла верны сегодня и во все века: "Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе!"»

Глава 9

Глубокие тени

После двух лет работы на Танне из-за некоторых событий положение начало обостряться. Молодая пара Джонстон решилась основать третью миссионерскую станцию на Танне. Но так как начался период дождей, на первое время они остались у одинокого Патона, который начал обучать их местному языку. Они удивительно быстро продвигались в учебе и делали первые шаги в своей новой работе. Но в это время на Танне началась большая трагедия.

Один торговец сандаловым деревом хвалился Патону, что он избавится от островитян особым хитроумным способом. Он привез четырех больных молодых людей, носивших в себе вирус кори, который был смертельным для природных жителей, и высадил их в четырех портах Танны.

«Я был возмущен до глубины души и протестовал против такого гнусного подхода, но получил ответ: "Наш девиз – уничтожить это творение, чтобы белые господствовали на этой земле!" Обманным путем они завлекли молодого вождя Кепуки, защитника супругов Матисон, на свой корабль, пообещав ему подарок. На борту они держали его двадцать четыре часа без пищи и затем поместили в одно помещение с больными корью. Потом они снова привезли его на остров, где он, слабый и в большой тревоге, смог еще вернуться в свое племя. На станции он рассказал мистеру Матисону, что с ним случилось, сказав, что он уже чувствует в себе эту болезнь. Мне стыдно признаться, что эти торговцы были моими земляками и действовали с дьявольским намерением. Большинство из них были алкоголиками, и их проделки с островитянами были подобны чуме.

Болезнь быстро распространялась и выражалась в ужасных формах. В некоторых селах лежали почти все, так что едва можно было найти кого-то, кто мог бы подать больным глоток воды. Бедные люди были так объяты страхом, что нельзя было найти почти никого, кто бы помог похоронить умерших. Из семей моих учителей умерло тринадцать человек! Выжившие были так парализованы страхом, что, когда маленькая миссионерская шхуна "Джон Кнокс" зашла в порт Резолюция, все возвратились в Анетиум, кроме меня и старого верного Авраама.

Авраам думал, что станция будет закрыта и я тоже оставлю остров. Он пришел с узелком своих вещей в порт и когда увидел, что я остаюсь, сказал: "Мисси, мы теперь в очень большой опасности! Вы не хотите поехать с нами? Или мне остаться? Как вы смотрите на то, если я останусь с вами?" – "Да, Авраам,– ответил я, – я очень охотно оставил бы тебя у себя. Но обстоятельства таковы, что я не могу просить тебя об этом".– "Тогда я останусь добровольно,– сказал Авраам.– Я остаюсь охотно. Мы будем вместе работать, пока будем жить на Танне". С этими словами этот добрый человек положил свой узел на плечи, и позднее во всех жизненных ситуациях он верно стоял на моей стороне!

Прежде чем эпидемия распространилась среди таннезийцев, мистер Копеланд и я начали строить домик для супругов Джонстон на северо-западе острова в Блек Бах. Мы закончили его быстрее, чем думали. Супруги поселились там, и мы рассчитывали, что скоро и там начнется дело Божье. Но эта болезнь убила все наши надежды. Ярость бедных жителей обратилась против нас, как и против врагов – ведь мы тоже были белыми! Даже мои лекарства, которые они раньше охотно принимали и которые просили даже самые враждебно настроенные, и наша помощь не принимались всеми, хотя из тех, кто доверился нам, умирали только некоторые.

Супруги Джонстон и я ежедневно ухаживали за тяжелобольными. Многие при высокой температуре совершали безрассудные поступки, бросались в море, чтобы сбить пылающий жар тела, и почти тотчас же умирали. Другие охлаждали себя тем, что

просили зарывать их в землю все глубже и глубже, потому что верхний слой нагревался, и умирали буквально в своем гробу!

До последнего дыхания останется для меня незабываемым день – 1 января 1861 года. Супруги Джонстон, Авраам и я провели часть дня вместе в молитве. Мы заключили новый союз перед лицом Божьим, вновь пообещали выстоять в служении Господу, посвятив себя язычникам Новых Гебридов, и чувствовали себя укрепленными.

Когда после вечерней молитвы супруги Джонстон пошли к своему домику, который был в двенадцати шагах от моего, мистер Джонстон вдруг вернулся, чтобы сообщить мне, что двое мужчин с окрашенными лицами, вооруженные дубинками, стоят под моими окнами. Я вышел с мистером Джонстоном и спросил, чего они хотят. "Лекарство для больного мальчика!" Я пригласил обоих войти и наблюдал за ними, пока готовил лекарство. Я был уверен, что их неузнаваемые лица не зря были покрыты черной краской. Им не нужно было лекарство, они оба схватили свое каменное оружие. Я твердо посмотрел им в глаза и сказал, чтобы они удалились, так как уже поздно, и мистер Джонстон тоже уходит, а завтра я буду снова готов служить больным.

Вместо того чтобы выполнить мое требование, они подняли дубинки. Я подошел к ним, чтобы мягко вытолкнуть их, но они сами вышли, когда увидели, что я решил выдворить их. Мистер Джонстон вышел первым. Он уже был на улице, и ему осталось сделать несколько шагов до двери своего дома, но он нагнулся, чтобы поднять котенка, выскользнувшего из моего дома. В этот момент один из следовавших за ним ударил его дубинкой. Хотя мистер Джонстон уклонился от основной тяжести удара, он с криком упал на землю. Это придало смелости этим двоим, и они бросились на него, думая легко убить его. Но мои верные собаки бросились на них и помешали удару. Один удар обрушился на собаку, сильно разбив ей морду, другой пришелся по земле. Так как собаки продолжали с лаем нападать на них, мужчины убежали, хотя собаки не были породистыми и не могли причинить им вреда. Это маленькие терьеры, которые своей бдительностью и смелостью часто помогали нам.

К бежавшим присоединилась масса других, скрывавшихся в кустах. Опыт псалмопевца Давида: "Бог – наше прибежище и сила" – стал и нашим в эту ночь. Я уже привык к таким моментам на Танне, и после того как я от сердца поблагодарил Бога за спасение, я мог спокойно и крепко спать под Его охраной. Мистер Джонстон был все же несколько дней сильно обеспокоен, и с того момента я больше не видел его улыбающимся, хотя по природе он был веселым человеком.

На следующее утро он мне сказал: «Я только одно могу сказать: "Я уже был на пороге вечности! Как я провел это время? Что я успел сделать? Достаточно ли любви и усердия было отдано другим?" Выбирая это служение, я знал, что моя жизнь будет постоянно в опасности. Но лишь только близость смерти показывает нам всю важность жизни, за которую мы в ответе, и всю серьезность перехода в вечность, зовущего нас к трону Божьему". Потом он пошел в свой домик и большую часть дня провел один в общении с Богом.

На следующий день и в последующие мы все четверо посещали больных в хижинах, чтобы насколько возможно облегчить их страдания. 16 января я обтесывал лес для строительства другого домика. Маханам, брат военного вождя, часами стоял вблизи с томагавком в руках и наблюдал за мной. Как всегда в таких случаях, я работал дальше, ища возможности наблюдать за непрошенным гостем. Это было вполне возможно при работе в саду и в поле. Здесь же, при работе с острым инструментом, нужна была постоянная внимательность, и один из ударов соскользнул с балки и пришелся мне по ноге. "Это не я сделал!" – воскликнул Маханам и убежал, но не видно было, что он был огорчен тем, что я поранил себе ногу. Были перерезаны различные кровеносные сосуды и легко задета кость. Я, как мог, перевязал рану, делал холодные компрессы, но все же боли были очень сильными. Мне пришлось тщательно обрабатывать рану, чтобы она как можно быстрее зажила, ведь моя помощь была очень нужна в уходе за больными, так как супруги Джонстон часто не могли объясниться с ними, и меня иногда носили к больным, чтобы принести им лекарство и объяснить, как его принимать.

Мистер Джонстон с каждым днем выглядел все хуже и хуже, потому что он почти совсем не спал. 16 января, когда я поранил ногу, он попросил у меня лауданум

(успокаивающее средство). Я написал записку: сколько капель пить, хотя ему была известна доза. Он сам принял лекарство и дал своей жене. На следующий день он пришел к моей постели со словами: "Как все же милостив Бог, Который вложил в природу такую благословенную помощь! Я так прекрасно поспал и наконец чувствую себя снова способным к работе". Вечером он снова принял капли и на следующее утро был также благодарен за спокойный сон.

На третий день пришла жена Джонстона и сказала, что не может разбудить своего мужа, хотя уже почти обед. Моя рана в тот день была как раз сильно воспалена, но я все же с трудом пошел к их домику. Он был в глубоком сне, его зубы были крепко стиснуты судорогой. С большим трудом удалось влить ему лекарство. Через двенадцать часов, когда мы сделали все возможное, он начал разговаривать. На следующий день он смог сделать несколько шагов. Два дня состояние его менялось. 21 января он снова был без сознания, и никакое средство уже не помогало. В два часа кончились страдания мистера Джонстона!

Для его жены и меня это был сильный удар. Мы похоронили его рядом с моей женой и ребенком под защитой миссионерского дома. Миссис Джонстон с первым пароходом уехала в Анетиум и там три года работала в школе для девочек на миссионерской станции доктора Гед-ди. Позже она вышла замуж за моего друга Копеланда и до конца жизни жила с ним на острове Фотуна, где оба усердно трудились в приобретении язычников для Господа.

Для меня смерть мистера Джонстона была тяжелой потерей. Он был именно тем человеком, здоровье которого позволяло ему всецело посвятить себя служению Богу в этом месте, так как он очень легко переносил этот климат. За три недели, которые он жил после нападения, он совершенно изменился. Видимо, удар дубинкой по спине повредил позвоночник, что отразилось на мозге, так как поведение его сильно изменилось. Общение с ним для меня, одинокого человека, было большой радостью и мне его очень не хватало. "Не потерян – только раньше ушел".

Я должен рассказать еще об одном трагическом событии, которое произошло вскоре после смерти Джонстона. Ковия, таннезийский вождь высокого ранга, попал в молодости на остров Анетиум и там нашел спасение во Христе. Он женился на христианке и незадолго до эпидемии кори возвратился на Танну с женой и двумя детьми, решительно и открыто встав на мою сторону. Он пожелал работать со мной в качестве учителя. Это предложение я принял с благодарностью, так как нашел его свидетельство верным, а его положение вождя должно было еще больше содействовать успеху его служения.

Племя вынуждало его отказаться от Бога, ему грозили, что отберут землю и звание вождя. "Берите все! – был ответ Ковии. – Я все равно буду держаться мисси и христианского богослужения". От угроз они перешли к насмешкам, которые он с терпением выслушивал.

Как-то его оскорбляли передо мной и большой массой людей, и он вышел из себя. Он с достоинством встал, посмотрел пламенным взором вокруг себя и сказал; "Мисси, люди думают, что я трус, так как я христианин! Они так часто и жестоко оскорбляют меня, как только могут. Но я только один раз хочу доказать им, что я не трус, что я все еще их вождь и что христианство ничего не отнимает от нас, но дает смелость и силу!" С этими словами Ковия прыгнул к одному мужчине, в одно мгновение выхватил у него дубину и как игрушку закрутил над своей головой, восклицая: "Идите, идите сюда и испытайте вашу силу! Мой Бог укрепляет мое сердце и руку! Он поможет мне, как Он повсюду помогает мне! Идите же! Я хочу показать вам, что я все еще ваш глава!" Когда он приблизился и воскликнул: "Ну, где эти трусливые?", все убежали. Он положил дубинку, и с тех пор обрел покой от насмешек и оскорблений. Ковия жил с семьей в домике, который я построил рядом с моим. Он был для меня и Авраама большой помощью, так как мог везде выступить свободнее, чем мы.

Смерть мистера Джонстона содействовала тому, что я перестал обращать внимание на свою рану и температуру, и это привело меня на одр болезни. Однажды я очнулся и увидел, что Ковия сидит у моей постели. Когда я открыл глаза, он обрадовался и начал рассказывать мне обо всем, что случилось за время моей болезни. Слишком слабый,

чтобы ответить ему, я молчал, закрыв глаза. "Мисси,– сказал он, – все мертво! Если я умру, кто достанет вам с дерева кокосовые орехи, кто принесет вам воду? Кто будет мочить вам губы и лоб?" Растроганный до глубины души этими причитаниями бывшего каннибала, я лежал, все еще не в силах говорить.

Тут Ковия склонился на колени, и я слышал, как он молился: "О мой Господь Иисус! Мисси Джонстон умер, Ты взял его в Свое Царство! Миссис Джонстон и мисси Патон тяжело больны! Я болею, и Твои служители из Анетиума тоже смертельно больны! О Господи, хочешь ли Ты забрать Своих служителей и Свое святое Слово из этой темной страны? Таннезийцы ненавидят Тебя и Твое служение, но Ты, конечно, не хочешь оставить бедных людей, которые не знают Тебя! Не оставь их в темноте. Учи их бояться и любить Тебя и пошли мисси Патону здоровье, чтобы Танна была спасена!"

Это было для меня лекарством, посланным Богом, которое подняло меня и укрепило. Через несколько дней Ковия снова пришел и воскликнул: "Мисси, я очень слаб и скоро умру. Я пришел, чтобы попрощаться с вами. Я скоро буду с Иисусом". На мой вопрос, что случилось,– я все еще лежал, и от меня скрыли печальные новости,– Ковия сказал: "Мисси, пока вы болели, я похоронил жену и детей. Мы, из Анетиума, все больны, большинство умерли, я тоже смертельно болен. Если я умру здесь, наверху, то никто не сможет помочь Аврааму снести меня вниз и похоронить рядом с женой и детьми. Поэтому я хочу умереть внизу, хочу лежать рядом с ними и с ними воскреснуть, когда Господь снова придет. Мисси, я рад пойти к Иисусу! Только одно беспокоит меня, что Бог забирает с Танны всех Своих служителей! О мисси, молитесь за моих бедных братьев и помолитесь еще раз за меня!" Он склонился на колени у моей кровати, и мы из глубины сердца помолились друг за друга и за Танну. Мою просьбу остаться он твердо отклонил: "Мисси, вы не знаете, как я близок к смерти. Авраам поведет меня и похоронит рядом с моими. До свидания, мисси, мы снова увидимся у ног Иисуса!"

Теперь я лежал один с высокой температурой. Сердце у меня разрывалось от боли, когда я видел верного свидетеля, опирающегося на руку Авраама, который, шатаясь, уходил от меня! С большим трудом он достиг могил и едва лег, как борьба закончилась и он успокоился в Господе. Авраам исполнил его желание и похоронил рядом с женой и детьми.

Так умер человек, бывший раньше каннибалом и вождем каннибалов, но через благодать Божью и любовь к Иисусу ставший истинным христианином! Он умер так, как и жил, с тех пор, как Иисус жил в его сердце: без малейшего страха смерти и с ежедневно растущей верой в искупление через Кровь Агнца. Ковия постыжает всех, кто уверен в бесполезности миссии. Я потерял в нем одного из лучших друзей, но знал тогда и знаю сегодня, что в великий день хотя бы одна душа из Танны воспоет хвалу и славу Господу.

Этим я хочу закончить описание ужасного периода эпидемии. По моим подсчетам, умерла где-то треть населения Танны. В некоторых селах осталось около половины! Выжившие были часто не в состоянии похоронить всех мертвых. Не лучше было и на других островах Новых Гебридов. На Аниве, которая стала позднее местом моей работы, умерло еще больше людей.

И конечно, торговцы деревом использовали волнение жителей, чтобы настроить их против миссии. Они напоминали им, что их боги наказывают их, так как они терпят нас. Многие из торговцев говорили, что они больше не привезут на продажу в Танну порох, свинец, табак и т. д., пока эти две станции будут на острове, и этим они, конечно, подстрекали вражду против нас. Угрожающие нападения следовали одно за другим.

3-го и затем 10 марта 1861 года ужасные ураганы пронеслись над островом. Хлебные деревья, каштаны, кокосовые пальмы лежали вокруг, вырванные с корнем или расщепленные. Полузрелые плоды были негодны, поля диоскореи и рощи бананов были опустошены, поэтому наступила большая нужда в пище. Вода затопила большие площади земли. Хижины были опрокинуты, мои домики и церковь почти сравняло с землей.

Как на станции в Квамере, так и на моей Бог сохранил одно помещение, где мы могли отдыхать ночью. Днем, несмотря на дождливое время, мне приходилось быть на улице, чтобы сохранить балки от воровства таннезийцев и как можно быстрее начать строительство.

У Миаки умер ребенок, и поэтому нужна была человеческая жертва. Для служения этому ребенку нужно было дать четыре души. И мы снова стали объектом преследования. Целыми днями мы вынуждены были находиться в нашей единственной жилой комнате, в то время как на улице яростные таннезийцы убивали моих кур и коз и пытались развести костер. Ничто другое, как Божье милосердие, удерживало их от взлома двери в нашу комнату. Мы же были беспомощны и могли только молиться – и Бог слышал и охранял нас.

В это время на вождя Новара, напал страх, что за свою симпатию к нам ему придется заплатить жизнью. Он пришел попросить меня дать обещание, что я покину остров. Я отклонил эту просьбу, но я и не смог бы уехать, так как в порту не было парохода. Новар рассердился и, чтобы сохранить свою жизнь, снял одежду, искрасился, как и раньше, и больше не приходил на богослужения. Три недели спустя, когда все немного успокоилось, он снова стал носить одежду и общаться с нами, как и прежде. Казалось, что он стыдился своего отступления. Бедный Новар! Если бы он знал, что многие в христианской стране, где ничто не угрожает жизни, всегда плывут по течению!

В марте 1861 года произошло ужасное событие, которое омрачило наш жизненный путь. Я говорю о мученической смерти супругов Гордон на Эрроманго, соседнем острове, расположенном севернее Танны. В 1857 году пастор Гордон начал там свою работу и вместе с женой очень успешно трудился. Группа молодых людей стала христианами и жила на миссионерской станции. И там эпидемия кори скосила многих, пронеслись ураганные ветры, и там торговцы использовали суеверие людей и натравили их на миссионеров, которые якобы принесли болезни и штормы.

Я как раз был на острове Эрроманго на миссионерской шхуне «Джон Кнокс» и получил очень хорошие впечатления. Молодые люди, жившие на станции, готовились стать учителями. Мистер Гордон в то время переносил свой домик на более возвышенное место, частично из-за здоровья, а частично из-за того, чтобы оградить жителей от отрицательного влияния торговцев деревом.

20 марта 1861 года Гордон был занят работой на крыше и послал молодых людей за высокой травой, которой накрывали крышу. Группа местных жителей наблюдала за ним и знала, что он остался один. В то время как большинство туземцев скрывалось в кустах, двое мужчин пошли к миссионеру и попросили у него материи. Он написал на кусочке дерева, чтобы жена дала каждому по два ярда. После этого они потребовали лекарство для мальчика, которое было в миссионерском доме, и мистер Гордон пошел с ними. Он попросил их пойти впереди, но они настояли на том, чтобы следовать за ним. Проходя через реку, мистер Гордон поскользнулся, и в тот же момент оба ударили его томагавками! Второй удар отсек ему голову! Скрывавшиеся в кустах выскочили и с диким криком разрубили его тело на куски.

Миссис Гордон вышла из дому, услышав крики, и посмотрела в направлении, где, как она знала, работал ее муж. Плотная стена деревьев милосердно скрыла ужасную картину! Кубен, один из убийц, побежал на станцию и на вопрос миссис Гордон, что это за шум, ответил: "Да ничего! Это молодежь развлекается!" Спросив, где эти мальчики, она чуть-чуть повернулась, и это дало возможность Кубену ударить ее по спине томагавком, свалив ее, второй удар по затылку почти отделил голову от тела.

Это была судьба двух верных слуг Господних! Всю жизнь отдавая любовь друг другу, они и в смерти не разлучились и в одно время получили венец мучеников, чтобы вместе увидеть Господа. Они были последователями Вильямса и Харриса, которые пролили свою кровь на этом же острове в 1837 году. Не было более верных вестников, чем супруги Гордон. Все обстоятельства случившегося я узнал на месте от свидетеля и от мистера Милне, одного из немногих порядочных торговцев, который как раз находился на Эрроманго и помог местным христианам похоронить останки погибших миссионеров.

На родине строгие судьи, которые судят обо всем, сидя за письменным столом, обвинили мистера Гордона в беззаботности. Но что бы сделали они в такой тяжелой ситуации?

"И даже если мистер Гордон не был осторожен,– пишет доктор Инглис из Анетиума, лучший знаток всех обстоятельств на островах,– то о его жене этого никак нельзя было сказать. Она была нежная, мягкая, любящая душа; спокойная, без жалоб, осторожная,

серьезная и полностью отданная Господу. Она была уважаема и любима всеми, кто знал ее».

Я от всего сердца подтверждаю истинность этих слов и добавлю, что любой опытный миссионер в этом положении действовал бы так же, как мистер Гордон. За несколько недель до смерти я получил от него письмо, в котором он высказывал надежду, что волнение людей, вызванное эпидемией, суеверием и негативным влиянием торговцев, скоро уляжется.

Через несколько дней после этого убийства один торговец привез на своем пароходе группу жителей с острова Эрроманго на Танну. Они созвали вождей и потребовали от них последовать их примеру, а если они сами не хотят это сделать, то пусть разрешат им убить всех миссионеров и учителей. Затем они все вместе поедут на Анетиум и сделают там то же самое, и так они освободят Новые Гебриды от ненавистных христиан. Наши вожди, удерживаемые Всевышним, отклонили это предложение, и эти люди, обозленные, вернулись на Эрроманго.

Но этот разговор не остался без последствий. Уже на следующий день и ко мне, и к супругам Матисон пришло много островитян, чтобы рассказать о случившемся и похвалиться этим. С присущей им живостью они в моем присутствии кричали: "Слава жителям Эрроманго! Они убили мисси и его жену и изгнали Бога!" На мое предупреждение, что Бог накажет за злодеяние и за их злые речи, они взревели: "Слава жителям Эрроманго!" На всех этих островах люди считают смерть не естественным явлением, но следствием действия Нахака или волшебства. Если кто-то умрет, то об этом говорят так долго, пока не найдут "виновного". Затем избирают одного, который должен совершить кровную месть за смерть близкого человека, или же всем племенем убивают убийцу. Из мести разгораются новые войны.

Новар снова решил снять одежду, обрисовать себя и вооружиться томагавком и ружьем. Когда я спросил его, зачем он так делает, он сказал: "Мисси, жители Эрроманго поступили правильно. Они убили мисси Вильямс и позднее учителей из Самоа и Анетиума и других белых, и никакой военный корабль не наказал их за это. Так и сейчас их никто не накажет. Мы снова будем иметь своих старых богов, и никто не сможет защитить вас и ваших учителей".

Я сказал: "Новар, нам нужно крепко держаться Господа, тогда Он защитит нас, или, что для нас лучше, Он возьмет нас в Свое Царство! Их безбожные речи не убьют нас, а если мы умрем и будем с Иисусом, то какая польза для нас, что военный корабль накажет наших убийц?" Он покачал головой и сказал: "Мисси, вы постепенно поймете это! Если эрроманцы останутся без наказания, вас обязательно убьют, а также и тех, кто с вами".

Жители ежедневно приходили к Аврааму и уговаривали его возвратиться в Анетиум. Он отклонял их предложения, говоря: "Я не оставлю мисси!" Он молился трогательно и поистине с детской верой, чтобы Бог укрепил меня и его остаться верными, и если смерть неизбежна, то чтобы мы умерли вместе, как супруги Гордон.

Миаки, военный вождь, все снова приходил и обвинял меня и все наше служение во всех несчастьях, случившихся на острове. Все мои возражения были бесплодны. Пример эрроманцев действовал очень сильно. Миаки объяснял, что он и его народ и так хороши, и им не нужен Спаситель. Убийство и человеческие жертвы разрешены на Танне и не являются грехом. Вождь не трогал меня, но послал четырех жирных свиней вождям из Квамеры, чтобы они убили мистера Матисона. Если это получится, то он быстрее справится со мной.

Было очень тяжело в таком положении выбрать правильное решение. Я был окружен многочисленными врагами, и в такой ситуации могло показаться, что самое правильное – оставить остров, к тому же такой совет не раз давался в письмах с родины. Но я знал язык и имел определенное влияние, и многие искренне привязались ко мне и к христианскому учению. Уйти – означало все оставить на произвол судьбы, поэтому я решил остаться и с Божьей помощью работать дальше. Только один Господь знает, как мне жаль этих бедных заблудших, и как бы я хотел привести их к доброму Пастырю.

В это время у меня была возможность спасти жизнь двум белым. Пароход торговца бросил якорь, капитан с штурманом сошли на берег. У них были письма для меня, но им не дали пройти ко мне. Их окружили. Мне сообщили об этом, и я тут же пошел на берег и

нашел их в середине большой толпы, которая с поднятыми копьями готова была при малейшем удобном случае убить их. Так как этот пароход был одним из тех, который привез больных корью, то жители решили отомстить им.

"Вы, мисси, и эти,– кричали мне вооруженные люди,– привезли нам эту заразу. Если вы сейчас же не уедете с этими мужчинами, мы убьем вас всех". Твердо, но с любовью я ответил им: "Я не могу и не хочу вас так оставить. Убьете вы нас, Бог снова накажет вас. Вы знаете, что я делал вам только доброе. Вы знаете, что все, кто брал у меня лекарство и следовал моим советам, с Божьей помощью стали здоровы. Я и дальше останусь у вас, чтобы сделать вам еще больше добра, а теперь дайте этим людям возвратиться на пароход".

По моему знаку эти двое во время дебатов незаметно удалились. Письма им не разрешили передать, так как там могла быть другая зараза. Но им разрешили взойти на корабль, Миаки даже крикнул: "Оставьте их! Не убивайте их сегодня!" Капитану он крикнул: "Приходите завтра для торговли!"

На другой день они вновь необдуманно сошли на берег, и их снова окружили. Но у вождя Миаки, видно, не хватило смелости, поэтому он сказал: "Оставьте их в покое! Мисси сказал, что военный корабль накажет нас смертью!" За это Авраам и я должны быть до вечера убиты. На этот раз за нас вступился Новар, который прежде был нерешительным, и спас нас. Он поступил по воле Божьей.

Месть за четырех убитых, принесенных в жертву за ребенка Миаки, была причиной новых сражений. Военные действия были прерваны собранием, где с обеих сторон говорилось много речей. Они объясняли, что готовы отложить сражение, так как потеряли много людей, и еще из-за нехватки пищи, потому что во время шторма было сломано много деревьев.

Новар еще раз приходил просить нас оставить остров, так как сдерживаемая на данный момент военная ярость может обратиться на нас и на него. В самом деле, мы каждую ночь были окружены людьми, жаждущими крови. Один раз их разогнала моя собака, единственная, оставшаяся у меня, так как другую они еще раньше убили и съели. В другой раз мне удавалось уговорами заставить их разойтись. Ложась спать, мы больше не раздевались, чтобы по лаю собаки, возвещавшей нам о любом приближении людей, быть готовыми.

Из-за разрушений, причиненных ураганами, нехватка пищи возросла так сильно, что наступил настоящий голод. Тогда я заказал для себя большую сеть в деревне, расположенной далеко от побережья. Такие сети они очень искусно делают из волокнистых тканей определенного дерева, скручивая ее в крепкие нити, которые связывают узелками, а потом меняют их в прибрежных деревнях на ножи, крючки, материал и т.п. Очень скоро сеть была готова. Я отдавал эту сеть взаймы жителям деревень. Каждое село могло использовать ее три дня, а потом передавать другому селу. Так они получали богатый улов рыбы, даже больше, чем могли использовать, а излишки могли менять на мясо.

Это на некоторое время улучшило отношение к нам. Но все сразу изменилось, когда в порт пришла наша миссионерская шхуна "Джон Кнокс" и не привезла с собой запасы таро.

Таро – это растение семейства арум, распространенное по всей Полинезии. Жители разрезают клубни этого растения на кусочки, кладут во влажную болотистую землю и получают на следующий год богатый урожай калорийной здоровой пищи. Есть белые, синие и желтые таро, некоторые сорта растут и на сухой земле, но их меньше ценят. Клубни похожи на репу, их варят или пекут, и даже европейцы едят их с удовольствием. Если кокосы и бананы, диоскорея и другие растения уничтожаются ураганами, то поля таро защищены, и чем больше дождей, тем больший они дают урожай.

Также они надеялись, что "Джон Кнокс" доставит им каву и табак, а так как миссионеры не привозили такие товары, то вновь участились нападения на меня с Авраамом.

Кава – растение, служащее им для приготовления опьяняющего напитка. Мальчики и девочки разжевывают растение, выплевывают его вместе с соком в сосуд, где оно размешивается с водой. Волокнистый чехол, защищающий молодой кокосовый орех и

падающий, когда плод созревает, служит ситом или фильтром после брожения. Часть напитка, который не должны пить ни женщины, ни дети, жертвуется Кумесану и другим богам. Часто питье кавы сопровождается разными церемониями, а обычно он служит мужчинам ночным напитком. Он расслабляет, навевает сонливость и может довести человека до потери сознания. Нападения на целое племя совершаются обычно в то время, когда пьют каву и мужчины вообще не способны защищаться.

Я заметил, что люди становились все дружелюбнее к нам, так как моя забота о них была понятнее им, чем мои слова. Я нашел многих помощников, которые охотно помогали мне восстанавливать дом, церковь и заборы. Я платил им ножами, топорами и одеялами. Вследствие этого появилось больше возможности влиять на людей, и число посещающих воскресные богослужения быстро росло. Среди них была жена Миаки, два его сына и девять вождей, которые жили вдалеке от нас. Это сильно злило Миаки, и он скоро опять стал гнать нас. Один раз я вовремя заметил костер рядом с домом и затушил его. В другой раз он сам принес рыбу и продал мне. Новар увидел ее до того, как я приготовил ее, и сказал, что она очень ядовитая.

В то время я учил одного юношу, звали его Катазиан. Он жил далеко, но всегда посещал занятия. Как-то мы сидели в комнате, и один мужчина пытался вытащить ставни и унести их. Катазиан как молния ринулся за ним, настигнув, замахнулся дубинкой, чтобы убить его. В это время я догнал его, со всей силой схватил за руку и смог отвратить удар. Как я благодарил Бога, что убийство не совершилось! Мужчина с удивлением посмотрел на меня и тихо удалился.

Я действительно надеялся, что худшее уже позади. Люди стали доверчивее и, несмотря на гнев Миаки, с удовольствием работали и охотнее слушали евангельскую весть. Однако выстрел в дверь, прозвучавший как-то вечером, показал, что меня еще окружают опасности. Мне очень хотелось пригласить учителей из Анетиума, но никто не мог решиться приехать, потому что бежавшие с Танны рассказывали, как здесь страшно. Мою школу посещали и некоторые вожди, и я установил приз (красную рубашку) тому, кто первый выучит алфавит. Вождь Инакаки, которого раньше все боялись, выиграл этот приз и с тех пор начал делиться своими знаниями с другими людьми.

Несмотря на небольшие успехи, то и дело случались нападения, и Миаки оставался враждебным ко мне. Как-то снова пришла толпа, лица которой выражали злобу и угрозу. Пришел Новар и стал упрашивать меня: "Мисси, вам ничего не поможет! Вы с Авраамом должны оставить нас. Миаки сделает большой шторм и уничтожит всякий военный корабль!" Едва он кончил говорить, как пришла весть, что появился "Джон Кнокс" и за ним два больших дымящих корабля. Я не мог удержаться от улыбки и сказал Новару, что настало время для Миаки сделать шторм. Люди, сопровождавшие Новара, в страхе и ужасе убежали, но Новар сказал: "Мисси, я знаю, что шторм – это обман! Но это правда, что они вас и меня убьют!" Я ответил: "Доверьтесь Господу, Который защитит нас посредством этих кораблей!" Но Новар колебался. Вскоре все, поддерживающие меня, собрались вокруг и потребовали, чтобы наказали Миаки и других нарушителей спокойствия.

Коммодоре Семур, капитан Хуме и доктор Гедди сошли на берег. Узнав о моих обстоятельствах, Коммодоре убеждал меня уехать с ними. Но и теперь я не мог решиться на это. Обе станции и все, что достигнуто до сих пор, будет потеряно. Если я уеду, судьба тех, кто поддерживал меня, будет предрешена. Я знал, каким ужасным способом будет совершаться месть. Нет, я еще не мог уехать! Я должен, уповая на Господа, продолжать работу в винограднике Христовом – это решение было твердым. Но я попросил Коммодоре серьезно поговорить с собранными вождями, и он сделал это.

Люди открыто объяснили ему, что против меня они ничего не имеют, но о Боге христиан ничего не хотят слышать. Коммодоре, которому один вождь из Анетиума, сопровождавший доктора Гедди, переводил речи людей, взял с них обещание, что они впредь будут защищать меня как своего благодетеля. В конце старый Ноука взял слово и сказал: "Мы любим мисси. Но когда торговцы нам говорят, что наставления мисси делают нас больными, и дают нам табак и порох, чтобы убить его, то многие верят им, и

мы тогда плохо поступаем с мисси. Пусть он останется, мы попытаемся быть добрыми к нему. Но вы должны рассказать королеве Виктории, как плохо эти люди поступают с нами, как они корью убили тысячи людей и что они рассказывают нам ложь о мисси и сеют вражду к нему. Из-за того, что они так делают, мы снова поступаем плохо с мисси".

Коммодоре пригласил многих посетить корабль и приказал матросам сделать несколько выстрелов. Я был очень благодарен ему за его старания, но, зная таннезийцев, понимал, что они все забудут. Изменить живущих в темноте людей можно только благодатью Божьей.

В самом деле, уже на следующий день они говорили: "Эрроманцы не были наказаны за убийство супругов Гордон. И нас никто не накажет". Новар скрывался, пока военные корабли стояли в порту. Как только они снялись с якоря, он появился и, смеясь, сказал, что он не давал никаких обещаний и может делать все, что хочет. И все же именно Новар не был враждебным к нам в трудные времена. У него был только колеблющийся слабый характер, но он не был злым человеком.

Впечатления Миаки от увиденного и пережитого были очень кратковременны. Он замахнулся на меня, когда я сказал ему, что его люди забрали лодку мистера Матисона, которую тот послал, чтобы взять продукты. Так менялись свет и тени, но последние становились все темнее и чернее».

Глава 10

Картины прощания

Бегство из порта Резолюция

«Опять наступило время сильных переживаний. Война, война, и на этот раз долгая, кровопролитная, была единственной темой, занимавшей всех нас. Обычная работа стояла, открывались самые ужасные черты людей. На этот раз мирная миссионерская станция стала предметом распрей, при этом вспоминались старые обвинения и к ним присоединялись новые.

Миаки и Ноука говорили: "Если вы хотите оставить мисси, то берите его на свою землю, потому что мы не хотим иметь его среди нас вблизи порта!" Ян – вождь, живший внутри страны, с гневом кричал: "Разве мисси живет на вашей земле? Она принадлежит ему, он полностью заплатил вам за нее, хотя она вам никогда не принадлежала! Наше племя продало ее мистеру Турнеру, а когда он уехал, вы присвоили ее себе. Вы не могли продать ее мисси, так как она принадлежит нам. Поэтому он сейчас живет на нашей земле! Кто враждует против него? Вы или мы? Кто воры и убийцы? Вы или мы? Мы хотим мира, мы хотим, чтобы мисси учил нас всему, что он знает о Боге – вы этого не хотите, но хотите войны! Хорошо, тогда мы будем воевать! Мы защитим мисси на нашей земле, которую вы украли у нас. Мы бы оставили ее вам, но требуем ее назад, потому что вы хотите убить мисси!"

Таннезийцы очень много говорили. Им нравилось это, и они одно за другим проводили собрания, которые заканчивались с обеих сторон резкими угрозами. На последнее собрание они пригласили и меня, но я не пошел, и очень просил их ни в коем случае не проливать крови из-за меня.

Ян пришел за мной. Я просил его, чтобы он шел без меня, но чтобы из-за меня не начинали войны. Я лучше оставлю остров, чем быть причиной такого несчастья. Но он не успокоился до тех пор, пока не уговорил меня пойти с ним на собрание. Большая праздничная площадь села была до половины заполнена сторонниками Миаки и Ноука. Другую половину занимали сторонники Яна. Все были хорошо вооружены. Мой защитник встал вместе со мной перед своими людьми.

"Мисси, – кричал он так, чтобы слышали обе партии,– это мои люди и ваши друзья! На той стороне ваши враги и наши, враги христианства, нарушители мира на Танне! Мисси,

скажи слово, и мушкеты моих людей уничтожат всякое противодействие. Вы можете тогда спокойно учить нас поклоняться истинному Богу. Но без вашей воли мы не будем стрелять! Решайте сами, только одно скажу вам: если вы не дадите такого повеления, они убьют вас, воздвигнут гонения на нас и на наших детей и на Танне не будет больше богослужений!"

"Я люблю вас всех одинаково, – громко сказал я.– Я хочу указать путь к небу и друзьям, и врагам, и открыть, что уже здесь на земле, вы можете жить в мире! Как я могу согласиться, чтобы многие были убиты ради меня и Евангелия? Мой Бог будет огорчен мной, если я сделаю это!" – "Тогда, мисси, нет ничего другого, как смерть ваша и ваших друзей!"

Громким голосом, чтобы все слышали, я воскликнул: "Да, вы можете убить меня, но тогда вы убьете вашего лучшего друга, который хочет вам только добра. Я не боюсь смерти! Я только раньше приду к своему Богу, Которого я люблю и Которому служу, и к нашему Господу Иисусу Христу, Который умер за вас и за меня и Который послал меня к вам, чтобы рассказать о Его любви ко всем людям. Но если вы убьете меня, Его вестника, то Он не оставит вас без наказания! Это мое слово ко всем вам! Я люблю вас всех!" Я повернулся, чтобы идти.

Ян, который все еще разочарованно стоял перед своими людьми, воскликнул: "Мисси, они убьют вас и нас! Вы будете виновны в этом!" Миаки и Ноука, полные лукавства, воскликнули: "Мисси прав! Послушаемся его! Поклонимся его Богу!" Зирава, пожилой человек и один из подчиненных вождей Яна, сказал: "Миаки и Ноука говорят, что земля, где живет мисси, принадлежит им. Они продали ее ему и взяли плату, хотя они хорошо знали, что она принадлежит нам. Мы хотим, чтобы мисси спокойно жил там. Мы хотим все жить в мире и поклоняться Богу. Если они будут нарушать покой мисси, то мы силой заберем эту землю".

Миаки и его люди ничего не ответили, но пошли на поле, чтобы принести большие запасы пищи, которые они дали Яну в знак мира. Те приняли их и на следующий день вернулись с подарками. "Теперь вы согласны, что мисси живет на нашей земле? Возьмите наш подарок и будем друзьями. Вчера вы сказали, что мисси прав, значит, не делайте ему зла и пусть он учит нас. Если нет, то мы будем защищать мисси и накажем вас!" Миаки принял подарок и дал добрые обещания на будущее.

Когда Ян возвращался домой, то, проходя мимо миссионерской станции, крикнул: "Авраам, скажи мисси, что он теперь живет на нашей земле. С давних времен эта дорога является границей между Миаки и нами. Сегодня мы дорогой ценой вернули себе это право, вместо того чтобы вести войну. Берите плоды хлебных деревьев и кокосовые орехи, сколько вам нужно, потому что вы наши друзья и можете пользоваться всем на нашей земле! Мы будем защищать вас".

Злые из-за того, что расстроились все их планы, Миаки и Ноука подговорили тех же мужчин, которые напали на мистера Джонстона, убить меня, заманив в глубь острова. Но меня предупредили, и я оставался дома.

Тогда их ярость обратилась на Яна, так как он хотел защищать нас. Они делали свой нахак, свои отвратительные волшебства и, когда Ян услышал об этом, он очень быстро заболел, Я приписал это действие суеверию и страху, но его состояние настолько ухудшилось, он так сильно страдал от болей, что силы его стали заметно таять и я уже начал верить, что его отравили. Его брат и несколько мужчин проводили меня к нему. Я раньше уже не раз посещал его и с помощью лекарств делал для него все возможное, поэтому охотно пошел с ними. После того как я помолился с ним, я заметил, что мы остались одни. Уже при входе в село мне показалось подозрительным, что не видно было людей. Это не предвещало ничего хорошего!

Ян попросил меня сесть у его постели. Я исполнил его просьбу и стал рассказывать. Он молча слушал и, казалось, что он начал дремать. Вдруг он протянул руку к потолку, вытащил из сухого тростника большой нож, какой у нас используют мясники, и дрожащей рукой приставил его совсем близко к моей груди. Мне нельзя было пошевельнуться, и я громко молился Богу о защите. Прошли несколько страшных минут. Тут Ян бросил нож и воскликнул: "Прочь, прочь, быстро!" В следующее мгновение я был на улице, где, как и прежде, никого не было.

Я понял, что все было задумано так, чтобы ни один человек не был свидетелем убийства, и в случае прихода военного парохода можно было бы сказать, что убийца мертв, так как Ян был при смерти, и никто больше не причастен к убийству. Он действительно умер на второй день после этого. Его люди задушили двух его жен и погребли их в море.

Миаки торжествовал и ликовал, что он волшебством убрал своего врага с дороги. Этот случай снова послужил к утверждению суеверия. Мстители были направлены Зиравой и его братом. Миаки утверждал: "Я уничтожу их штормами!" К несчастью, снова пронесся ураганный ветер и принес большие разрушения. Это усилило гнев людей против Миаки, и все мои просьбы и уговоры к перемирию были безуспешными. Обе стороны постановили разрешить конфликт оружием. Оба предводителя передали мне, что они не тронут нас, если мы останемся на станции. Что вышло из этих обещаний, мы вскоре увидели.

18 января 1862 года начались войны. Миаки отступил и нашел себе убежище за нашим домом в кустах. Так миссионерская станция стала главным местом сражения. Новар, как и обычно в дни опасности, встал на нашу сторону и защищал нас. Но его тяжело ранили копьем в колено, и его люди с трудом охраняли его от врагов. Все, кто попадал в их руки, неизбежно становились жертвой их каннибалического порока. Миаки между тем посылал вестников с подарками к Иникахимини и Казерумини. Они должны были помочь ему убить христиан, за что им было обещано половина христиан в награду.

Когда Новара унесли, и он не мог нас больше защищать, ярость воюющих обратилась на станцию. Они разбивали двери, взламывали сундуки и ящики, разрывали книги. Каждый уносил то, что ему попадалось под руки и что нравилось. В доме Авраама происходило то же самое. Один предводитель сказал мне, что ему очень жаль, но он ничего не может изменить. Когда я приблизился к нему, он поднял дубину и воскликнул: "Идите все сюда, теперь он должен умереть!" Многие подбежали и подняли ружья. Я вытащил револьвер, который мистер Копеланд заставил меня взять, и протянул руку, как будто я хочу стрелять. Все бросились на землю с криком: "У мисси есть короткое ружье!" При первой опасности они отступили. Еще раз Господь сохранил нам жизнь!

Вечером я пошел к Миаки и Ноука. Ноука признался, что все это затеял Миаки и что он уже заказал людей на следующий день. Миаки же презрительно спросил: "Мисси, где же ваш Бог был сегодня? Он не защитил вас! Это все обман, и мы Его больше не боимся. Люди все равно убьют вас, и в каждой деревне Танны должны съесть кусочек от вас". – "Ну, – ответил я, – если у вас были такие планы, то мой Бог все же чудно меня сохранил, а то я не стоял бы перед вами живой!"

Насмешливо и уверенно он продолжал хвалиться: "Нет, сегодня Бога не было здесь! И еще меньше мы боимся ваших военных кораблей! Они не решатся наказывать нас! Люди с Эрроманго убили супругов Гордон, и никто не решился наказать их! Нам снова скажут, что мы впредь не должны это делать и дадут нам подарки. Мы не боимся, и все люди на острове говорят, что они завтра убьют вас и возьмут все, что у вас есть!"

Когда я ответил, что капитан военного корабля и его люди могут убить только их тела, а Божье наказание может лишить их вечной жизни, Миаки ответил: "Мы больше не боимся Бога! Его не было здесь сегодня!" – "Мой Бог был здесь, – сказал я, – и сейчас Он здесь. Он слышит все, что мы говорим и видит все, что мы делаем. Он накажет злых и сохранит тех, кто принадлежит Ему".

Некоторые люди, собравшиеся здесь, были приветливее Миаки. Я помолился с ними и ушел с печалью, потому что невозможно было достичь его сердца.

Я послал Авраама к Новару, который хотя и часто колебался, но именно в момент настоящей опасности защищал нас, пока его не ранили. Он передал мне, чтобы мы взяли с собой все, что осталось, и пришли к нему в деревню. Он хотел попытаться защитить нас в своем доме. Нам нужно было быть очень осторожными, так как мы должны были проходить мимо села Миаки. Из страха мы не зажигали свет, чтобы нас не заметили, в темноте собрали то немногое, что осталось и что мы могли нести. Нас было четверо: Авраам с женой, Маттиас, учитель, пришедший только что со второй станции, и я.

Миаки еще вечером пришел сказать нам, что завтра враги не придут. Но перед рассветом он протрубил сигнал на большой раковине, и сразу же множество

островитян устремилось на станцию с противоположной горы. Оставаться там означало верную смерть. Это можно было бы назвать искушением Бога. Сколько было возможно, я держался, все еще надеясь изменить мышление людей. Теперь же моя обязанность – спасать свою жизнь. Я позвал своих верных друзей, закрыл дверь, и, взывая к Богу о помощи, мы побежали прочь. Нельзя было терять ни минуты, и мы немногое могли взять с собой. Я схватил Библию, мои переводы на таннезий-ский язык и два легких одеяла. Но потом нам было уже все равно – ведь все, что мы спасли из имущества, досталось Новару и его людям!

Я чувствовал потерю всего, что имел, – это было труднее, чем я думал, но так как Бог допустил это, я постарался успокоиться. Там остались могилы моей жены и ребенка, может быть на ярость каннибалов! Вещи жены, данные ей родителями, ее пианино, серебро, книги и все, чем я обладал, – все осталось там! И недавно пришедшая посылка с мужской одеждой и лекарствами от друзей – супругов Вилсон из Гелонга, тоже попала в их руки. Торговцы деревом все купили у тех, кто ограбил меня, за табак, пули, порох и дробь. Один скупил все мои книги. В ужасном состоянии он привез их к доктору Гедди в Анетиум и потребовал за них десять фунтов стерлингов. Тот дал ему семь с половиной фунтов, которые я потом ему с благодарностью вернул. Темнокожие и белые язычники работали рука об руку!

Далеко в обход, так как мы не могли идти вдоль берега, но должны были пробираться по оврагам и кустам, мы пришли к Новару. Здесь все были в волнении, потому что берег был усеян врагами. Я велел сделать укрепление из стволов, веток и земли, и жители охотно принялись за работу. Но когда бесконечный поток кричащих дикарей подходил все ближе и ближе, люди Новара воскликнули: "Мисси, это бесполезно! Смотрите, сколько их! Они нас сегодня убьют и съедят". Люди в отчаянии бросались на землю, другие бились головой о деревья, третьи, особенно женщины, бежали с детьми в лес или в воду. Новар, еще хромавший после ранения, сел на лодку, лежащую килем вверх. Он оглядел приближавшиеся толпы людей и сказал: "Мисси, садитесь рядом со мной и молитесь вашему Богу. Если Он нам не поможет, то мы все умрем. Они убьют нас всех, так как мы приняли вас! Молитесь, а я буду наблюдать!"

Мы молились, как только можно молиться в такие моменты, стоя у порога вечности! И снова чувствовали, как уже не раз, близость Господа. Мы знали – Он всемогущ, но и всезнающ и сделает так, как покажется лучшим в Его глазах.

Когда вооруженные приблизились к нам на пятьсот шагов, Новар тихо коснулся меня и сказал: "Мисси, Бог слышит! Они все остановились!" Когда я глянул, то заметил, что вся масса людей стояла на месте. Стало совсем тихо. Мы видели, как вестник бегал перед толпой и часто останавливался, что-то говоря. К нашему великому удивлению, люди повернули назад и без всяких криков пошли по направлению к лесу на другой конец порта. Новар и его люди были в радостном возбуждении и все снова повторяли: "Бог действительно услышал молитву мисси! Он защитил нас!"

В тот день мы были слабыми и беззащитными детьми, полностью полагавшимися на силу Бога. Потом мы слышали, как они совещались в лесу, где Ноука и Миаки предложили напасть на Манумана и его людей. "Его брат Канини убил Яна волшебством, – сказал Миаки. – Он вызвал ураганные ветры, и если мы их сначала побьем, то это сделает нас сильными в борьбе с мисси и его учением". План был принят, и это было нашим спасением. Люди Манумана бежали. В семи селах в тот день страшно грабили и убивали, сопровождая все это мерзостями каннибализма.

Миаки и Ноука сообщили нам, что мы спокойно можем возвратиться, так как они уходят вглубь страны. Мы знали, что это была ловушка для нас. Авраам, несмотря на уговоры, ночью пробрался к нашему дому. Из кустов выскочили люди и с яростью окружили его. Когда они увидели, что меня нет с ним, то крикнули: "Не убивайте его! Подождите, пока мисси придет!" Так они отпустили Авраама и его жену, очевидно, думая, что я приду за своим имуществом. Когда перед рассветом они увидели, что этого не случилось, они вломились в дом и разграбили все, что там было, даже буквы моего печатного пресса – они сделали из них пули.

На следующий день они снова сражались с верным Мануманом, нанося вред людям и деревням. Но несмотря на это, меня и Новара бдительно охраняли, и когда Миаки

послал вечером сказать, чтобы я пришел к нему поговорить, Новар и другие не пустили меня. Когда стемнело, Новар сказал: "Мисси, вы не можете дольше оставаться здесь!" Он посоветовал, пока море было довольно спокойным, сделать попытку перебраться на станцию к Матисонам. Но как? У Миаки была моя лодка, мачта, парус и весла и еще лодка поменьше, которую мне прислали из Анетиума! Новару грозила большая опасность, и он хотел во что бы то ни стало отправить меня. Его сын должен был проводить меня к старому каштану, принадлежавшему Новару. На нем я должен был скрываться, пока не взойдет луна.

Находясь в руках этих людей, мне ничего не оставалось, как исполнить волю Новара. Часы, проведенные в густых ветвях, так живы во мне, как будто это было вчера. Я слышал издали крики воюющих, слышал выстрелы то дальше, то ближе. И все же я отдыхал там в руках Иисуса. Нигде мой Спаситель не был так близок ко мне, как в эту ночь на дереве, где я искренне разговаривал с Ним. Один, но все же не один! Если бы нужно было, то я еще не одну ночь провел бы на таком дереве, чтобы снова ощутить близость и утешающее общение с Ним! Есть ли еще такой друг, который выдержал бы в подобной смертельной опасности? Я охотно просидел бы еще дольше, но после полуночи за мной пришел сын Новара.

На берегу я нашел своего защитника и многих его людей. Я арендовал для нас большую лодку, заплатив материалом. Ее владелец, Аркурат, уже с вечера пригнал ее в безопасное место и потребовал снова заплатить. Бедные остатки нашего имущества вызвали в нем жадность, и мы должны были отдать ему одеяла и топор. Когда он приготовил нам намного меньшую лодку, в которой невозможно было поместиться, я повернулся к нему спиной и сказал, что мы попытаемся пройти по земле. Тогда Аркурат воскликнул: "Мой гнев прошел! Возьмите большую лодку". Но когда мы толкнули ее в воду, он не дал нам весла! Я воскликнул: "Вы же знаете, что мы без весел не можем использовать лодку! За них тоже заплачено!" Аркурат лег на песок и притворился спящим.

Когда я обратился к Новару, как к вождю, он ответил: "Такой он, мисси! Такие мы все!" – ответил: "Такой он, мисси! Такие мы все!" – "Я уже отдал ему все одеяла, которыми я мог бы защититься от лихорадки и малярии, у меня осталось только то, что на мне, неужели вы не займете мне весла, Новар?!" Он повелел дать мне одно, и трое других принесли мне по веслу. Тут Аркурат очнулся от своего "сна" и снова хотел забрать лодку.

Мы снова предложили пойти по земле, тогда встал один из окружающих и сказал: "Мисси, я хочу сказать вам правду! Все обманывают вас! Море в предгорье очень бурное, и вы не сможете там пройти. А если вам даже удастся, то вы все равно умрете, так как Миаки со своими людьми ждет вас за Черной Скалой. Дороги на земле тоже перекрыты, не пытайтесь пройти ими! До свидания!"

Значит, мы можем спастись только на лодке. Мы впятером сели наконец-то в лодку. Один местный молодой паренек, сел за руль, остальные взялись за весла.

Некоторое время мы продвигались вдоль берега довольно хорошо. На конце острова, где нужно было повернуть на юг, море кипело и мы гребли изо всех сил. Мальчик у руля воскликнул: "Мисси, это море! Оно поглощает всех, кто доверяется ему!" – "Мы не доверяемся морю, – возразил я. – Мы доверяем Богу и нашему Господу Иисусу Христу!"

После долгой тяжелой борьбы с волнами все отложили весла, и Авраам сказал: "Мисси, дальше нельзя. Мы погибли и будем пищей для акул! Мы с таким же успехом могли отдаться на съедение таннезийцам".

"Оставайтесь каждый на своем месте! – воскликнул я. – Авраам, где ваша вера в Иисуса? Он управляет водами, как и землей! Авраам, молись и греби! Гребите в такт со мною! Наш Бог жив и защитит нас! Маттиас, как можно быстрее вычерпывай воду из лодки… Не смотрите вокруг, но только на весла! Молитесь и прилагайте все усилия! Бог спасет нас!" – "Мисси, благодарю за твои слова, – сказал добрый старый Авраам. – Я хочу быть сильным! Я хочу молиться и грести! Может, Бог все же спасет нас!"

С невыразимым трудом, в смертельной опасности нам удалось повернуть лодку, и после четырехчасовой гребли мы с Божьей помощью снова достигли того места, откуда отплыли пять часов назад! До ниточки промокшие, с волдырями на ладонях, мы сошли

на берег, который был усеян людьми. Они сердились, что мы снова вернулись к ним. Катазиан, мальчик поехавший с нами, тут же побежал вглубь земли и, к сожалению, вскоре погиб, так как ему не простили, что он поддерживал нас!

Смертельно уставший, я лег на берегу и впал в глубокий сон. Проснулся я оттого, что кто-то тянул мою сумочку с Библией и переводами из-под головы. Даже эти последние остатки моего земного имущества вызывали алчность! Я вскочил, мои люди тоже, и мы увидели убегающего вора. У нас было с собой старое охотничье ружье и револьвер, оба полностью негодные, так как часами лежали в воде, пока мы плыли в лодке. Я склонился на берегу среди своих друзей и благодарил Господа за спасение и вновь предал всех в Его мощные руки.

Потом подошел Файмунго, вождь из глубины острова, который иногда приходил на богослужение, и сказал: "До свидания, мисси! Я иду домой, так как не хочу видеть того, что произойдет в это утро!" Он был зять Новара, и его отдаленное жилье находилось на пути, по которому мы могли еще попытаться уйти.

"Файмунго, – сказал я, – не хотите ли вы взять нас с собой? Не покажете ли вы нам дорогу, которая настолько сильно разрушена после больших ураганных вихрей, что мы сами не сможем найти ее? Когда придет миссионерский корабль, я дам вам топоры, ножи, рыболовные крючки и шерстяные одеяла!" – "Мисси, вы не должны идти за мной, так как Миаки и Каревик поставили там своих людей. Они многочисленнее нас, ведь со мной только двадцать мужчин. И из-за вас убьют нас". Я объяснил ему, что не требую его защиты, а прошу только разрешения следовать за ними. Он ответил: "Со мной семь человек, тринадцать еще будут следовать за мной. Но я не могу сейчас их взять, так как они у Миаки. Следуйте за нами сколько можете!"

Мы все тронулись в путь после того, как он и его люди нагрузились перед нашими глазами доброй частью наших вещей. Новар получил с моей станции много рису и козу, которую приготовили для еды. Я попросил его дать нам немного, чтобы подкрепить ослабевшие силы, так как мы долгое время ничего не ели. Но он отказал нам и сам не взял ни кусочка, сказав: "Я ем ваш рис и получил эти вещи как плату за мою раненую ногу и за помощь, которую мы вам оказываем!"

Мы шли за Файмунго так близко, насколько это было возможно. Мы не могли доверять ни ему, ни его людям, но это был единственный выход, и мы чувствовали себя в сильных руках любящего Бога. Скоро мы натолкнулись на воинов Миаки под предводительством Зиравы, который раньше приветливо относился ко мне.

Когда они вскинули ружья, Файмунго воскликнул: "Нет, сегодня вы не имеете права трогать мисси! Он со мной!" С этими словами он быстро пошел вперед, мои люди пошли за ним, а меня враги окружили узким кольцом. Я повернулся к Зираве и сказал: "Я всегда хорошо относился к вам, еще и сегодня я всех вас люблю! Вы знаете, что я давал вам лекарство и пищу, когда вы были больны и многие умирали. Одежда на вас – это мой подарок. Разве я не друг вам? Можете ли вы ругать Файмунго только лишь за то, что он разрешил нам следовать за ним?"

Зирава шептался со своими людьми так тихо, что я ничего не мог понять, но по их глазам я видел, что он смягчился. Эти воины никогда не должны видеть спину врага, потому что это вызывает в них огромное желание убийства. Я медленно пошел спиной вперед, твердо глядя всем в глаза. Только отойдя на некоторое расстояние и скрывшись за кустами, я побежал догонять друзей.

Охотно хочу верить, что злые слова Зиравы, которые он крикнул моему защитнику Файмунго, служили для его собственной безопасности, так как он принадлежал теперь Миаки и должен был вести себя так.

Вторая вражеская группа шла нам на встречу. Стоило многих усилий отвязаться от них. От друзей Файмунго, встретившихся нам позднее, мы точно узнали, где находится сам Миаки, узнали, что он снова убивает сторонников моего друга Манумана и сжигает их села. Другие вражеские группы Файмунго отражал с большей твердостью и сказал: "Мисси, теперь я сильнее, потому что ближе к своей земле".

Скоро мы подошли к красивой, лежащей на возвышенности деревне, называемой таннезийцами Анеай, что значит небо. Стояла сильная жара, на последнем отрезке пути почти не было тени. Все очень устали, утомился и сам Файмунго, так как нес тяжелый

груз. Он сел на деревенской площади, взял свою трубку и сказал: "Мисси, теперь мы скоро будем дома, мы можем здесь спокойно отдохнуть".

Нам едва удалось полежать несколько минут, как вдруг услышали крики и ругань. Скоро мы увидели вражескую группу, хорошо вооруженную, опьяненную успехами и делами последних дней. Миаки узнал о нашем бегстве и послал людей убить нас. Файмунго очень испугался, потому что с малым числом людей нечего было и думать о сражении. Он сказал: "Мисси, идите со своей группой вперед. Я последую за вами после того, как покурю и поговорю с ними". – "Нет, – ответил я, – я останусь! Если меня убьют, то пусть рядом с вами. Я не оставлю вас!"

И снова началось то, что я уже не раз пережил: каждый подталкивал другого стрелять первым. Я твердо смотрел им в глаза и как можно спокойнее сказал: "Мой Бог накажет вас, если вы сейчас или позднее убьете меня или одного из Его слуг!" Брошенный камень попал доброму Аврааму по щеке. Он посмотрел вверх и сказал мне: "Мисси, я был близок к тому, чтобы пойти к Иисусу!" Этот взгляд остался незабываемым для меня. Удар дубинкой не попал в цель. Они окружили нас тесным кругом и подталкивали друг друга к первому выстрелу. Моя душа обратилась в горячей молитве к Спасителю, я знал, что Он видел все! Как дуновение Божье в мое сердце возвратился мир, и я понял, что не умру, пока Бог не посчитает мою работу законченной. Как будто голос с неба сказал это мне, так твердо я знал с этого момента, что никакая пуля не попадет в нас, никакое копье не ранит нас без воли нашего Бога, управляющего небом и землей, держащего мир в Своей руке и могущего усмирить ярость дикарей. Теперь я мог понять, что Стефан и Иоанн видели Спасителя, когда они в страданиях и гонениях взирали на небо!

И все-таки я не могу сказать, что в такие моменты не испытывал страха! Нет, мысли пролетали в голове с головокружительной быстротой, на какое-то время я терял слух и зрение, дрожали колени, когда я так часто был близок к смерти. Но все же оставалась мысль, что в следующее мгновение я буду в вечности стоять перед Богом. Но и в этом состоянии я мог слышать обещание: "Се, Я с вами до скончания века!" И вместе с Павлом я мог от всей души сказать; "Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь... ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божьей во Христе Иисусе, Господе нашем".

Файмунго и его люди хотели, чтобы мы дальше шли одни. "Почему? – спросил я. – Разве нам не нужно ждать, пока вы пойдете? Мы нуждаемся в покое так же, как и вы. Мой Бог знает, что вы обещали мне не вредить нам. Я не оставлю вас до самого конца вашего пути. Если я должен умереть, то рядом с вами, Файмунго!"

Через некоторое время он ответил: "Итак, я пойду вперед. Мисси, держитесь как можно ближе ко мне". Его люди пошли вперед, мои анетимийцы последовали за ними. Файмунго одним прыжком догнал их, я следовал по его стопам с молитвой к Иисусу, чтобы Он или сохранил нас, или как можно быстрее взял в Свое Небесное Царство. Враги тоже поднялись и побежали по обеим сторонам рядом с нами. Я предоставил все Господу и побежал за Файмунго, как будто эти вооруженные люди были моей охраной.

Это была операция спасения, проводимая той же рукой, которая сохранила Даниила от львов. Мы должны были перейти речку. Все одним прыжком пересекли ее. Я, как последний, попытался сделать то же самое, но не допрыгнул и поскользнулся на другом берегу. В это мгновение я услышал в ветвях над моей головой шум брошенного камня. Плоский большой острый камень упал на берег. Если бы мне удался прыжок, то я был бы убит. Благодаря моего Бога, я вполз на берег и скоро скрылся в кустах.

Молча смотрели мне вслед враги, которые были уверены, что попадут в меня. Они должны были признать охрану надо мной, потому что больше не кидали камни и не стреляли мне вслед. Оглянувшись, я увидел, что они разделились: одни пошли в глубь острова, другие вернулись в Анеай.

Я поспешил догнать своих, которых нашел в лесу отдыхающими и которые были рады видеть меня живым. В каждой деревне находились те, которые были готовы убить нас. Но Файмунго поднял против них, своих подданных, дубинку и сказал: "Сегодня вы не имеете права убивать мисси".

Жажда ужасно мучила нас. Мы проходили реки и источники, но нельзя было даже думать, чтобы попить. Стоило только отвернуться или нагнуться – и такой момент становился большим искушением для убийцы и мог закончиться верной смертью.

Наконец мы приблизились к деревне Файмунго. Он послал туда своих людей, а сам прошел с нами еще отрезок пути. Мы достигли берега и сели отдохнуть. Файмунго сказал: "Мисси, я исполнил свое обещание. Я очень устал и в сильном страхе. Дальше я не решаюсь идти. До свидания! Теперь – вперед! Эти трое, – он показал на приближающихся мужчин, – будут сопровождать вас до следующей скалы. Быстрее отсюда! До свидания!"

Мы еще немного прошли с его людьми, когда они сказали: "Мисси, Файмунго во вражде с этим племенем. Дальше мы не решаемся идти! Только оставайтесь на этой дороге!" С этими словами они повернулись и убежали назад в деревню.

Нам одним нужно было пройти еще через многие владения враждующих племен. В одном из них отсутствовали все, способные к войне, так как они напали на соседнее село. Жители другого села дали нам спокойно пройти и были наказаны за это снисхождение тем, что у них уничтожили все оружие, тем самым открыто унизив их.

Наконец мы приблизились к миссионерской станции Квамера. Каждый из нас получил от местных жителей, поддерживающих мистера Матисона, кокосовый орех – первые капли жидкости после длительных лишений в этот знойный день. В предыдущие дни мы тоже почти не ели.

Когда мистер Матисон услышал, что мы пришли, он побежал нам навстречу. Он думал, что мы уже убиты, так как и до него дошли вести о гонении на нас. Супруги Матисон были очень больны и выглядели удручающе. Они только на днях похоронили единственного ребенка!

Опасность, в которой всегда находилась их станция, еще увеличилась после событий в порту Резолюция. Мы благодарили Господа за помощь, за то, что можем быть вместе, и просили укрепить и сохранить нас.

Прежде чем оставить порт Резолюция, я написал письма капитанам кораблей, которые зайдут в порт. В них я просил приехать в Квамеру и за хорошую плату перевезти оставшихся в живых. Новар передал три таких письма капитанам, зашедшим в порт, но они предпочли не принимать во внимание эту просьбу. Они везде скупали вещи, награбленные в миссии, давая взамен табак, пули и порох. Так они сделали свое дело и уехали, не приехав за нами. С таким грузом мы были бы для них неприятными гостями».

В Квамере

Старые заметки, сделанные Джоном Патоном, были уничтожены в результате грабежа. В Квамере он снова начал вести дневник, в котором смог зафиксировать все события до самого конца миссионерской работы на Танне.

«22 января 1862 года мы услышали, что снова были убиты трое людей Манумана. От одного из них, который был другом Новара, я слышал такие слова: «Если здесь убивают столько детей, то почему мне не пришлют хотя бы одного? Они нежнее и лучше, чем молодые петушки!» Такое замечание дает нам возможность заглянуть в сердце каннибала. И все же этот человек был не из самых худших.

23 января три вождя обещали нам защиту, пока за нами не придет пароход. Но мы уже довольно часто испытывали на себе, как мало можно доверять обещаниям таннезийцев.

24 января – опять новые сообщения о жестоких кровавых преступлениях Миаки в племени Манумана! Почти со всех вождей он взял обещание, чтобы они не пощадили никого из нас.

В воскресенье, 26 января, около тридцати человек пришли на наше богослужение. После этого мы еще молились в менее враждебно настроенных деревнях с теми, кто поддерживал мистера Матисона, и проповедовали Слово Божье 116 людям. Это был посев в слезах и в страхе, несмотря на все, что случилось после. Кто может судить, что это было совершенно напрасно?

Сейчас, двадцать лет спустя, после описываемых событий, в том районе на Танне стоит церковь, где приносится слава и хвала Богу прежними каннибалами! На обратном

пути в то воскресенье только по милости Божьей мы избежали ударов дубинки одного каннибала и решили между собой, что нам нельзя далеко удаляться от миссионерского дома.

27 января мимо плыл пароход. Несмотря на наши сигналы, капитан не зашел в порт. Это был один из тех, кому дали мое письмо с просьбой о помощи в порту Резолюция. Он вез мои вещи, купленные у таннезийцев, в безопасное место, а нас оставил в опасности.

29 января к нам пришел молодой вождь Капуку и принес с собой всех идолов из своего дома и дома отца. В то время как все пытаются убить вас, – сказал Капуку, – я отдаю моих богов. Я хочу очистить от них мою землю ". Это была полная корзина маленьких, особенной формы камней, которые от употребления были гладкими, почти полированными.

31 января к нам пришел Файмунго с сообщением об усиливающихся против нас действиях Миаки. Даже Мануман послал своего приемного сына Раки, чтобы рассказать нам об ужасных гонениях, которые каждый день переносит он и его семья. Жена Раки, дочь вождя, убежала к своему отцу. Но Миаки добрался и туда и заставил отца отдать свою дочь как врага. Ее убили перед его глазами и, естественно, съели.

В воскресенье, 2 февраля, на богослужение пришло тридцать два человека. После обеда мы все же осмелились пойти проповедовать в близлежащие деревни и пришли домой невредимыми. Возвращаясь обратно, мы выбрали другой путь, так как на том нас ожидала вооруженная засада.

3 февраля к мистеру Матисону пришла группа людей Миаки и обыскала дом. Я сидел и писал в моей комнате. Они думали, что я тоже вышел, как мистер Матисон, и удалились, выстрелив со злости в дом учителей.

Усталый и измученный от всего пережитого, я раньше обычного лег вечером 3 февраля спать и уснул так крепко, как не спал уже давно. Мой верный пес Глута – единственное, что у меня осталось, разбудил меня, дергая за одежду. Я так же тихо разбудил мистера Матисона. Мы не могли зажечь свет, но склонились в темноте на колени и предали себя в руки Господа. Вдруг в комнате стало светло. Мужчины с факедами приближались к дому. Другие зажгли церковь и тростниковый забор, который тянулся от церкви к дому. Через несколько минут пламя могло охватить наш дом, но выйти из дома мы не могли, потому что сразу же попали бы в руки злых гонителей.

Я схватил совершенно непригодный револьвер и маленький американский томагавк и попросил мистера Матисона выпустить меня и закрыть за мной дверь. Он несколько раз говорил мне: "Оставайтесь здесь, мы умрем вместе! Они никогда не повернут назад!" Я ответил: "Быстро, быстро, выпустите меня, я и на улице в Божьих руках! Если будет гореть дом, ничто не спасет нас!"

Он открыл мне дверь и закрыл ее за мной, склонился на молитву, а потом стал наблюдать за происходящим на улице. Я томагавком сбивал забор и бросал горевшие части в огонь, чтобы он не достиг дома. Вдруг меня окружили семь или восемь человек, взмахнули своими дубинками и закричали: "Убейте его! Убейте его!" Один из них хотел схватить меня за руку. Я отскочил и поднял револьвер, говоря: "Только попробуйте прикоснуться ко мне! Бог накажет вас! Он защитит нас и обязательно накажет вас, так как вы ненавидите Его и сожгли Его церковь. Мы любим вас всех, а вы хотите убить нас, хотя мы делаем вам только добро! Но наш Бог здесь, Он защитит нас!"

Они вопили от ярости, побуждая друг друга сделать первый удар, но Невидимый не позволил им. Я стоял невредимый под Его сильным щитом, и мои усилия – не допустить пламя к дому – имели успех.

В это страшное мгновение произошло что-то необыкновенное, которое каждый может объяснить себе, как хочет, но я вижу в этом прямое вмешательство Бога для нашего спасения. С южной стороны послышался шум, подобный шуму при движении тяжелого локомотива или дальнего грома. Все невольно повернулись в том направлении, так как из горького опыта знали, что это предвещало один из ужаснейших ураганных вихрей. И случилось чудо: южный ветер отвернул пламя от нашего дома. Он стоял целый под Божьей охраной, в то время как церковь за короткое время сгорела дотла.

Обильный ливень, какой бывает только в тропиках, сделал поджог дома вообще

невозможным! Завывающий рев тайфуна быстро заставил воинов замолчать. Их рев превратился в глубокое молчание! Охваченные страхом, они сказали: "Это Божий дождь! Их Бог сражается за них и помогает им! Нам нужно бежать!" Они в страхе побросали остатки факелов и быстро убежали во все стороны, Я стоял один и славил чудесные действия Господа. "Блажен муж, уповающий на Него!"

Мистер Матисон открыл дверь и воскликнул: "Сегодня было наглядное доказательство тому, как чудно Бог может помогать и вызволять из беды верных своих. Хвала Его святому имени вовеки!" В благоговении и великой радости мы вместе благодарили Его. Иисус имеет власть над природой и над сердцами людей.

Остаток ночи я просто лежал. Невозможно было заснуть. Уже рано утром пришли некоторые наши друзья и с плачем рассказывали нам, что после неудавшегося нападения ярость врагов возросла еще больше. Они ликовали, кричали и бушевали, побуждая друг друга тут же снова напасть на нас. Они собрались, их рев был слышен у нас. Наши верные друзья побежали в лес, когда показались враги. И в это мгновение наивысшей опасности послышался громкий возглас: "Пароход!"

Мы были в таком состоянии, когда едва ли можно доверять самому себе. Но снова и снова звучало: "Пароход! Пароход!" Он все ближе и ближе подплывал к берегу. Я все еще боялся разочароваться, но действительно – к острову приближался пароход! Яростная толпа становилась все тише и тише, пока совсем не стихла.

Мы зажгли костер и прикрепили на крыше два платка – черный и белый, чтобы обратить на себя внимание капитана. Но в этом уже не было нужды: капитан Хастингс был послан доктором Гедди и доктором Инглисом за нами на тот случай, если мы еще живы. Его сопровождали двадцать вооруженных людей, в случае, если нам будут мешать уйти. Люди помогали нести в лодку запакованные вещи и все, что еще можно было спасти.

В два часа мы были уже готовы к отъезду, как вдруг мистер Матисон сказал, что он хочет остаться на Танне и умереть здесь. Его жена и я могли ехать. Он хотел остаться. Видно, у него вследствие ужасных долгих переживаний последних месяцев случился стресс. Он закрылся в комнате и только после долгих уговоров открыл дверь и пошел с нами на берег.

Тем временем наступил вечер. В тропиках, где сумерки длятся всего несколько минут, быстро стемнело, и мы на тяжело нагруженных лодках поплыли к пароходу, но его нигде не нашли! Его унесло в море, и мы блуждали по неспокойным волнам. Мы решили поплыть к единственно видимому пункту – к дымящемуся вулкану, находящемуся недалеко от порта Резолюция.

Эта ночь снова была полна опасностей и лишений, но и здесь хранил нас Господь. Когда наступило утро, мы отплыли в море довольно далеко, чтобы нас не достигли пули Миаки, бросили якорь напротив того места, где я так долго трудился и страдал, и провели трудный день под палящим солнцем в открытой лодке.

Нас, конечно, заметили, и Новар с Миаки приехали к нам на лодке. Новар привез нам кокосовые орехи, за которые мы были очень благодарны ему, мы уже более суток ничего не ели и не пили. Миаки сердечно просил меня вернуться в миссионерский дом и взять свои вещи. Все осталось так, как было! Когда он увидел, что я не иду в ловушку, то начал хвалиться грабежом и проклял нас и наше учение, которое приносит болезни и смерть и запрещает каннибализм, что является для них радостью.

Новар шепнул мне, что этой ночью Миаки напал на село. Его люди встали около каждой хижины. После этого они издали страшные крики и застрелили тех, кто испуганно выбежал из дома. Вождь этого села и почти все жители были убиты. Ненасытная жажда убийства – следствие постоянных войн и каннибализма.

Было около пяти часов, когда мы наконец увидели наш пароход. Следующую ночь мы уже спокойно спали в Анетиуме и благодарили Бога за спасение. Капитан Хастингс отказался от всякой платы, и мы разделили двадцать фунтов стерлингов среди матросов, которые были так приветливы к нам.

Слабое здоровье миссис Матисон было полностью подорвано. Состояние ее быстро ухудшалось, и примерно через пять недель после нашего бегства, 11 марта 1862 года, она умерла. 11 июня того же года умер и мистер Матисон – во время вновь начатой

миссионерской работы. Оба работали с полной отдачей, но их здоровье не выдержало этих климатических условий и физических нагрузок жизни среди каннибалов.

Только тот, кто жил среди каннибалов, может до конца понять то невыразимое благословение, что по милости Божьей и здесь проповедуется Слово Божье и делает человека человеком! Островитяне еще долго враждовали против Новара и Манумана, потому что они больше не возвратились к этим мерзостям. Но эти двое, а также Зирава и Файмунго состарились и пережили тех, кто жил при мне и любил воевать. Когда позднее удалось ввести на Танне христианство, эти мужчины поддерживали новых миссионеров и тоже называли себя христианами. Но все же их познания истины Божьей оставались очень слабыми и их утверждение в вере довольно шатким».

Часть третья

ПУТЕШЕСТВИЕ

Глава 11

Новый путь – новое поле работы

В Анетиуме миссионеры собрались вместе, чтобы решить, что делать дальше. Кроме своей Библии и таннезийских переводов Патон ничего не смог спасти. Вначале он рассчитывал остаться в Анетиуме и работать над переводом Слова Божьего на таннезийский язык, чтобы когда-нибудь возвратиться туда. Но потом выявилось очень плохое состояние его здоровья. Нужно было в первую очередь поправить его, иначе дальнейшая работа в этом регионе ставилась под вопрос.

Хотя Австралия была ближе всех к Новым Гебридам, миссию здесь поддерживали до сих пор только Шотландия и Новая Шотландия (канадская провинция). Миссионеры согласились, что Джон Патон должен ехать в Австралию, чтобы проехать там по церквам и вызвать интерес верующих к миссионерской работе на этих островах. Для этого были две причины.

Во-первых, чтобы евангелизировать на всех островах Новых Гебридов, нужны были миссионеры, а также большая помощь и поддержка для них. Во-вторых, миссия на этих островах очень нуждалась в миссионерском пароходе, могущем перевозить людей, что стало совершенно понятным после случая на Танне. Миссионеры надеялись этим повысить безопасность и улучшить обслуживание. Они знали, что значит быть брошенными на произвол торговцев сандаловым деревом, они не раз испытали это на себе.

Эти решения дали неожиданные результаты. Посещение Джона Патона Австралии и сообщения его там о событиях на Танне вызвали большой интерес к миссионерской работе на Новых Гебридах. Были приобретены два парохода и нашлись желающие обслуживать их.

Один за другим из Австралии были посланы миссионеры – и один остров за другим приобретались для Господа. Посеянное со слезами на Танне привело к жатве на Новых Гебридах! Для Джона Патона открылись новые пути…

Австралия

«Один торговец деревом, который хотел через несколько дней отправиться в Сидней, согласился взять меня с собой за десять фунтов стерлингов. Первым моим занятием на

борту парохода было сшить своими руками себе рубашку! Ведь я смог спасти только то, что было на мне! Для этого мне в Анетиуме дали кусок материала.

Я скоро узнал, что капитан корабля очень жесток и своенравен. Это был настоящий образец безбожных и бессовестных торговцев в тех морях. Он бил своих людей, даже штурмана, часто и немилосердно. Он и его жена, одна из островитянок, но все же не такая плохая, как муж, занимали каюту. Я должен был спать в помещении, где были сложены стволы сандалового дерева, без постели и одеяла! Я был вынужден день и ночь быть в одежде, и это было мучением, так как мы должны были проплыть 1400 английских миль. Взятые запасы пищи были очень малы, а кушанье едва съедобным. Мне приносили еду в тарелке на палубу, где я был целый день.

Стюард часто поднимался ко мне с окровавленным лицом из нижних помещений корабля, где капитан в ярости избивал его первым попавшимся предметом. Я несколько раз говорил о нем с капитаном, но без успеха. Я записал себе точные данные жестокого обращения с расчетом в нужном случае применить их.

Прибыв в Сидней, капитан уволил этого молодого человека, ничего не заплатив ему. Тот нашел меня и, горько плача, рассказал мне о своей беде. У него была старая мать, которой он теперь ничем не мог помочь. Я посоветовал ему, чтобы он сказал капитану, что подаст на него жалобу в суд и что я пообещал быть свидетелем. После этого молодой человек тут же получил все, что ему было положено, о чем он мне с благодарностью сообщил.

На борту были также два островитянина. Так как они не понимали по-английски, то вместо приказаний капитан толкал их и бил, это было настоящим дерганьем на рабочем месте. Когда мы пришли в Сидней, он дал им немного материала. До тех пор они были раздеты. На вопрос инспектора, осматривающего пароход, что это за люди, капитан обманул его, сказав, что это пассажиры. Больше вопросов не было, тот не потребовал в доказательство никаких документов! И все же каждый, кто знаком с торговцами Южного моря, знает, что они продадут любого туземца как свою собственность тому, кто больше даст за него. И это называют "рабочим рынком"!..»

Судьба жителей островов, где алчные торговцы рабами опередили миссионеров, в случае с этими двумя бедными людьми стала для Патона предельно ясной. То же самое он наблюдал у коренных жителей Австралии – аборигенов. И здесь поселенцы и торговцы опередили миссионеров. Именно здесь Патон понял причину исчезновения народа, не охваченного миссионерской работой, в соприкосновении с так называемой христианской, а в действительности материально заинтересованной цивилизацией.

Патон призвал австралийцев к ответственности. Он в своих проповедях говорил о духовной нужде островов Меланезии, для которых Австралия является самым близким христианским соседом. Его сообщения тронули сердца многих христиан Австралии. Но особый отклик на зов о помощи Патон нашел у детей воскресной школы.

«Дети были полны интереса. Я придумал такой метод помощи, который приносил бы им радость, и особенно ясно открывал им их действительное личное участие. Я сделал их совладельцами миссионерских пароходов, напечатав маленькие акции стоимостью шесть пенсов. Дети купили многие тысячи этих акций, которые они с гордостью показывали в своих семьях. Они чувствовали радость при мысли, что им принадлежат пароходы, несущие Благую Весть каннибалам».

Через двадцать лет дети этих детей из воскресной школы Австралии все еще поддерживали своими постоянными маленькими вкладами пароходы миссии на Новых Гебридах!

Радость даяния охватывала не только нужды пароходов, но и содержание новых миссионеров, учебу учителей из местных жителей. В это время Патон получил сообщение о смерти супругов Матисон. Теперь на островах осталось только четыре миссионера... Должен ли Патон все же идти в Шотландию, чтобы звать новых слуг для работы в деле Божьем?

Глава 12

Путешествие по Австралии

Патон обошел Австралию по всем местам, откуда раздавался зов.

«Путешествовать по Австралии в 1862–1863 годах было не так легко. Дороги были только вблизи больших городов. Во всех других местах огромной страны нужно было с трудом искать дорогу по насечкам на деревьях. Если заблудился, нужно было возвращаться и искать последнее обозначенное дерево, а затем держаться только указанного направления. Даже люди, которые знали эти пути и часто ими ходили, порой могли заблудиться».

Страна, которая всего несколько поколений назад была заселена белыми, находилась еще в стадии строительства. Патон встречал людей, обещавших ему поддержку в невероятных местах. Бог вел его в пустыню, в болота, на золотые прииски, в трущобы, в салоны богатых, во временные постройки новых поселенцев из Англии и Шотландии, которые были рады в своем одиночестве встретить земляка. Во всех этих местах и у многих людей он нашел интерес к миссии среди каннибалов Южного моря.

Эти путешествия также не обходились без опасных ситуаций и изнуряющих обстоятельств. Но Патон доверял Тому, Кто послал его и теперь руководил им. Все снова он встречал на пути коренных жителей страны. Поселенцы презирали их примитивный кочевой образ жизни. Патон наблюдал, как отовсюду вытесняли этот беззащитный народ. Австралийские христиане считали их неспособными принимать Благую Весть. Один проповедник говорил с кафедры: «Черные австралийцы не в состоянии понять Евангелие. Все попытки дать им познание об истинном Боге были напрасны… Бедные звери в человеческом облике должны, как звери, постепенно исчезнуть с земли».

Джон Патон, наблюдатель и исследователь, видел дальше. «Самый большой враг пришел к ним также с белыми – водка!.. Вследствие этого с ними трудно было работать, они становятся беспокойными, вспыльчивыми. Это дает повод к "вмешательству". Это слово часто означает убийство в больших размерах. Сиднейская газета от 21 марта 1883 года содержит ужаснейшие детали такого уничтожения коренных жителей… Но водка осталась и уничтожает то, что уцелело от оружия. Можно ли еще удивляться вымиранию этой расы!»

Патон попытался исследовать религиозный культ аборигенов. Когда он показал им привезенных с Танны идолов, то увидел их живую реакцию. Как христианин, он видел свою обязанность в том, чтобы не довольствоваться предубеждениями, а заботиться о страдающей душе ограбленного народа. Он узнал о них больше, чем большинство белых. Идольские камни доказали: прежде чем сюда пришли европейцы, коренные жители этой страны не были зверями, которые не могут научиться верить в Бога, но они страстно желают и ищут Его, как и все народы.

Он также познакомился с христианами из аборигенов и наконец вынес резюме: «Для меня в одной душе, приобретенной для Господа, достаточно доказательств, что суждения об этой расе ложны, и я хочу приложить все старания, чтобы они не имели силы. Бог благословил эту работу, и поэтому она должна продолжаться.

Только на одном острове Анетиум покаялись 3.500 каннибалов, которые очень близки к австралийским неграм, и ведут теперь цивилизованный христианский образ жизни. В Фиджи покаялось 70.000 человек, в Самоа 34.000 каннибалов стали христианами.

Школа в Самоа за девятнадцать лет выпустила двести шесть учителей, которые стали верными помощниками миссионеров в распространении Благой Вести. На наших Новых Гебридах более двенадцати тысяч местных жителей обратились ко Христу, и из них сто тридцать три учителя пошли учить своих братьев. Если бы австралийцам было принесено Евангелие, то оно имело бы на них такое же влияние, потому что Иисус Христос тот же самый – вчера, сегодня и вовеки тот же».

В 1888 году в своем последнем миссионерском путешествии по Австралии Джон Патон посетил многие станции аборигенов, где правительство пыталось сделать их оседлыми. Но кочевой дух этого измученного народа снова прокладывал себе путь на свободу, и они оставляли устроенные для них правительством станции. Только на станциях, руководимых истинными христианами, Патон нашел нечто другое: ухоженные села и функционирующие церкви. Но все еще (и в наши дни) алкоголь, привезенный белыми, разрушает тело и душу коренных жителей.

На своем последнем большом собрании в Мельбурне Патон разрушил легенду о неспособности аборигенов принимать весть спасения и не упустил возможности сказать собравшимся об их ответственности: «...У Австралии осталось совсем мало времени исправить то, в чем они согрешили перед этим несчастным народом!»

Глава 13

В Шотландии. Возвращение к работе

«Все австралийские миссионерские комитеты были единодушны в том, что я должен без промедления плыть в Шотландию за новыми миссионерами. 16 мая 1863 года на пароходе "Коскиуско" я оставил Австралию».

На этот раз пароход и капитан были более приятными. На борту можно было даже проводить собрание. Но и это путешествие было полно опасностей.

«Когда мы огибали мыс Доброй Надежды, нас настигла сильная гроза. Молния ударила в пароход. Людей, работавших на палубе, швырнуло на пол. Медные плиты откатились далеко через планки, и их исковеркало. Кусочек от одной из них капитан Стюарт дал мне, и я храню его. В момент удара молнии людям, сидевшим на прикрученных к палубе стульях, показалось, что пароход глубоко опустился в море, а когда он снова поднялся, толчок был таким сильным, что шурупы от двух стульев сломались, а сидящие на них офицер и врач были довольно далеко отброшены и серьезно ранены. У меня сильно защемило ногу между стулом и столом, так что я не мог без посторонней помощи дойти до своей постели.

Когда оглушенных привели в чувство, пришел капитан и сказал; "Мистер Патон, совершите благодарственную молитву! Давайте все вместе благодарить Господа за чудесное спасение: пароход не горит и никого не убило!"

Но этот добрый человек сам пережил тяжелое потрясение. Только через три недели здоровье вновь вернулось к нему. Бог сохранил его, и под его руководством мы прибыли 26 августа 1863 года, то есть после трех месяцев и десяти дней, в восточно-индийский док в Лондоне.

Трудно описать словами радость встречи с моими любимыми родителями! Но текли и горькие слезы. Прошло пять лет с тех пор, как я прощался с ними, и рядом со мной стояла любимая жена. А теперь жена и сын покоились на Танне до дня воскресения! Еще печальнее была встреча с родителями моей жены в Колдстреме.

В Эдинбурге я должен был отчитаться миссионерскому комитету. Меня встретили радушно, разрешили говорить в церквах о миссионерской работе среди каннибалов и поручили посетить все воскресные школы. Мне открыли доступ в университет, чтобы обратиться к студентам, среди которых моя проповедь "Придите к нам и помогите!", напечатанная большим тиражом, нашла широкий отклик.

Некоторые духовные служители тоже откликнулись на зов миссии. Это старый, испытанный опыт каждой церкви: чем больше она благовествует, тем яснее видны благословения в ее деятельности.

В Шотландии также образовался союз детей воскресных школ, которые стали совладельцами наших пароходов. Копилка для нужд пароходов была почти в каждой семье.

Посещая наши церкви, я побывал почти во всех частях Шотландии. К несчастью, в одной поездке на север я попал в большие январские морозы, и мой организм,

привыкший к жаре, тут же отреагировал. К тому же все места в карете были заняты, и для меня осталось место только на наружной скамейке. Когда я сошел с нее, то совершенно не чувствовал своих ног. Ничего не изменилось, когда я несколько недель спустя приехал в Эдинбург и Глазго, где врачи серьезно заговорили об ампутации.

Была назначена поездка в Янверпуль. С невероятными усилиями я настоял на этой поездке. Мой друг, доктор Трахам, повел меня к врачу, который приобрел большую известность электромагнитным лечением. После долгого лечения и после того как самый сильный ток не произвел никакого действия, врач объяснил, что это состояние не поддается его методу лечения. Он отклонил его, но хотел еще попытаться лечить пластырем, обмотав им всю ногу. Он сказал, чтобы я пришел к нему через три дня, но ужасные боли заставили меня пойти к нему на другой день утром. Когда врач снял пластырь, то обнаружилось, что обмороженные участки кожи приклеились на пластырь. После перевязки мне пришлось долгое время находиться в покое.

Бог подарил мне выздоровление, но это время было для меня очень горьким и тяжелым испытанием. Еще и сегодня, хотя прошло двадцать четыре года, я вспоминаю об этих страданиях, когда мне приходится далеко идти пешком.

Хотя четверо новых миссионеров, последовавших моему призыву, не сопровождали меня, так как им нужно было еще прослушать медицинские лекции в аудитории и больницах, чтобы быть готовыми к миссионерской работе,– я все же не один возвратился в Австралию. Господь дал мне спутницу, которую Он наделил особыми дарами и качествами и чудными путями подготовил разделить мою судьбу и работу на Новых Гебридах.

Она с участием отнеслась к жителям Южного моря, жившим в незнании Бога, и охотно начала ту работу, которую Бог явно усматривал для нее. Ее брат тоже был миссионером и умер еще молодым на миссионерском поле. Ее сестра, жена служителя в Аделаиде, с большим усердием работала для нашей миссии, а отец благословенно трудился в районе Штирлинга.

Прежде чем в 1864 году покинуть Шотландию, я женился на Маргарет Витекросс. До сих пор она верно разделяет со мной работу, заботы и радости. Все дети, которых нам подарил Бог, предназначены для Него. Мы надеемся, что всем им Бог позволит нести Евангелие язычникам.

После того как мы отпраздновали брак в доме сестры моей жены в Эдинбурге, мы поспешили в дом моих родителей. Мой отец благословил нас и предал Господу. В последний раз я слышал этот голос, слова ходатайства и благословения, произнесенные им здесь, на земле. Когда я поднялся с колен и, глядя в глаза отца, сказал ему "До свидания", я знал, что на земле мы больше не увидимся. Отец и мать еще раз с радостным сердцем отдали нас на служение Господу, и мы попрощались с молитвой, чтобы их драгоценное благословение сопровождало нас на всех путях!

Часть четвертая

ЖАТВА НА АНИВЕ

Глава 14

Поселение на Аниве

На совместном совете миссионеры на Анетиуме согласились создать новые станции. Они отклонили желание Патона вновь поехать на остров Танну и решили, что миссионеры на Танну возвратятся только тогда, когда миссия утвердится на близлежащих островах, где живут более миролюбивые племена. Патону пришлось

согласиться пойти сейчас на остров Анива по соседству с островом Танна. С новыми миссионерами можно было возобновить работу старых станций и создать новые.

Возвращение и увеличение числа вестников Божьих послужило для скептически настроенных островитян лучшим свидетельством добрых намерений миссионеров и силы Божьей, чем множество слов, сказанных до сих пор.

«Мы плыли от острова к острову, чтобы ввести в курс новых помощников. Здесь вожди были приветливей, чем на Танне. Нам пообещали охрану даже на тех островах, где еще никогда не было миссионеров и где о них знали только по наслышке. Жители островов были готовы принять Господа, своего Спасителя, и нужно было продолжать работу.

По пути в Аниву из-за больших волнений на море нам пришлось зайти на несколько дней в порт Резолюция. Старый Новар, очень приветливый к нам, но все такой же колеблющийся, решил силой или хитростью оставить нас на Танне. Капитан сказал ему, что он мог бы отвезти мои вещи на остров, но совет миссии запретил это.

"Ну, тогда не надо везти ящики мисси на землю! – воскликнул вождь. – Бросьте их через борт! Мои люди поймают их прежде, чем они достигнут воды, и сами отвезут все в сохранности на землю!" Капитан заверил его, что и этого он не может сделать. "Ну, – продолжал Новар, – тогда покажите нам, что принадлежит мисси, а дальше делайте, что хотите".

Пожилой вождь был сильно удручен, когда увидел, что мы ни на что не соглашаемся. Он решил, что моя жена боится Танны, и попросил, чтобы мы посетили его. Когда мы исполнили его просьбу, он показал мне свои поля и попросил меня сказать моей жене: "У меня достаточно еды! Пока у меня будет диоскорея и бананы, вы не будете голодать!" Она ответила: "Я не боюсь голода".

Показывая нам своих воинов, Новар сказал: "Нас много-много! Мы сильные! Мы можем всегда защитить вас!" – "Я не боюсь!" – приветливо сказала моя жена. Потом он повел нас к тому дереву, на котором я провел ужасную ночь, и сказал: "Бог, Который защитил тогда мисси, будет всегда охранять вас!" Она сказала пожилому вождю, что у нее совсем нет страха, но теперь нас посылают на Аниву. Если Господь захочет, то Он приведет нас еще и на Танну. Новар, Аркурат и их друзья казались по-настоящему печальными, что мы не остаемся, и это глубоко тронуло мое сердце.

Только через несколько лет я узнал, что сказал Новар одному вождю с Анивы, который в то время был на Танне и которого мы обещали взять домой на нашем пароходе "Утренняя заря". Когда Новар понял, что его просьбы остаются безответными, он подошел к этому вождю, который был посвященным человеком, снял со своей руки знак достоинства вождя – белую ракушку, и привязал к руке аниванца, сказав при этом: "Обещайте мне у этого знака, что вы будете защищать моего мисси, его жену и детей, чтобы с ними не случилось ничего плохого. У этого знака я и мои люди будем мстить вам!"»

В ноябре 1866 года Анива стала моей родиной и осталась доныне. Бог и позднее не возвратил меня на Танну. Анива была определена для меня как рабочее поле и поле жатвы.

Этот остров – самый маленький из всей группы Гебридов. Он окружен поясом коралловых рифов, о которые с громовым шумом разбиваются волны, дико выбрасывая на землю пену. Но бывают и очень спокойные дни, когда море подобно зеркалу, а пена на рифах – серебряной каемке.

Там вообще нет гор, нет скал. Везде можно видеть красивые нагромождения кораллов в причудливых формах. Самая высшая точка едва достигает трехсот футов над уровнем моря. Почва неглубока, но все же хороша, особенно на южном конце острова, вблизи потухшего вулкана, где можно найти поля, богатые плодами.

Нехватка гор, притягивающих и сгущающих облака – причина большой и часто затяжной засухи. Влага от обильных дождей, которые иногда выпадают, как по мановению волшебной палочки, исчезает в легкой почве и в ноздреватых образованиях кораллов. Но влажный воздух и сильная роса орошают остров. Фруктовые деревья добывают из твердой почвы обильное питание. Коренные жители очень часто страдают одним из видов слоновой болезни из-за очень плохой питьевой воды и жаркого влажного климата их острова.

У Анивы нет порта, нет безопасного места для стоянки пароходов. При определенном ветре бывает, что какой-нибудь пароход бросает якорь за коралловыми рифами. Но это очень опасно. Подойти к берегу лодке позволяет одна-единственная лазейка между рифами.

Раньше я два раза бывал на острове. К тому же на Танне я видел некоторых аниванцев, когда они приезжали за продуктами. Они тогда не раз просили меня поселиться у них. Это было все, что я знал о своем новом месте жительства. Всему нужно было учиться заново, как когда-то на Танне.

Нас дружелюбно встретили при высадке на остров. Островитяне повели нас в хижину, которую они построили с помощью учителя из Анетиума. Это была, так сказать, деревянная рама, крыша и стены которой состояли из сплетенного сахарного тростника. Дверей и окон не было, были только отверстия в плетеной стене. Очень хорошо выглядел пол, который состоял из толстого слоя мелко разбитых снежно-белых кораллов. Вся хижина составляла одно помещение, которое должно служить церковью, школой и открытым местом собраний.

Мы отделили один угол занавеской, за которой положили постели и самое ценное, что имели. Многие из островитян приходили посмотреть, что мы едим. Один сундук служил нам в качестве стульев, другой – вместо стола. Варили под большим деревом, и при этом тоже были наблюдатели. До сих пор все было хорошо. Но дом стоял в тени коралловой скалы, а из своего печального опыта я знал, что в определенные времена года это место будет настоящим инкубатором для малярийных комаров. Конечно, мы были рады и благодарны иметь крышу над головой, пока не сможем построить себе дом в более подходящем для нас месте.

Аниванцы воровали меньше, чем таннезийцы, но обладали особенной привычкой просто требовать то, что им хотелось. Такое требование часто сопровождалось поднятым томагавком! То, в чем мы сами нуждались и поэтому не могли отдать, не должно было попадаться им на глаза, чтобы не дать им повод для воровства.

Печальный опыт с малярией в Танне побудил меня выбрать самое высокое место на острове для постройки миссионерского дома, где всегда был чистый воздух и куда имели доступ пассатные ветры. Но какое-то суеверие мешало людям продать нам этот участок, и мне пришлось купить место ближе к морю. Позднее оказалось, что в любом отношении оно оказалось очень удобным.

Когда мы начали копать землю, то наткнулись на остатки их ужасных каннибальских обедов. За нами наблюдали издалека и думали, что их боги убьют нас, так как мы ступили на это место и даже работали на нем. Когда с нами ничего плохого не случилось, наблюдатели подошли к нам и сказали, что, видно, наш Бог сильнее их богов.

Мы собрали на этом месте две корзины костей, когда копали погреб. Когда мы их закапывали в другом месте, многие подошли к нам. Я спросил: "Как попали сюда эти кости?" – и получил характерный ответ: "Мисси, мы же не таннезийцы! Мы не едим костей!"

Пока я помогал в строительстве дома, моя жена обычно по утрам оставалась с ребенком в хижине. Как-то в один день она была занята работой, когда услышала шаги в углу, отделенном занавеской. Занавеска открылась, и со словами на плохом английском; "Я не ворую! Не ворую!" вышел один из местных. Он часто страдал от страшных приступов ярости, и его все боялись. Одно мгновение он смотрел на мать с ребенком, а потом выбежал на улицу. Недавно в приступе ярости он убил мужчину из своего племени. В этой опасности Господь снова сохранил нас.

Хотя у меня все еще была надежда возвратиться на Танну, я все же хотел строить не временное жилище, а хороший дом, чтобы моему последователю тоже жилось хорошо. Две комнаты были разделены коридором. На двух сторонах дома над стеной из кораллов выступала веранда. Окна отворялись на веранду в виде дверей. Кладовка, ванная и мастерская находились под верандой. Дом был не очень красивым, но зато здоровым.

Позднее мы пристроили еще четыре комнаты. Веранда с широкой крышей давала помещениям прохладу и тень. При дополнительном строительстве мы значительно увеличили и углубили погреб. Он служил не только нам, но и многим беженцам местом

спасения, когда ужасные тропические ураганы швыряют, как перышки, деревья и разрушают дома.

Вначале было трудно общаться с людьми, но все же вскоре выявилось, что и здесь люди погрязли в темных пороках язычества. Если, к примеру, больным помогали мои лекарства, то люди твердо верили, что мы можем и вызывать болезни, так как их посвященные люди владели обоими искусствами. Обычно они искали моей помощи, когда было уже слишком поздно – только после того как испробуют все возможные суеверные методы и волшебства. Часто мне приходилось самому принимать лекарство, чтобы побудить к этому больного, но если после первого приема не наступало облегчение, было почти невозможно побудить их сделать это повторно. Несмотря на это, мы ежедневно звонили в колокольчик в знак того, что мы оба готовы дать совет и помочь.

Что в Танне называли нахаком, здесь, на Аниве, называли тафигету. Достаточно было посвященному человеку получить какую-нибудь вещь, к которой кто-то прикасался, чтобы через волшебство навлечь на него болезнь. Вследствие этого у жителей был постоянный страх, собрания и речи, если кто-то болел. У постели больного они совещались, кто же мог «сделать» болезнь. Если они находили виновного, тот должен был принести в подарок циновки, корзины и пищу. Если же больной умирал, то «виновнику» мстили, и не только ему, но и его семье, селу и даже всему племени. Таким образом между людьми редко был мир.

Первые шаги

«Некоторые аниванцы знали немного по-таннезийски. С ними я мог говорить, а у остальных мне пришлось снова, как и раньше, спрашивать бессчетно раз: "Таха тиней?" – "Что это такое?" и "Таха нейго?" – "Как тебя звать?" Все слова я записывал по звукам. Дома я записывал их в алфавитном порядке, а также где и как их услышал. Постоянно сравнивая эти замечания и повторяя звуки и слова, мы уже неплохо понимали друг друга, еще до того, как дом был построен. В это время произошло событие, которое Бог прямо использовал для Своих целей. Однажды я работал в доме и мне понадобились гвозди. Я взял обструганный кусочек дерева, написал на нем карандашом о своей нужде и попросил нашего старого вождя отнести дощечку моей жене. "Ну что вы хотите, мисси?" – спросил он. Когда я ответил, что дерево скажет, он сердито воскликнул: "Кто слышал когда-нибудь, чтобы кусок дерева разговаривал?" Но он пошел и с удивлением принес гвозди.

Я спросил, что сделала моя жена. Он ответил, что она посмотрела на дощечку, ушла и принесла гвозди. Я прочитал ему написанные слова и перевел на таннезийский, чтобы он что-то понял, и сказал, что мы также можем прочитать повеления Божьи в Его книге. Если он научится читать, то он так же сможет понять волю Бога, как моя жена поняла мою просьбу.

С того момента у вождя появилось желание читать Слово Божье на своем языке. Он с большим усердием помогал мне учить выражения на его родном языке и объяснял их значение. Когда позднее я начал работать над переводом отдельных частей Священного Писания, он был очень рад этому и оказывал мне неоценимую помощь. Чудо говорящей бумаги было для него таким же удивительным, как и чудо говорящего куска дерева.

Однажды из глубины острова пришел вождь с тремя сыновьями, чтобы посмотреть наше строительство. После возвращения домой один из молодых людей заболел, и, естественно, причиной этого был я. Мы все должны были умереть, если он потеряет сына. Бог благословил мое лечение – больной выздоровел. С тех пор этот вождь не только дружелюбно относился, но совсем прильнул к нам. Он приходил на богослужения, внимательно слушал анетимийских учителей, и когда я начал делать первые попытки проповедовать и часто употреблял таннезийские выражения, он переводил их на свой язык.

Мы все больше убеждались, что расположение дома было очень удобным. Со всех сторон холма был пологий спуск, деревья на нем давали тень, лес из кокосовых пальм простирался почти на три мили до берега. Недалеко от дома раскинули свои густые ветви каштаны, дававшие хорошую тень, и хлебные деревья росли недалеко от нас, но не так уж близко, так что дом был сухим и благоприятным.

Через несколько лет мы уже жили в центре очень красивого села. Церковь, школа, два дома для сирот, кузница, столярная мастерская, типография и столовая окружали нас. Все дорожки были посыпаны белоснежной коралловой галькой. Многие островитяне пытались подражать нам.

Островитяне не любили работать. Если они что-то делали, то только ради того, чтобы иметь рыболовные крючки или красный ситец. Но как только их сердец коснулось Евангелие, в них произошла огромная перемена. Они сразу начали строить своими неумелыми руками церкви и школы, но охотно и с радостью, без денег, ничего не требуя за свою работу, и все содержали в лучшем порядке.

Позднее нам пришлось для постройки больших зданий построить известковый завод. Это было самой трудной задачей. Вид кораллов, используемых для этого, находился довольно далеко от берега. Я бросил якорь моей лодки недалеко от этого места, туземцы стояли в воде и нагружали отбитые куски в лодку. Переправив двадцать-тридцать лодок камней на берег, мы перевозили и переносили их на холм. Глубокую яму заполняли дровами и засыпали ее кораллами, из которых после восьми-десяти дней горения получалась высококачественная известь. После нанесения на какую-либо поверхность она блестела, как мрамор.

Когда я оглядываюсь назад на все эти трудности, то радуюсь, что новым миссионерам будет уже легче. Сборные дома приходят готовыми из Австралии. Вместо тростниковых крыш нам привозят цинковые плиты. Специалисты полностью собирают такой дом, и не уезжают, пока все не будет готово. Значительные силы сберегаются для основной духовной работы. Такая помошь сохраняет здоровье, а часто и жизнь миссионера.

Мы тогда еще не знали, почему островитяне были решительно против продажи выбранного мной первоначально места и усиленно навязывали другое, которое я и купил. Когда позже старый вождь Намакей стал христианином, я слышал, как он рассказывал своим людям: "Когда мисси приехал к нам, мы увидели его сундуки. Мы думали, что у него там одеяла и материал, топоры, ножи и рыболовные крючки. Мы решили: пусть он живет у нас, а то мы не получим его вещи. Но он должен жить на посвященном поле. Наши боги убьют их, и мы поделим его вещи между собой.

И мисси построил свой дом на самом святом месте. Он и его люди живут там, и боги ничего им не делают. Он посадил там бананы, и мы сказали, что если они будут есть эти фрукты, то умрут. Наши отцы говорили нам, что даже наши "мудрые мужчины" умирают от того, что растет на посвященной земле. Бананы поспели, они ели их, и никто не умер. И мы поняли, что отцы сказали нам неправду. Наши боги не могут убить их. Их Бог сильнее, чем наши боги с Анивы».

Когда Намакей замолчал, я взял слово и сказал, что Бог все дал им, хотя они и не знали этого. Теперь Он послал меня к ним, чтобы я научил их, как они могут служить Ему и любить Его. Молча и с удивлением они слушали меня, когда я пытался рассказать им о Сыне Божьем, Который жил для них, умер за них и возвратился к Отцу. Я сказал им, что Он хочет спасти их и научить, как прийти к Нему, чтобы они вечно могли жить с Ним.

И тут старый вождь стал молиться – это была чужая, темная молитва, молитва на ощупь. Каждое предложение, каждая мысль имела языческий отголосок. Но все же это была искренняя трогательная молитва, крик бывшего каннибала, который почувствовал первые прикосновения Духа Святого, выразившиеся в словах: "Отец, Отец, наш Отец!"

Одежда, которую стали носить люди, изменила их внешне. А внутренняя их перемена произошла, когда они начали молиться и взирать на Всемогущего, Которого имели право называть "Отец, наш Отец". И хотя они были еще далеки от того, чтобы называться христианами, я знаю, что в небе радовался Иисус!»

Глава 15

Прогресс на Аниве

«Незадолго до нашего прибытия на Аниве был убит учитель из Анетиума. Повод для этого был обычным для людей, среди которых мы жили. Много лет назад в Анетиуме, когда остров был еще полностью языческим, убили группу аниванцев. Только один из них смог убежать в лес и на своей лодке при попутном ветре смог добраться домой. Он рассказал о происшедшем и этим вызвал в аниванцах чувство мести. Но так как у них не было возможности перевезти сразу много людей для сражения, то это дело было приостановлено. Между островами было сорок пять миль по морю. Они сделали глубокий разрез в земле и ежегодно обновляли его как знак, что отомстят при первой возможности.

Прошли десятки лет, пока анетимийцы приняли Христа. Они горели огнем любви и желали распространять Евангелие на других островах. С молитвой молодые христиане избрали по образцу церкви Антиохии двух учителей и послали их на остров Анива, чтобы евангелизировать его. Навалак и Немеян поехали туда, а другие – на острова Фотуна и Эрроманго. На Аниве им пообещали защиту и гостеприимство. Но когда они узнали, что эти учителя были именно из той части Анетиума, где убили аниванцев, то попросили двух таннезийцев убить их.

Немеян был убит и причислен к мученикам. Навалак был еще жив, когда вождь Намакей нашел его. Он отнес его в свое село и ухаживал за ним, как мог. Он уговорил своих людей и остальные племена согласиться, что искупление совершилось, и послал Навалака здоровым домой, где он еще живет как вождь. После этого Навалак часто был на Аниве, чтобы среди людей, хотевших убить его, прославлять Бога.

Долгое время Анива оставалась без учителей. Тогда Намакей послал своего представителя Тайя на Анетиум с вестью, что разрез в земле засыпан и на нем посажена кокосовая пальма. Они вновь обещали защиту всем, кто приедет на Аниву. Анетимийцы могли вновь послать учителей. Аниванцы искали дружбы с ними не из-за того, что хотели принять христианство, но чтобы получать за свои товары циновки, корзины, одеяла и железные орудия труда. Два учителя согласились поселиться на Аниве.

Этих двоих, Каигару и Нелмая, мы встретили там. Они со своими женами должны были целый день тяжело работать, как рабы у своих господ. В воскресенье они проводили богослужение на своем языке, который понимали единицы. Люди на собрании курили и разговаривали, а после этого устраивали праздник, для которого учителя с женами в пятницу и субботу должны были готовить пищу.

Конечно же, я сразу положил конец этим пиршествам, что сильно обозлило людей. Как только я научился разговаривать с людьми, то начал посещать их. Обычно сопровождаемый женой и учителями, я рассказывал им об Иисусе и старался привлечь их на наши богослужения, которые мы проводили в тени красивого старого дерева. Нази и некоторые другие слушали на расстоянии, но постоянно приходили с заряженными ружьями.

И хотя нам часто грозила опасность, все же мы знали, что находимся под мощной защитой Господа. Часто я падал на грудь островитянина, когда он грозно поднимал дубинку или свое ружье. С молитвой в сердце я так долго и крепко "обнимал" его, что он не мог ни ударить, ни выстрелить, пока его гнев не утих. Иногда я хватал рукой ствол винтовки, быстро поднимал нацеленное на нас дуло, и пуля не попадала в цель! Но порой и это было невозможно. Тогда оставалось только одно: серьезно и тихо молиться о защите и быть готовым предстать перед Господом! И Он всегда был верен обещанию: "Я не оставлю и не покину тебя".

Первыми, кто пришел и в ком виден был заметный рост, были наш вождь Намакей и Несвай, вождь соседнего племени. Катуа, его жена, была не менее заинтересована. Эти три каннибала стали под влиянием Евангелия любви обильными людьми, с которыми нас постепенно связала настоящая дружба.

Однажды Намакей принес свою маленькую дочь, единственного ребенка, Литси Зоре, что означает Великая Литси, и сказал: "Мисси, я хочу оставить Литси у вас! Воспитайте

ее для Иисуса". Это был умный ребенок, которому легко давалось учение. Скоро она стала для моей жены хорошей помощницей. Брат Намакея, который вначале хотел убить меня, через некоторое время тоже принес к нам свою дочь, Литси Зизи, что значит Литси Маленькая. Матери обеих девочек умерли. Дети рассказывали отцам и всем окружающим обо всем, что они делали и чему учились, и у людей все больше возрастал интерес к нам. Скоро все сироты были у нас на станции. Школа наполнялась. Мальчики помогали мне в работе, а моя жена стала матерью для девочек. Эти дети очень любили нас и первое время тайно предупреждали и спасали нас от опасностей.

Постепенно некоторые островитяне стали приносить своих идолов, говоря, что они не хотят больше поклоняться им, а желают молиться нашему Богу. Это было хитростью: оказывается, они хотели, чтобы я купил их! Когда я отказался сделать это и объяснил, что они должны из любви к Иисусу выбросить их, многие сердито уходили и не желали иметь ничего общего с новым Богом. Это опять привело к покушениям на нас.

Как-то ночью старый вождь разбудил меня и посоветовал осветить все комнаты и громко разговаривать с ним, чтобы сидящие в засаде вооруженные люди подумали, что нас много. Я слышал, что Намакей со своими людьми уже давно охранял станцию. Они наполнили все сосуды водой, так как опасались, что наши дома могут поджечь. Когда я вместе с ними захотел нести охрану, они посоветовались и сказали: "Если нашего мисси убьют в темноте, кого мы тогда будем охранять? Мисси должен ночью оставаться в доме!" Я согласился с ними, но приветствовал каждую группу вступающих на вахту и сердечно благодарил за заботу.

Как-то утром ко мне пришел один из местных, Тупа, в большом волнении со словами: "Мисси, я убил Теаполо! Теперь он мертв. Прошлую ночь он хотел поймать меня. Я позвал многих людей, и мы погнали его. На рассвете я убил его! Теперь у нас не будет больше злых людей и горя. Теаполо мертв!" Видя его сильное возбуждение, я пошел с ним к священной коралловой скале. Там он показал мне мертвое тело огромной красивой морской змеи и воскликнул: "Вот он лежит! Я убил его!" – "Это не дьявол, – сказал я, – это только мертвая змея. Он с горячностью ответил мне: "Это то же самое! Это Теаполо! Он делает нас злыми и плохими и виновен во всяком зле!"

Этот случай побудил меня к исследованию. И везде я слышал то же самое: они связывают проблемы и страдания человека со змеей. Все жители считали змею духом зла и называли ее Матишкишки. Они жили в рабском страхе перед ней, и все их старания были направлены к тому, чтобы умиротворить ее.

Это суеверие существует даже там, где нет змей. В таких местах духом Теаполо является большая черная ядовитая ящерица – кекрау. Женщины и дети громко вскрикивают при виде ее. На многих островах жители глубоко на руке вырезают очертания этой ящерицы. У некоторых можно увидеть вырезанную змею или птицу. Если линия разреза начинает заживать, они разрывают ее и отворачивают кожу так часто, что мясо выступает наружу, приобретая форму зверя, и высоко возвышается над рукой, – это выглядит ужасно. Становясь христианами, они одеваются и старательно прикрывают остатки своего темного язычества.

Ужасное дело в истории обычаев этих людей – убийство детей. Три таких случая я открыто разбирал после нашего прибытия сюда. Эти три семьи стали с Божьей помощью христианами и приняли к себе чужих детей.

Убить свою жену не считалось каким-то злом или чем-то необычным. Вскоре после нашего приезда молодой муж выстрелил в свою жену, потому что она надоела ему и не хотела оставить его. Она жила еще десять дней. Все это время он верно ухаживал за ней, но утверждал, что он прав. Его жена – его собственность, и он может делать с ней все, что хочет. Никто не наказал его, все уважали его так же, как и прежде! Его вторая жена начала приходить к нам. Позднее и он присоединился к нам.

Иногда я попадал в очень необычные ситуации из-за странных взглядов этих людей на некоторые вещи. Одна из самых удивительных была связана с похищением. Нелванг, которого все боялись и который испугал мою жену, долгое время ходил вокруг меня во время работы с томагавком в руке, чтобы обратить на себя мое внимание. На вопрос, хочет ли он что-нибудь, он наконец сказал: "Да, мисси! Если вы мне сейчас поможете, то я всегда буду вашим другом!" – "Я ваш друг, – сказал я, – иначе бы я не приехал сюда". –

"Да, – серьезно сказал Нелванг, – я знаю это, но вы должны мне помочь!"

На вопрос, в чем он нуждается, он быстро ответил: "Я хочу жениться, и для этого мне нужна ваша помощь, мисси". – "Нелванг, ты же знаешь, что все помолвки совершаются в детстве, – сказал я. – Как я могу разбить какую-то пару? За это люди уничтожат всю станцию и убьют нас". – "Нет, нет! Никто не узнает о вашей помощи. Только скажите, что бы вы сделали на моем месте".– "Ну это же очень просто: поищи девушку, которая тебе нравится, объяснись ей в любви и женись на ней, если она любит тебя". – "Именно это я и не могу сделать!" – "У тебя есть любимая девушка?"

Нелванг открыто ответил: "Я люблю Вакин, вдову одного вождя. Детская помолвка не нарушается. Я знаю, что и она любит меня. Я просил ее стать моей женой, и в ответ она дала мне свои сережки. Этого мне достаточно". – "Почему же ты не женишься на ней?" – "Это не так просто, – сказал Нелванг. – В ее селе тридцать молодых мужчин и каждый из них давно взял бы Вакин в жены, если бы не знал, что остальные двадцать девять тут же убьют его! Все тридцать убьют меня, если я возьму ее, мисси. Я хочу убежать с ней и скрыться, пока вы успокоите этих мужчин. Вакин и я будем лучшими друзьями для вас, мисси".

Я пообещал сделать все, что в моих силах. На следующий день Нелванг исчез. Скоро люди заметили отсутствие Вакин и поняли, что это взаимосвязано. В обоих селах поднялся ужасный шум. Мужчины уже были готовы применить обычную месть – разрушить хижины Нелванга и Вакин и опустошить их поля. Я попросил рассказать мне, в чем дело, и затем сказал: "Вы ей оказали столько добра, а она убежала? Значит, она очень неблагодарная и вы должны радоваться тому, что это обнаружилось сейчас, а не после того, как она стала бы женой кого-то из вас. Это было бы намного хуже! Зачем вы из-за нее поднимаете такой шум? Пусть эти двое идут своим путем! Если она такая, как вы говорите, то она получит свое наказание. Пожалейте хорошие деревья, спокойно идите домой и живите в мире".

"Мисси правильно говорит! Нелванг и Вакин накажут друг друга! Посмотрим, что из этого выйдет! Она не стоит того, чтобы жалеть о ней!" И все спокойно разошлись по домам.

Прошло три недели, когда Нелванг снова появился у меня. На мой вопрос, откуда он пришел, он воскликнул: "Этого я не могу вам сейчас сказать. Мы хорошо спрятались в лесу. Я пришел, чтобы исполнить свое обещание. Я буду работать для вас, а Вакин будет помогать миссис Патон. У меня здесь неподалеку земля, где я поселюсь, когда будет возможно. До тех пор мы должны жить под вашей защитой, мисси. Можем ли мы завтра прийти к вам?" Обрадованный за полученное разрешение, он дрожащей рукой пожал мне руку и умчался прочь.

Так Бог послал нам хороших помощников. Вакин скоро научилась держать дом в порядке и стирать. Нелванг весь день работал со мной. Они оба, как тени, ходили за нами, частично из страха от нападения. У них всегда было при себе оружие для защиты от врагов. Через несколько недель, когда они приняли Иисуса в свое сердце, я сказал, что они должны пойти в церковь и показать, что они принадлежат друг другу. Они оба пришли и сели как можно ближе ко мне. Вакин оделась, чтобы все увидели, что она христианка, и с этой целью обвешалась множеством побрякушек. Она так смешно выглядела, что мне пришлось прилагать усилия, чтобы оставаться серьезным. Но день закончился мирно. Оба были счастливы, и я благодарил Бога, что Он предотвратил кровопролитие.

С тех пор у меня был своего рода телохранитель, а у жены – верная помощница. Вакин научилась читать и писать и со временем стала хорошей учительницей воскресной школы. Она научилась петь и вела хор, когда моя жена не могла быть в церкви. В общем, она все могла и на нее можно было положиться. Нелванг верно выполнял свое обещание – никогда не оставлять меня. Он действительно стал мне другом. Все годы он сопровождал меня на всех путях, острым глазом замечая каждую опасность, готовый оградить меня от нее.

Однажды два вождя, Намакей и Несвай, сказали мне: "Мы теперь христиане. Мы не должны больше воевать. Мы хотим наказывать за убийство и другие преступления". И когда двое молодых людей сделали попытку убийства без всякой на то причины,

собрались вожди и объяснили всем жителям, что каждый, кто убьет или только сделает попытку к убийству, должен быть приговорен к смерти в открытом собрании. После этого восстановились порядок и безопасность.

Однажды, когда группа возмутителей, чтобы показать пренебрежение к нашему воскресенью, хотела вызвать ссору, один мужчина, которого только что сильно избили, сказал: "Я отдаю свою месть Богу!" Это было победой и большой радостью.

Но те, кто еще держался язычества, не успокаивались. Снова возникали беспорядки – поджигали хижины тех, которые были расположены к нам. Но и тогда потерпевшие были настроены мирно и не вступали в ссору, держась поближе к нам и защищая нас.

Противники решили обратить свое оружие против нас и разрушить станцию. Тогда выступил один из посвященных мужчин и сказал им: "Новар, самый большой вождь на Танне, дал мне эту ракушку, когда увидел, что мисси не разрешено остаться на их острове, и взял с меня обещание перед этим знаком его величия и силы, что я буду защищать мисси. Он поклялся прийти со своими воинами и наказать нас, если что-то плохое случится с супругами Патон или его детьми".

Это изменило настроение людей, и вновь наступил прежний покой».

Вода для Анивы

«А теперь я должен рассказать о том, что с Божьей помощью помогло выбить последнюю опору у язычества на Аниве. Я уже упоминал, что на этом острове из-за отсутствия высоких гор была нехватка воды. Хотя в период дождей – с декабря до апреля – выпадало много осадков, они с невероятной быстротой исчезали в ноздреватой каменистой почве. Поэтому несколько месяцев местные жители пили очень плохую воду. Лучше всех утоляет жажду кокосовое молоко. Сок незрелого кокосового ореха очень напоминает лимонад. Сажают также много сахарного тростника и жуют его, когда хочется пить. Свежая вода является редкостью и служит особым деликатесом.

На Аниве нет ни одного источника, речки или озера, поэтому я решил попытаться выкопать колодец. У меня не было никаких научных познаний, где копать его. Я просил Господа направлять мои шаги и благословить мои старания. Может, и это дело послужит для прославления Его Святого Имени.

Однажды я сказал двум старым вождям: "Я хочу глубоко в земле выкопать яму. Может, наш Бог даст нам найти воду для питья". Они с удивлением и сожалением посмотрели на меня и сказали: "Ах, мисси, подожди, пока пойдет дождь. Мы соберем вам столько воды, сколько сможем".

На мои доводы, что при длительной нехватке свежей воды нам придется оставить остров из-за болезней, Намакей жалобно попросил: "Мисси, останьтесь здесь! Дождь приходит только сверху! Как вы можете верить, что дождь может прийти из земли?"

Когда я заверил, что у меня на родине текут источники из земли, он глубоко опечалился и сказал: "Мисси, у вас больная голова, иначе вы не говорили бы такие странные слова. Я прошу вас, пусть люди не слышат, что вы ищете дождь в земле, а то они никогда больше не будут верить вашим словам о Боге и об Иисусе".

Для колодца я выбрал место недалеко от станции, мимо которой все проходили, идя к нам. Когда я принялся за работу, добрый старый вождь поставил несколько своих людей поочередно охранять меня, сказав им: "Так происходит со всеми, кто сходит с ума. Никто не может отговорить его не делать того, что он задумал! Хорошо охраняйте мисси! Для него будет тяжелее работать с лопатой, чем писать".

На самом деле, я вскоре устал и позвал на помощь молодых людей, пообещав им за три полных ведра земли один рыболовный крючок. Это помогло мне быстро продвинуться в работе, и прошло совсем немного времени, как мы углубились на двенадцать футов. Но увы, на следующее утро я увидел, что одна стенка обрушилась и сильно завалила яму. "Вот видите, – сказал Намакей, – если бы вы были в яме, то умерли бы в ней. И если бы пришел корабль королевы Тории и господин спросил, где вы, то они

не поверили бы нам, если бы мы показали место, куда вы спустились. Мисси, он взорвет весь остров! Вы копаете могилу себе и нам. Оставьте же, пожалуйста, эту бессмыслицу!"

Я объяснил ему, что это следствие моей неосторожности, что я не учился этому делу, и теперь попробую сделать лучше. Я поискал два дерева, чтобы ветви их упирались друг в друга, поставил их в яму и подпер их деревяшками к стенкам. Когда я после этого начал искать помощников, никто не соглашался. Даже за десять рыболовных крючков никто из них не спустился бы вниз! Они только согласились поднимать на веревке наполненные мною ведра.

Так я спускался все ниже и ниже. Колокольчиком я давал знать, когда нужно было поднимать ведро. Лестницы уже не хватало. Иногда меня охватывало уныние, но твердая вера в Бога и Его помощь поддерживали меня. И все же иногда приходила мысль: а что, если ты после всех стараний найдешь только соленую воду? Но я копал с надеждой, и как-то вечером я смог сказать Намакею: "Я уверен, что скоро будет вода. Приходите завтра все сюда". Он же, испуганный, еще раз пытался остановить меня: "Да, мисси, если вы найдете воду, то упадете через эту яму в море, и вас акулы съедят. Это будет конец всего, и вы подвергнете нас большой опасности".

На следующее утро я на рассвете был уже на месте. Я пробурил небольшое отверстие в середине ямы и, когда немного углубился, то вода хлынула мне навстречу и стала наполнять яму. Это была сладкая вода, немного солоноватая, но очень вкусная даже сейчас – мутная и с землей! "Божий колодец!" Я поднялся наверх и нашел у края колодца вождей в большом волнении. Это событие было подобно тому, когда Моисей ударил по скале и молился о воде. Я бросился на землю, благодарил Господа за Его чудесную помощь и воздал Ему славу.

За это время вода стала чище. Я спустился вниз с сосудом, наполнил его и, поднявшись наверх, был тут же тесно окружен толпой. Я протянул его Намакею. Он встряхнул кувшин, чтобы увидеть, что вода плещется, как любая другая. Наконец он попробовал ее, подержав во рту, прежде чем проглотить, и воскликнул: "Дождь! Дождь! Да, настоящий дождь! Но как это возможно?" – "Бог дал нам этот подарок из земли, как ответ на наши молитвы и работу. Посмотрите сами, как она бурлит".

Но никто не мог осмелиться посмотреть вниз, это было слишком удивительным для них, и они боялись увидеть там что-то страшное. Но постепенно любопытство все же взяло верх, и, взявшись за руки, они образовали цепочку, чтобы спасать смотревшего вниз. И так один за другим смотрели вниз. На лице каждого, кто видел таинственный Божий дождь, можно было видеть чрезвычайное удивление. Люди все больше и больше притихали, пока не наступила полная тишина, которую прервал старый вождь: "Мисси, чудесны дела рук вашего Бога! Никто из наших богов так не помог нам! Но будет ли она так всегда выходить из земли? Или вода, как облака, будет приходить и уходить?"

Я ответил, что надеюсь на то, что подарок Божий будет долговременным. "Хорошо, – сказал Намакей, – но эту воду будет пить только ваша семья или все смогут пить ее?" – "Вы и все, кто живет на острове, могут пить и брать домой, сколько вам нужно. Я надеюсь, что ее хватит всем: чем больше черпаешь из колодца, тем вода будет свежее. Так бывает со многими дарами нашего Господа, будем и за этот дар прославлять Его Имя".

Когда вождь услышал, что колодец доступен для всех и понял, каким богатством для острова является эта вода, он сказал: "Ну, мисси, чем мы можем дальше вам помочь?" – "Вы помните, – ответил я, – что у нас уже один раз обвалилась стена. Сейчас эта опасность уже не так велика, так как я после этого сделал скос. Но чтобы у нас всегда была вода, колодец нужно выложить коралловыми блоками. Пусть люди принесут их, сколько смогут".

Все тут же убежали и через короткое время собрали много материала. Я спустился вниз, чтобы почистить дно, а те, кто были наверху, веревками вытащили в ведрах весь ил. Затем в крепких ящиках они осторожно спускали камни, а я укладывал их. Когда фундамент был готов, я стал обкладывать стены. Это была тяжелая работа, и когда мы дошли до двадцатифутовой отметки, я подумал, что остановка работы не принесет вреда, и сказал, что через неделю мы продолжим работу. Я слишком устал, все руки были порезаны острыми блоками, и я уже просто не мог работать.

Намакей предложил, чтобы я вообще не работал своими руками, а только руководил работой. Они все хотели делать так, как я скажу. Так местные жители, которые несколько лет назад вообще не желали работать, теперь радостно и усердно закончили этот труд! Я попросил поднять стены повыше, сделал крышку и привязал к журавлю ведро.

Уровень воды поднимался с приливом и опускался с отливом, но вода всегда была прозрачной, чистой и очень вкусной.

Когда после этого мы особенно страдали от ужасной засухи и жары, один пожилой человек сказал: "Мисси, без колодца мы бы все умерли". Удивительно, что некоторые островитяне шесть или семь раз пытались копать колодец, но без успеха. Они попадали на кораллы, которые не могли пробить, а если и находили воду, то она была соленой. Добрые люди так объясняли это между собой: "Мисси не только употреблял железные орудия труда, но он еще и молился своему Богу. Мы научились копать и полоть, но еще не научились так молиться!"

Когда вокруг колодца расчистили большую площадь, Намакей сказал мне: "Мисси, я думаю, что в воскресенье смогу быть полезным вам". – "Конечно, – ответил я, – но позаботьтесь, чтобы все люди пришли послушать вас". С быстротой молнии распространилась весть, что в следующее воскресенье на богослужении Намакей тоже будет говорить, как мисси, и все устремились, чтобы послушать его.

Служение я начал с молитвы и проповеди, а затем попросил вождя сказать слово. Он встал, дрожа от волнения, и с сияющими глазами сказал:

"Друзья Намакея, мужчины, женщины и дети Анивы, послушайте меня! С тех пор как мисси живет с нами, он рассказал нам о многих чудесах, которые мы не можем понять. О многом мы думали, что это неправда. Но из всего, что он говорил нам, самым невероятным нам показался дождь из земли. Мы говорили друг другу, что этот человек больной. Он сумасшедший! Но мисси дальше молился и работал. Тяжело, очень тяжело он работал и говорил, что его Бог даст ему воду. Был ли он сумасшедшим? Разве он действительно не получил воду? Мы смеялись над ним, но в земле все равно была вода. Мы смеялись и над другими вещами, о которых мисси говорил нам, потому что не могли видеть их. Теперь же я верю, что все это правда – то, что он говорит нам о Боге, хотя мы Его и не видим. Однажды мы Его обязательно увидим, как мы увидели воду, которая выходит из земли. Мой народ, мой народ с Анивы, все изменилось с тех пор, как Слово Божье пришло к нам. Кто видел когда-нибудь другую воду, чем с облаков? А теперь она приходит из земли! Друзья Намакея, все силы мира не могли бы заставить поверить нас воде из земли, если бы мы сами не увидели и не попробовали ее! И так как Бог сделал для нас невидимый дождь видимым, теперь я знаю, что Он здесь! – он ударил себя в грудь. – Я знаю, что Бог действительно есть – Невидимый, о Котором мы не знали, о Котором нам рассказал мисси. До сегодняшнего дня вода была невидимой для нас, потому что наши глаза не могли смотреть через землю и кораллы. Но все же она была там! Теперь я, ваш вождь, верю твердо и непреклонно, что когда я умру, и земля, и пыль не будут больше печалить мои глаза, моя душа увидит Бога, как мисси учил нас! С этого дня я буду молиться Богу, Который подарил нам воду из земли. Наши боги не смогли сделать этого. Теперь я последую одному Богу, Который подарил нам мисси. Кто думает так, как я, тот должен принести своих идолов, перед которыми дрожала Анива, и положить их в руки мисси. Мы их разобьем и сожжем, и мисси должен каждый день говорить нам о Боге, Который отдал Своего Сына на смерть, чтобы мы могли прийти к Нему. Мисси часто проповедовал нам об этом, а мы высмеивали его. С сегодняшнего дня мы верим Богу. Если Он дал нам воду, почему же Он не мог дать нам Своего Сына? Намакей принадлежит теперь Богу!»

Эта пламенная и сказанная простым языком островитян речь быстро разрушила основы язычества. Уже после обеда пришел старый вождь и с ним многие, чтобы освободиться от идолов. Незабываема бесконечная радость последующей недели! Люди приносили горы вещей, которые они до сих пор так высоко чтили и которых боялись, – некоторые со слезами, другие с вдохновением и с именем Божьим на устах и в сердце. Все, что было из дерева, сжигалось. Каменные картины мы топили далеко в море. Камни зарывали глубоко в землю.

Я не хочу сказать, что во всех случаях это делалось от чистого сердца. Некоторые хотели продать предметы своего поклонения. Когда я отклонил это, одни все же отдавали, другие забирали их с собой. Но постепенно возвращались и они, потому что все усердно приходили, чтобы слушать и учиться, и по мере того, как росли их познания, они понимали, что им не нужны идолы.

Все начали одеваться. Одним из первых изменений в домах христиан была молитва перед едой, как они видели у нас. Также они проводили у себя дома утренние и вечерние часы молитвы. Без сомнения, их молитвы часто были удивительными, и к ним были примешаны остатки их суеверия. И все же они были направлены к Тому одному, Невидимому, Дух Которого и дальше будет работать над их душами.

Но самым большим изменением было соблюдение воскресного дня. Одно село за другим присоединялись к тому, чтобы не делать в этот день обычной работы. Они называли его Божьим днем. Субботу скоро стали называть днем приготовления пищи, так как готовили и на воскресенье.

Первые плоды нового порядка наполняли наше сердце радостью. Все жители, молодые и старые, а часто и три поколения сразу, усердно учились читать и писать. Воровство и другие преступления не наказывались потерпевшими томагавком или мушкетом, но каждое дело рассматривалось вождем и его верными людьми, которым все подчинялись. Все стало новым под Божьим благословением и с Его помощью. Хижины и поля были в безопасности. Островитяне теперь спокойно могли все оставлять и уходить из дому. Раньше они все лучшее, что имели, всегда и всюду носили с собой, чтобы оно не было украдено, даже если это добро было квочкой с цыплятами или другими неудобно транспортируемыми предметами.

У вождей увеличилась работа – все расследования и суды были отданы им. Постепенно опытным путем выработали своего рода закон. Язычество исчезло, и, хотя мы никого не заставляли посещать наши богослужения, все-таки приходили многие, чтобы послушать об истинном Боге и поклониться Ему. Господь победил».

Глава 16

Светлее с каждым днем

«Это было большим событием, когда была напечатана моя первая книга на аниванском языке. Даже ради радости старого вождя Намакея стоило приложить огромные усилия для напечатания книги. При нашем изгнании из Танны мой пресс был полностью уничтожен. Мне передали пресс из Эрроманго, который принадлежал убитому миссионеру Гордону. Но запас букв был так мал, что я за один раз мог набрать и напечатать только четыре страницы. Притом многое было поломано, чего-то не хватало, и мне с большим трудом удалось заменить детали из железа и дерева. Но наконец маленький пресс заработал, и я отпечатал сборник песен, часть книги Бытие и некоторые книжечки на языке Анивы, а также маленькую книжечку для второго миссионера Гордона, работающего на Эрроманго, на языке его молодых христиан.

Намакей очень много помогал мне при переводе, когда я еще плохо знал их язык. Первая книга состояла из коротких частей Священного Писания, чтобы дать им представление о сокровищнице Божьей истины и любви. Намакей каждый день приходил во время печатания с вопросом: "Мисси, книга готова? Она может говорить?" Когда же я наконец смог с радостью ответить "да", он спросил: "Она действительно говорит на моем языке?" Тогда я прочитал ему из этой книги. Сияющий от радости, он воскликнул: "Действительно, она говорит! Она говорит на моем языке! Мисси, дай мне эту книгу!"

Когда я дал ему книгу, он схватил ее, осмотрел со всех сторон, заглянул внутрь и прижал к груди, а затем с разочарованием отдал назад. "Мисси, я не могу сделать ее говорящей! Мне она никогда не будет говорить!" – "Вы еще не можете читать, – ответил я. – Но я могу вас научить, тогда книга будет говорить вам так же, как и мне!" – "О мисси, дорогой мисси, научите меня, чтобы она и ко мне говорила!"

Он так напряженно смотрел в книгу, что я понял, что у него к старости ухудшилось зрение. Я поискал очки, которые он со страхом дал одеть. Он боялся, что в них заложено какое-то волшебство. Посмотрев через них, он воскликнул: "Мисси, теперь я понимаю, что вы рассказывали про Иисуса, Который снова дал глаза слепому. Слово о Христе пришло теперь и на Аниву! Он послал и мне это стекло, и я могу видеть так, как видел, когда был еще ребенком! Мисси, а теперь сделайте книгу говорящей".

Я вышел с ним на улицу и написал большими буквами на песке: А, Б, В и показал, как нужно произносить эти звуки и как они выглядят в книге. Дав ему задание найти их на первой странице, я оставил его. Через некоторое время он снова пришел ко мне: "Я всех их нашел, дайте мне еще три!"

С такой же ревностью он учил все дальше и дальше. При этом он просил читать ему, и прежде чем он научился хорошо читать, он уже многое знал наизусть. Потом он стал читать другим и часто говорил: "Вы думаете, что учиться тяжело? Будьте смелы и попробуйте! Если я, уже старый, научился читать, то и для вас это возможно!" Так Намакей оказал мне верную и лучшую помощь в обращении Анивы к Богу.

Большое влияние имела и музыка. Я сам в этом направлении ничего не мог сделать, так как не имел музыкального слуха. Но моя жена имела хороший голос и слух, а также музыкальное образование. Она вела пение дома и в церкви. Эта часть богослужения, без всякого сомнения, сразу нашла отклик в сердце каннибалов и привлекала к нам, когда они еще плохо понимали Слово Божье и молитву.

Например, у жены Намакея был суеверный страх к миссии, и она никогда не сопровождала мужа. Когда же она однажды все-таки пришла к нам, то встала вдали – она ни за что не хотела войти в наш дом – и тут услышала, как моя жена играла на фисгармонии и пела песню. Забыв свой страх, она приближалась все ближе и ближе восклицая: "Авай кай, мисси!" Таким возгласом аниванцы выражают свое восхищение чем-то чудесным. Когда она после этого убежала, мы подумали, что страх снова победил в ней. Но вскоре она возвратилась с целой группой женщин, которые тоже должны были услышать поющий ящик.

С того времени ее отношение к нам изменилось. У нее, как и у мужа, тоже ухудшилось зрение. Мы подобрали ей очки, она научилась читать и шить, и, хотя больших успехов в этом не достигла, ее влияние на других женщин и девушек было огромным.

Вначале я пытался воспитать в них самостоятельность. Когда мы смогли понимать друг друга, я делился своими планами и делами с интересующимися. Когда все больше людей стали приходить на богослужения, я стал говорить, что строительство церкви должно быть общей работой, так как она всем принесет благословение. Они должны были сами договориться, что будут делать и как разделят между собой работу и заготовку материалов. Всю работу надо было делать бесплатно. Я предложил им все хорошо обдумать и начинать работу только тогда, когда они будут уверены, что закончат ее. С моей стороны будут гвозди, которые мне уже привезли из Сиднея, и канаты из кокосового волокна, которые я хотел купить в Анетиуме.

Скоро весь остров пришел в движение. Одно собрание с длинными речами следовало за другим. Невиданная ранее приветливость царила между различными племенами. Они подружились на почве совместной работы. В том, чтобы построить церковь, были едины все, кроме одного вождя. Мужчины искали подходящие деревья и валили их. Женщины и дети заготавливали листья тростника для крыши.

Строение было простым, но солидным и крепким. Все соединения были скреплены гвоздями и связаны между собой ввиду тропических ураганных вихрей. Во всем царило единство. Не случилось никакого несчастья. Единственный опасный случай закончился благополучно. Молодой человек упал с высоты, но тут же вскочил со словами: "Я работаю для Бога! Он сохранил меня. Я здоров!" Через несколько минут он уже стучал молотком наверху.

Но всеобщая радость о построенной церкви была быстро разрушена. Ураган страшной силы сравнял наш дом с землей! Все были печальны, пока один из вождей не сказал: "Не будем плакать, как мальчики, у которых поломались стрелы. Давайте построим еще более крепкую церковь для Бога!"

Вначале мы использовали всю рабочую силу на ремонт хижин и заборов, спасали с

полей то, что осталось. Затем в назначенный день мы собрались, чтобы просить Божьего благословения на новое строительство церкви. Работа снова была поделена между всеми. Выбрали еще пригодный материал, и снова началась усердная кипучая деятельность.

И на этот раз один из вождей не участвовал в работе. Тогда я пошел к нему и сказал, что церковь принесет благословение и его людям, но другие племена будут потом упрекать его и возникнет ссора. Он протянул мне руку и пришел на помощь со своими людьми. Когда нам понадобился крепкий ствол для стропильной фермы, он принес со своими людьми балку, которую взял со своей хижины, заменив ее другой. Принесенная балка была черной от дыма, и многие не хотели вкладывать ее среди новых, чистых. Меня же обрадовала его жертвенность, и я уговорил их вложить эту балку.

Еще раз грозили вспыхнуть беспорядки из-за убийства молодой пары. Их убил разгневанный молодой человек. Все стали приходить на работу с оружием, но мне удалось успокоить людей. Вторая часть церкви строилась буквально с оружием в руках. Вновь построенная церковь была меньше и ниже и выдержала не один ураган.

Одно из последних покушений на мою жизнь имело добрые последствия. Ноурай из племени вождя Нази, убивший молодую пару, хотел прикладом ружья убить и меня. Я смог уклониться от удара и держал его, пока пришла помощь. Он убежал в лес. Окружившим меня людям я сказал: "Если вы не примете меры, чтобы эти нападения прекратились, то я оставлю вас и перейду на другой остров, где я смогу спокойно работать для Иисуса".

На другой день они пришли вооруженные и просили меня пойти с ними. Я пошел, чтобы предотвратить кровопролитие. Вооруженный Ноурай со своими товарищами ждал меня в лесу. Они отступили, когда увидели так много людей.

Придя к своему племени, они собрали на площади собрание, и полились потоки речей. Оратор нашего вождя, Тайя, воскликнул: "Вы думаете, что мисси один и вы можете делать с ним, что хотите и что вам нравится? Нет! Мы теперь все люди мисси. Кто его тронет, будет иметь дело со всеми нами! С сегодняшнего дня знайте об этом!"

Основной гнев пал на "мудрого мужчину" села, который угрожал, что наведет ураганы и болезни, если нас оставят в покое. Его жена, сильная высокая женщина, рассердившись на него из-за того, что он стал причиной этих беспорядков, схватила огромный лист кокосовой пальмы и концом стебля немилосердно ударила по спине мужа со словами: "Я тебя вразумлю! Ты больше не будешь пытаться делать никакого урагана!" Она была, как и многие женщины на Аниве, малайка. Если бы подобное сделала жительница Танны или Эрроманго, ее бы тут же убили. Здесь же необычная сцена вызвала смех.

Я вмешался и сказал сердитой женщине, чтобы она перестала бить мужа, ведь она же не желает убить его. Он уже достаточно был опозорен! Наши люди потребовали и получили от него торжественное обещание, – не настраивать людей против нас и не возбуждать суеверие людей своими угрозами. Все это имело длительный успех. Наши люди познали силу мирного урегулирования проблем. Наши враги были обескуражены и вели себя спокойно.

Незабываемым остался случай, происшедший в то время радостей и тревог. Я заметил, что уже несколько дней никто из островитян не приходит к нам. На мой вопрос, что это значит, Намакей ответил, что Воувили, молодой драчливый юноша, наложил табу на миссионерскую станцию, то есть запретил ее посещение. Он обещал застрелить всякого, кто переступит круг, который он обвел вокруг нас. Я попросил вождя созвать людей и спросить их, хотят ли они, чтобы я остался. В таком случае они должны объяснить, что они хотят делать. Все сказали: "Мы все недовольны Воувили. Мисси, уберите это табу. Мы вас поддержим и защитим".

Я вышел во главе толпы людей. Табу состоял из тростниковых палок, воткнутых в землю на некотором расстоянии вокруг станции. На каждом были особенным образом привязаны листья и веточки. Местные жители очень боятся разрушать эти знаки, так как следствием этого должны быть болезни и смерть. Поэтому я взял ответственность на себя и сам уничтожил все палки. Они обещали наказать каждого, кто попытается снова их поставить и кто будет мстить за их удаление.

Вскоре пришел Воувили и когда я работал на улице, разбил томагавком часть забора,

окружающего станцию. Затем вырвал многие кусты бананов – это были знаки вражды против меня и моей семьи. Старый вождь, который почти не спускал с меня глаз, пришел со своими людьми для защиты. Я объяснил людям, что вражду нужно прекратить. Когда все едины, тогда они сильны.

Из страха, что я оставлю остров, они были готовы поймать Воувили и наказать его. "Что нам сделать с ним? Убить?" – "Ни в коем случае!" – ответил я. "Сжечь его дома и уничтожить поля?" – "Нет!" – "Связать его и побить?" – "Нет!" – "Посадить его в лодку и выкинуть в море?" – "Нет!" – "Мисси, это наши наказания. Другие не помогут ему".

"Прикажите ему, – сказал я, – чтобы он своими руками и без посторонней помощи восстановил мой забор и все, что он поломал. Пусть снова посадит поврежденные кусты бананов. А затем пусть пообещает, что он больше не причинит нам никакого зла. Этого достаточно для меня".

Эта идея, казалось, понравилась им. Когда говорившие со мной передали остальным наш разговор, все громко рассмеялись и воскликнули: "Хорошо! Очень хорошо! Давайте последуем слову мисси".

Нелегко было поймать Воувили. Но когда это удалось, его привели на открытое собрание, строго предупредили и объявили ему наказание. Хотя он был очень удивлен таким наказанием, ему все же пришлось подчиниться, так как он видел, что все собравшиеся настроены очень решительно.

"Завтра, – сказал он, – я все исправлю. Я больше никогда не выступлю против мисси. Он говорит доброе".

На следующий вечер все было исправлено. Насмешки и шутки своих товарищей он переносил молча. Когда все опять стало чистым и красивым, юноша, не говоря ни слова, ушел домой. Я бы охотно поговорил с ним, но посчитал, что лучше, если он некоторое время поразмышляет над своим проступком и наказанием. Я надеялся, даже чувствовал, что Воувили стоит перед серьезным поворотом в жизни, что Дух Святой начал работу над его душой, блуждающей в темноте. Мы стали ежедневно молиться об обращении этого молодого вождя, потому что до сих пор все наши старания помочь ему были бесполезными.

Прошло много времени. Никаких признаков, что наши молитвы были услышаны, не было видно. Но однажды, когда я с помощью двух мальчиков тянул с берега тележку с кораллами, Воувили подбежал ко мне, схватил ремень и положил его на свое плечо со словами: "Мисси, эта работа слишком тяжела для вас! Давайте я помогу вам!" – и легко подвез мою тележку к станции. С благодарностью в сердце я поднялся за ним по склону холма. Казалось, Воувили буквально стоит перед взятием на себя ига Иисуса Христа.

Есть только один вид возрождения – через и посредством Духа Божия. Но очень по-разному совершается покаяние, обращение и первый шаг навстречу Богу, который показывает, на чьей стороне стоит человек. Возрождение – это дело Духа Святого в душе и сердце человека, и поэтому всегда и во всех случаях один и тот же таинственный процесс приводит людей к Богу! Покаяние же приводит в действие волю человека, и едва ли совершается в двух случаях совершенно одинаковым образом. Методы обращения очень похожи и все же так различны, как два человеческих лица.

Вначале нам не верилось, что Воувили следует за Иисусом Христом. Но его угрюмое лицо стало дружелюбным и светлым. Его жена пришла к нам. Она попросила книгу и одежду и сказала: "Воувили послал меня. Его ненависть против служения Богу прошла. Мне разрешено посещать школу и церковь. Он тоже придет. Он хочет научиться от вас быть сильным и смелым в Боге, как вы, мисси."»

Когда наша первая книга была готова, мы могли начать работу по созданию школ в каждом селе острова. Мы с женой с самого начала заботливо учили всех, кто жил в нашем доме, и теперь у нас были те, кто мог нам помочь. Опыт показал мне, что в начале обучения местные учителя имеют большой успех. Каждое село строило хижину для школы, которую в воскресенье, когда я приходил к ним, использовали для богослужения. Некоторые школы получили хороших учителей из Анетиума. Для остальных я выбрал тех, кто лучше всех читает. Они получали за это маленькое пособие.

Занятия в этих деревенских школах проводились на рассвете, потому что, как только

сильная роса испаряется, а это происходит очень быстро, люди начинают работать на полях, так как их жизнь зависит от урожая. В моей школе мне также приходилось начинать занятия в предрассветные сумерки. После обеда я посвящал свое время учителям. Вначале успехи были очень малы, но вскоре они научились концентрироваться на этой необычной работе. Вся жизнь вокруг нас изменилась под влиянием Евангелия. Моя жена ежедневно занималась с пятьюдесятью женщинами и девушками, чтобы научить их шить, плести корзины, читать и петь. Почти все научились шить одежду для своей семьи.

С тех пор как мы приехали на Аниву, прошло три года.

Меня до глубины души трогали молитвы новых христиан. Во время сильной нужды, которая случилась из-за долгой засухи, я слышал сердечную молитву благодарности одного отца перед едой: "Благодарим за данную Богом пищу и благодать, которую Он подарил нам во Христе". Я вошел в хижину и в разговоре с ними узнал, что они собрали и сварили смоковные листья. Даже для островитян это было очень скудной пищей.

Это время острой нужды коснулось и нас, так как наши запасы полностью подошли к концу. Мы ежедневно молились, чтобы наконец пришел миссионерский пароход. Каждый день мальчики-сироты бегали на коралловые скалы у берега. Всегда была одна и та же печальная весть: "Таваки имра!" (Никакого парохода!). Но однажды прозвучало: "Тавака!" (Пароход!). Через некоторое время мальчики снова пришли: "Мисси, это не наш пароход. У этого три мачты, а у "Утренней зари" всего две. Но мы верим, что это наши флаги".

Через некоторое время я посмотрел в бинокль и увидел, что лодки загружают товаром. Из-за рифового пояса пароходы не могут близко подойти к острову. Я пошел с мальчиками на берег, и, когда первая лодка выгрузила тюки, они прыгали от радости. "Мисси, эта бочка так громыхает, как будто в ней корабельные сухари. Можно нам отнести ее домой?" Я сказал, что если это не тяжело для них, то пусть несут, и они тут же быстро покатили ее. Они без труда доставили ее на холм и положили перед домиком для запасов.

Когда я пришел домой, то нашел всех детей обоих сиротских домов собранных вокруг бочки. Они встретили меня вопросом: "Мисси, вы не забыли, что пообещали нам?" – "Что же я вам пообещал?" Они разочарованно посмотрели друг на друга и сказали: "О, мисси забыл!" – "Что же я забыл?" – смеясь, спросил я. "Вы хотели дать каждому из нас по сухарю!" – "Но я хотел посмотреть, не забыли ли вы". – "Мы не сможем забыть! – воскликнули они. – Вы уже скоро откроете бочку?"

Я сбил молотком несколько колец, поднял крышку и дал каждому по сухарю. К моему удивлению, каждый держал свой подарок в руке, не кушая. Я знал, что они голодные. "Почему вы не кушаете? Вы хотите сохранить сухарик? Я думал, что вы еле дождались его!" Тогда один из старших детей ответил: "Мы же хотим вначале поблагодарить Бога, что теперь голод кончился". Они сказали это по-детски, очень просто, совершенно естественно, будто по-другому не может и быть. Мы все поблагодарили Господа за прибытие парохода и за дары. Европейская пища уже давно кончилась у нас. Мы питались кокосовыми орехами, которых также не хватало.

Дети были правы. Это был не миссионерский пароход. Наш пароход "Утренняя заря" 6 января 1873 года был выброшен на рифы и потерпел кораблекрушение. Его купила одна французская кампания, которой пришлось буквально вырезать его из коралловых скал. Он был отремонтирован и должен был возить грузы кампании "Канака". Это означало, что он должен транспортировать рабов. Островитян привлекали под предлогом дать им работу, увозили их и продавали как рабов в других странах. Эта новость была для нас ужасной. Островитяне знали этот пароход как миссионерский и будут полностью доверять людям на корабле. Но что мы могли сделать? Ничего, только молиться Господу, чтобы Он сохранил местных жителей от хитрости белых людей.

Что же случилось? Французские торговцы людьми праздновали удачу. В это время налетел шторм, и пароход швырнуло на скалы. На этот раз его нельзя было спасти, от него остались одни обломки!»

Потеря парохода была для миссии чувствительным ударом. К тому же Патон тяжело заболел ревматизмом, его жена тоже заболела, один из его детей умер – и все это

случилось во время ужасных штормов с января по апрель 1873 года. С Танны приехали миссионеры Ватт, чтобы помочь Патонам. Незадолго до их приезда у Патона наступил кризис здоровья. Он впал в глубокий долгий сон и проснулся с ясным сознанием. Осложнений не было, но он был очень слаб, ноги не держали его, и он передвигался на костылях. Ему необходимо было отдохнуть, а также нужна была врачебная помощь.

Ему предложили провести это время в Австралии, и он использовал его, чтобы обновить интерес местных христиан к миссионерской работе на Новых Гебридах. При его возвращении на Аниву на служение миссии поступил новый пароход. Через год пароход имел твердую финансовую опору, а Патон был снова здоров.

Глава 17

Маленькие эскизы с Анивы

«Среди язычников каждый покаявшийся быстро становится миссионером. Новая жизнь во Христе отделяется, как свет от тьмы, в которой живут остальные, как книга с очень большими и ясными буквами, которые всякий может читать издалека. Наших островитян мало что отвлекает от служения Господу, Которого они знают и научились любить, так как они отделены от всего мира. Нужно брать во внимание все происшедшие благоприятные изменения в жизни островитян, чтобы читатель не подумал, что мы приукрашиваем наши описания о возросшем интересе людей к богослужениям и их желании распространять Благую Весть.

Подумав немного, каждый поймет, что этих людей глубоко коснулась жертва на Голгофе, и они направляют все свои мысли и чувства к Богу. Эти простые люди не увлекаются искусством или литературой, политикой или изматывающей деловой жизнью. У них больше возможностей полностью отдать себя Христу, чем у других, стоящих перед тысячей искушений, которые предлагает им жизнь.

Новообращенные не страшатся гонений, которые воздвигаются на них за распространение Евангелия. В доказательство этому я расскажу следующий случай.

Один из наших вождей послал племени в глубине острова сообщение, что он с четырьмя друзьями придет рассказать им об Иисусе Христе. Вестник принес ответ, что тот, кто осмелится прийти в деревню, будет убит. В ответ наш вождь передал, что христианин должен воздавать добром за зло. Поэтому он все равно придет и без оружия в знак того, что его приход мирен. Ответ был прост: "Если вы придете, будете все убиты!"

На следующее воскресенье наш вождь с четырьмя верующими отправился в путь. Не доходя до деревни, они увидели большую группу вооруженных людей, которые встретили их серьезными угрозами. "Вы видите,– сказал наш вождь, – мы все пришли без оружия. Мы хотим не воевать, а только рассказать вам, что Бог послал Своего Сына к людям, чтобы научить их, и что Он умер ради их спасения. Мы верим, что Он нас сегодня защитит!"

Когда пятеро мужчин решительно приблизились к своей цели, им навстречу полетели копья. Все пятеро были хорошими воинами. Уклоняясь от одних копьев, они руками ловили другие, и вскоре каждый из них имел их достаточное количество.

Удивление и страх охватили врагов, когда они увидели, что эти пятеро не вступают в борьбу, но спокойно приближаются к ним, и они отступили от них в деревню. Там победивший без оружия вождь воскликнул: "Вы видите, Бог защищает нас. Он дал нам все ваши копья. Раньше мы бросили бы их назад и убили бы вас. Теперь же мы не хотим воевать. Мы только хотим рассказать вам об Иисусе, Который изменил наши сердца. Он хочет, чтобы и вы сложили свое оружие и послушали, что мы расскажем вам о любви Бога, единственно живого Бога!"

Страх заставил врагов замолчать. Они видели, что эти христиане защищены какой-то невидимой силой. Впервые они открыли свои сердца для вести о Спасителе, и скоро все племя училось в школе и церкви.

Однако испытания и искушения постигали молодых христиан Анивы. Однажды на берег сошли больше ста таннезийцев. Они потерпели поражение на своем острове и искали защиты и спасения на Аниве. Несколько лет назад их бы встретили как врагов. Может, они вообще не решились бы бежать сюда, потому что аниванцы были такими же каннибалами, как и те, что на Танне. Беженцев приняли очень приветливо, они оставались там до тех пор, пока вражда их соплеменников мало-помалу была забыта.

Мой старый друг Новар, который был среди беженцев, делал все возможное, чтобы его люди соблюдали порядок, потому что только с таким условием их приняли на остров. Это время было для них своего рода воспитанием. Многие стали носить одежду и приходить на богослужения. Для аниванцев, которым остров давал только самое необходимое для пропитания, это большое число беженцев было немалым бременем. Но они несли его с радостью, показывая этим, что христианский дух начал наполнять их.

На Аниве я познал, что там, где люди сердечно отдаются Господу, Бог особым образом выдвигает одарованных мужей, которые с благословением продолжают дело Божье. В первую очередь к ним относился старый вождь Намакей. Медленно, но уверенно продвигался он в познании Господа, и вместе с тем росло его усердие передать своим людям то, что он получил. До этого он был каннибалом и жестоким предводителем в войнах.

Когда у нас на Аниве родился сын, старый вождь был в большом волнении. Он пожелал, чтобы это дитя было его наследником – он потерял своего сына – и привел всех своих людей, чтобы они посмотрели на белого вождя с Анивы! Ему оказали большую честь, назвав его Намакей-младший, но мы не знали, как правильно оценить это. Старый вождь не обиделся на нас за это, он очень любил мальчика. Когда наш сын подрос, Намакей везде брал его с собой и не спускал его с рук, уча своему языку.

Намакей также изъявил желание присутствовать на годичном общении миссионеров. Я не соглашался брать его с собой, так как он был уже очень стар и нездоров. Я боялся, что он мог умереть в Анетиуме, и эта потеря повредит делу Евангелия, так как его все любили и очень уважали. Но все мои доводы не были приняты. Он сам, его родные, все племя – все были за то, чтобы я взял его с собой на следующее миссионерское общение.

Он собрал всех своих людей и сердечно попрощался со всеми, повелел им оставаться твердыми в Иисусе, возвратится он назад или нет, и всегда верно поддерживать мисси. Все это происходило на борту новой "Утренней зари". Все были тронуты знаками любви и уважения, оказанными старому вождю.

Он хорошо перенес морскую поездку, и был очень счастлив, когда миссионеры дружески приветствовали его. Когда он услышал о больших успехах евангелизации и о том, как один остров за другим отдаются на служение Господу, он сказал: "Мисси, я высоко поднимаю свою голову, как дерево свою крону. Я делаюсь выше от радости!"

На пятый день он вызвал меня из собрания и сказал: "Мисси, я близок к смерти. Я хочу еще попрощаться с вами. Передайте моей дочери, моему брату и моему народу – пусть они продолжают любить Иисуса, чтобы я вновь увиделся с ними у Господа". Я попытался утешить его, говоря, что Бог может укрепить его, чтобы он смог возвратиться на остров, но он слабым голосом прошептал: "Нет, мисси, смерть уже касается меня. Мои ноги уже не несут меня! Помогите мне лечь под тень дерева". Когда Намакей лег, он сказал: "Теперь я иду домой. О мисси, дайте мне услышать вашу молитву, это даст силы моей душе". Я со слезами помолился. Он пожал мою руку, положил ее себе на грудь и сказал: "О мой мисси, мой дорогой мисси! Я ухожу вперед вас, а у Иисуса мы снова увидимся. До свидания!"

Это были его последние слова. Он произнес их и потерял сознание. Моя скорбь была велика. Намакей был первым верующим на Аниве, первым, кто открыл свое сердце Господу. Он был моим верным неизменным другом и помощником. На следующее утро миссионеры помогли мне похоронить его. Мы стояли у гроба и оплакивали того, кто еще несколько лет назад был каннибалом, запятнанным кровью, а теперь мы провожали его как брата, как вестника Евангелия. Он был новым творением во Христе Иисусе.

Мы со скорбью ожидали момента возвращения на Аниву. Когда наша лодка приблизилась к берегу, там были собраны почти все жители острова. У самой воды

стояла дочь Намакея, Литси, и его брат. Литси уже издалека спросила: "Мисси, где мой отец?" Она все повторяла вопрос, пока мы приближались к берегу, а затем спросила: "Намакей умер?" – "Да, – ответил я, – он умер в Анетиуме. Он у Господа!" Страдальческий крик, прозвучавший из уст Литси, был подхвачен другими, и понесся, словно жалобная песня, то утихая, то усиливаясь. Когда я наконец сошел на берег, Литси с Каланги, братом умершего, подошли ко мне, пожали мне руку и, рыдая, сказали мне: "Ах, мисси, мы знали, что он умрет. Но он запретил нам говорить об этом. Он радовался тому, что уснет в Анетиуме, пока Иисус не воскресит его. Он повелел нам слушаться вас и любить Иисуса, и мы хотим исполнить это".

Второй вождь, Несвай, сопровождал нас до миссионерского дома, и вся процессия с плачем следовала за ним. На следующее воскресенье я рассказал историю покаяния Намакея, о его жизни во Христе и о его смерти. Божья милость не допустила, чтобы эта смерть имела плохие последствия для дела Божьего, – наоборот, у многих появился интерес к нему.

Несвай, друг Намакея, был вождем многочисленного племени и теперь занял его место у нас. Он имел благородный вид, а его жена Катуа, по сравнению с другими женщинами, выглядела дамой. Они имели хорошее влияние на людей. Несвай был моложе и более развитым, чем его предшественник, и мог мне больше и лучше помогать. Только при переводе Библии он не превосходил Намакея, который обладал исключительными способностями и во многих случаях подбирал лучшие и точные выражения. Несвай был учителем в школе, а также пресвитером церкви. Его проповеди производили прекрасное действие в результате хорошо подобранных примеров.

Однажды наш пароход "Утренняя заря» привез группу жителей с Фотуны, чтобы увидеть изменения, происшедшие на Аниве. И в воскресенье после богослужения некоторые молодые христиане беседовали с необращенными фотунезийцами.

Несвай говорил следующее: "Мужчины Фотуны, вы приехали, чтобы увидеть, что произвело Евангелие на Аниве. Эти изменения совершил живой Бог. Как язычники, мы ссорились друг с другом, воевали и ели друг друга. У нас не было друзей и не было мира ни в сердцах, ни в доме, ни в деревнях, ни в стране. Теперь мы братья. Мы живем в мире и счастливы. Когда вы возвратитесь на Фотуну и вас спросят: "Что такое христианство?", то ответьте им: "Это то, что дало людям одежду и одеяла, ножи, топоры, сети и много нужных вещей. Это то, что помогло им оставить вражду и жить в мире". Они спросят: "Как выглядит христианство?" И вы должны сказать, что его нельзя увидеть, можно только познать то, что оно произвело. Скажите им, что никто не может понять, что такое христианство, пока не полюбят Иисуса, нашего невидимого Господа, пока не последуют за Ним.

Люди из Фотуны, вы думаете, что если вы не будете танцевать и петь и поклоняться вашим богам, то ваши поля не дадут вам хорошего урожая? Мы тоже так думали и делали много мерзостей, прославляя мертвых наших богов. Но мы смотрели на мисси, а он ничего этого не делал. Он молился о благословении невидимому Богу, когда сажал диоскорею, и его посевы росли лучше, чем наши. Вам нужна сила для обработки полей, а к работе вы приступаете усталыми, потому что неделями угождаете мерзостями своим богам. А мы к работе приступаем с полной силой. Мы молимся Богу, Которому не нужны дикие танцы, Который дает нам покой и радость в работе. С тех пор как мы следуем примеру мисси, Бог дает нам большие диоскореи, и мы знаем, что Он один может благословить нас и дать обильный урожай".

После этого Несвай обратился ко мне: "Мисси, может, у вас еще есть огромные диоскореи, которые мы принесли вам? Может, было бы неплохо отдать их людям с Фотуны, чтобы они показали их дома и увидели, как Бог слышит наши молитвы и благословляет нас? Только один Бог может вырастить такие диоскореи".

Так мы и сделали. Фотунезийцы взяли с собой для показа огромные диоскореи.

До 1875 года Несвай верно поддерживал меня. Он умер через короткое время после того, как похоронил свою жену Катуа. В последний час своей жизни он выразил благодарность, что Иисус сделал его новым человеком и что он с радостью идет к Нему, и попросил, чтобы все верно служили Ему.

Два вождя – Нерва и Рувава – имели не меньше влияния, чем Намакей и Несвай.

Прежде Нерва был враждебно настроен к нам, но его вражда была побеждена одной девочкой-сиротой из их села, которая воспитывалась у нас. Рассказы малышки, иногда посещавшей родное село, вызвали у Нервы интерес. Он стал посещать богослужения. Вначале он слушал издали, но своей жене он разрешил присоединиться к нам, и вскоре его сердце открылось для Благой Вести. Став христианином, он с большим усердием стал распространять весть о Христе. Благодаря ему соседний вождь со своим племенем тоже присоединился к нам.

Когда Несвай умер, Нерва занял его место на наших богослужениях. Как и тот, он нес мою Библию в церковь, и я видел, как он прижимал ее к себе, как будто она была живым существом. Часто я слышал, как он говорил: "Ах, как хорошо, что я имею это богатство и к тому же на родном языке!" Он много читал Евангелие и мог довольно свободно и правильно читать. С Рувавой, которого он сам привел к нам, они успешно учительствовали в школе своей деревни.

После долгих счастливых лет приблизился конец жизни Нервы. Его так любили, что его постель была почти всегда окружена его людьми и учениками. Он часто прочитывал отрывок из Библии и пел песни с теми, кто приходил утешать его.

При моем последнем посещении Нерва был уже очень слаб. Он кивнул мне, чтобы я нагнулся и шепнул мне: "Мисси, мой мисси, как я рад, что вы пришли! Посмотрите на тех молодых людей, которые хотят оказать мне любовь. Но я устал от них, так как они вообще ничего не сказали об Иисусе. Я уже не могу читать. Помолитесь за меня и прочитайте мне из Евангелия".

Когда я уже приготовился, он сказал: "Позовите их всех сюда. Я хочу поговорить с ними, прежде чем уйду". Все приблизились к умирающему, который, собрав последние силы, сказал: "Не возвращайтесь к языческому пустословию и обычаям, когда я умру. Пойте песни Богу, молитесь Иисусу и похороните меня как христианина. Хорошо охраняйте моего мисси. Помогайте ему везде, где только можете. Я умираю счастливым, так как иду к Иисусу. Путь к Нему указал мне мисси... Кто из вас возьмется за мою работу в сельской школе? Кто из вас будет стоять за Господа?"

Многие плакали. Никто не отвечал. Тогда Нерва сказал: "Вот мое последнее слово. Давайте прочитаем главу из Библии – каждый по порядку по одному стиху. Затем я помолюсь за всех вас, а мисси помолится за меня. Потом спойте, и Бог возьмет меня к Себе, пока еще будет звучать песня". Мы исполнили его желание. Когда мы тихо пели "Есть страна блаженства", умирающий схватил мою руку и пытался еще что-то сказать, но напрасно – его голова упала на подушку. Как он желал, так и умер.

Через некоторое время после похорон Нервы один мужчина из его села принял школу. Его жена помогала ему в этом. Это была та маленькая девочка-сиротка, которая долгие годы жила у нас. Рассказывая в селе о Христе, она была первым орудием для обращения Нервы.

Рувава, друг Нервы, почти до конца верно ухаживал за ним, а потом сам тяжело заболел. Посетив его как-то после обеда, я нашел его на поле.

"Я попросил отнести меня на поле, – сказал он мне. – Я надеюсь, что здесь мне легче будет дышать. Все стоят молча и плачут, – продолжал он, – так как думают, что я умру. Я под защитой Бога. Если Он возьмет меня – значит хорошо. Если Он оставит меня и дальше помогать вам, то и это хорошо. Пожалуйста, мисси, помолитесь и скажите Господу все".

Присутствующие подошли ближе, и я исполнил его просьбу. Я сказал Господу, как мы желаем, чтобы он выздоровел и снова с радостью трудился. Когда мне надо было уходить, Рувава сказал: "До свидания, мисси. Если я уйду раньше, то буду встречать вас там. Если выздоровею, то хочу вместе с вами трудиться для Царства Божьего!"

Мы долго молились за него. Когда казалось, что уже нет никакой надежды на выздоровление, наступило облегчение. Болезнь отступила, и вождь выздоровел. Он еще не мог сам ходить, но попросил, чтобы его проводили в церковь. От имени всех я громко поблагодарил Бога за услышанные молитвы.

Затем Рувава попросил слова, и хотя голос его был еще слабым, его речь произвела глубокое впечатление на сердца всех присутствующих. Он сказал: "Дорогие друзья, Бог отдал меня вам. Я радуюсь этому и поэтому пришел сюда, чтобы благодарить Того, Кто

нас сотворил и укрепляет. Я желаю, чтобы вы делали для Иисуса все, что можете, и никогда не упускайте возможности делать доброе. На моем пути, который проходил у края могилы, я был спокоен, потому что люблю Иисуса. Я не боюсь страданий. Наш Учитель намного больше страдал и учил меня все переносить. Я не боюсь ни войны, ни голода, ни настоящего, ни будущего. Мой Иисус умер за меня, и я буду жить Его смертью, когда умру. Я боюсь и люблю моего Господа, потому что Он любит меня и умер за меня на кресте.– Затем он поднял руки и сказал: – Мой любимый, дорогой Господь!"

Когда он сел, наступила глубокая тишина. Его слова врезались в сердце каждого.

Когда я в 1888 году снова приехал на Аниву, Рувава был еще крепок в работе. Один учитель из Анетиума, Корис, поддерживал его. В мое отсутствие часто приезжали верные помощники, супруги Ватт с Танны и направляли работу Руававы и других. Собрания, занятия для взрослых, школы, богослужения – все проводилось успешно и постоянно.

Литси, дочь верховного вождя Намакея, была в своем роде королевой. Оставшись два раза вдовой, она снова вышла замуж. Они с мужем крепко держались нас, и у нее появилось желание, чтобы христианство распространялось еще больше. Часто она говорила: "Неужели ни один миссионер не пойдет на Танну? Я плачу и молюсь о них, чтобы они познали Иисуса и научились любить Его".

"Литси, – сказал я однажды, когда она снова искренне выразила свое желание, – если бы я только молился и плакал о вас, но остался в Шотландии, привел бы я вас к Иисусу?" – "Конечно, нет", – ответила она. "Так не хотите ли вы сами пойти туда и помочь нести Благую Весть?"

Это слово упало на добрую почву. Она запомнила его, и когда наконец нашелся миссионер для Танны, она переселилась туда вместе с семьей, а с ними еще шесть или восемь аниванцев. Они трудились там учителями и поддерживали миссионеров. Ее старший сын воспитывался у дяди, усердного христианина, чтобы стать добрым верховным вождем Анивы. Так называла его мать в своих молитвах, прося Господа сохранить сына и сделать сильным в Боге.

Много лет прошло с тех пор. Когда я недавно посетил их на Танне, Литси крепко пожала мне руку и сказала со слезами радости на глазах: "О мой отец! Я благодарю Бога, что я снова вижу вас! Здорова ли моя мать, ваша любимая жена? А также мои братья и сестры, ваши дети? Я всем сердцем люблю вас всех!"

Когда она успокоилась, мы долго беседовали. Она сказала: "Мисси, здесь у меня тяжелая работа. Я могла быть на Аниве богатой, как королева. Но я все же лучше останусь здесь, потому что язычники начинают слушать. Мисси говорит, что они уже приближаются к Господу. Как хорошо будет там, когда мы со всеми святыми будем петь хвалебную песнь нашему Спасителю! Эта надежда укрепляет меня во всей работе, которая часто очень тяжела".

Нази, таннезиец, был очень опасным человеком. Он убил второго мужа Литси, вождя Мунгав. Когда Нази еще жил на Аниве, он тяжело заболел и долго лежал. Мы делали все возможное для его выздоровления, и я постоянно посещал его. Он относился к этому равнодушно, и казалось, что наша любовь не производит в нем никакого действия.

Незадолго до отъезда в Австралию я снова пошел к нему, чтобы попрощаться, и тогда спросил его: "Нази, ты счастлив? Или был когда-то счастливым?" С мрачным видом он ответил: "Нет, никогда!" – "А хочешь ли ты, – продолжал я, – чтобы ваш маленький сын, которого вы так любите, стал таким же и жил, как ты?" – "Нет, – с теплотой в голосе ответил мужчина, – я хотел бы видеть его счастливым". – "Тогда ты должен стать христианином, Нази. Ты должен изменить всю свою жизнь, иначе и ваш ребенок вырастет для вражды, войн и убийства, и будет таким же несчастным, как и ты. О Нази, в вечности он будет обвинять тебя, что ты воспитал его для такой жизни и для ада!" Это произвело видимое впечатление, но ответа не последовало.

После нашего отъезда некоторые молодые христиане советовались друг с другом насчет Нази и сказали: "Мы знаем, каким бременем был этот человек для мисси, как часто мисси попадал в опасность из-за него. Мы знаем, что он совершил много убийств. Давайте вместе ежедневно за него молиться, чтобы Бог смягчил его сердце и научил добру. Давайте приобретем его для Господа, как и мисси приобрел нас для Него". Они

начали всячески оказывать ему внимание. По очереди помогали ему в работе и христиане использовали любую возможность рассказать ему об Иисусе. Вначале он грубо отклонял их старания и держался подальше от них. Но они не переставали молиться и продолжали быть приветливыми к нему.

Наконец после долгого ожидания благовестники были вознаграждены. Однажды Нази сказал им: "Я не могу больше противиться Иисусу. Если Он делает вас такими добрыми ко мне, то я хочу уступить и Ему, и вам. Пусть Он изменит и мое сердце, как ваше".

Он отмыл отвратительную краску с лица, дал обрезать свои длинные заплетенные волосы, помылся в море и пошел к христианам, которые охотно дали ему одежду. Позднее он получил одну часть Библии и мог часами слушать. С тем же усердием он научился читать. Учителя и пресвитеры оказывали ему особое внимание, и через некоторое время он крестился и участвовал в Вечере Господней. Вы не можете представить себе мою радость, когда, возвратившись, я узнал об этом и увидел его в нашей среде.

Когда в 1886 году после долгого отсутствия я вновь вернулся на Аниву, то еще больше восхищался благодатью Божьей. Нази, бывший убийца, научился проповедовать Слово Божье удивительным и захватывающим образом!»

Эпилог

«В первое воскресенье после моей последней поездки в Австралию и Великобританию меня ожидал на Аниве большой сюрприз. Когда я проснулся, только начало рассветать. Я обдумывал все события, пережитые на острове, и славил Господа за Его милость. И тут мне пришла мысль: уменьшилась ли церковь за четыре года моего отсутствия? Вдруг я услышал хвалебную песню. День еще не наступил, и я не мог сообразить, что бы это могло значить.

Когда я пришел к поющим, один из предводителей сказал мне: "Мисси, когда вы уехали от нас, нам тяжело было оставаться близкими к Богу. Поэтому мы с вождем решили, чтобы учителя и некоторые другие собирались в воскресенье как можно раньше и первые часы этого дня проводили в хвале и благодарности Богу. Сейчас мы хотим за вас молиться. Мы хотим благодарить Бога, что Он возвратил вас к нам, и просить Его, чтобы Он благословил сегодня ваше слово в сердце каждого слушающего".

На богослужении присутствовали все, кроме больных. По окончании его пресвитеры рассказали мне, что они всегда усердно проводили собрание и занятия, а затем подали мне значительный список тех, кто желает присоединиться к церкви и участвовать в Вечере Господней.

Когда я рассуждаю об усердной работе учителей и пресвитеров на Аниве, как они долгие годы работали для Господа по мере своих сил, то думаю: "Насколько больше могли бы достичь способные и всесторонне образованные белые братья, если бы они, работая для Господа, учили незнающих, поддерживали колеблющихся и не оставляли упавших».

Человек «с одной только мыслью»

По отношению к неверующим каннибалам на Новых Гебридах, этому малознакомому и незначительному миссионерскому полю в Южном море, Джон Патон, по мнению своих современников, был человеком «с одной только мыслью». Патон соглашался с этой оценкой. Он видел цель своей жизни в том, чтобы приводить к Иисусу Христу людей, жизнь которых нагоняла ужас на большинство европейцев, а его трогала до слез в сострадании.

Многими путями, в которых он позднее увидел водительство Божье, пришлось пройти Джону Патону, пока он не достиг своей цели – стал миссионером. Эти пути привели его на Аниву, где он собрал для Господа большую жатву.

На Танне у него умерли жена и ребенок. Все белые миссионеры на Танне, друзья одинокого «мисси», стали прямо или косвенно жертвой кровожадных островитян.

Доверие, с которым Джон Патон относился к своему Господу, помогло ему пройти через все невзгоды и сделало его зрелым служителем.

Джон Патон был современником больших мужей Божьих. Муж веры, Георг Мюллер, приглашал его в свои сиротские дома в Бристоле, чтобы он рассказал о жизни среди каннибалов в Южном море. Чарльз Сперджен не мог удержаться, чтобы не назвать его крылатым выражением «король каннибалов», и дал пожертвование для Новых Гебридов «от Господних коров» (Сперджены держали коров для поддержания миссии!).

Как и Хадсон Тейлор, он так сросся со своей жизненной задачей, что начал думать на языке Анивы. На одном собрании на своей родине у него вдруг кончились английские слова, и ему пришлось преждевременно закончить свою молитву.

Человек «с одной только мыслью» стремился к тому, чтобы на каждом острове жил миссионер. Неудивительно, что он всех своих детей со дня рождения посвятил единственной жизненной цели – быть миссионерами – вестниками Бога среди тех, кто не знает Господа Иисуса Христа, отвергает Его, а с Ним и Его вестников. У Джона Патона было чем противостать этому миру – любовь к этим несчастным людям и беспредельное доверие своему Небесному Отцу.